ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИКА СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Том 1
Социальные детерминанты развития Сибири в пространстве и во времени

Сборник статей

Под редакцией
С.В. Коржук

Новосибирск
2018

УДК 316
ББК 60.05

Э 40 **Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сборник статей в 6-ти т.** Том 1: Социальные детерминанты развития Сибири в пространстве и во времени / под ред. С.В. Коржук – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – 200с.

ISBN 978-5-89665-331-8

Сборник статей сформирован по итогам всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века» и содержит статьи докладов, представленных на секции 1 «*Социальные детерминанты развития Сибири в пространстве и во времени*».

Материалы сборника содержат результаты исследований по таким направлениям как: демографическая безопасность Сибири и России в целом, проблемы и перспективы системы профессионального образования, практики трансформации человеческого потенциала молодежи в человеческий капитал, специфика сибирских рынков труда и занятости, модели воспроизводства социально-экономических неравенств в условиях Сибири и России в целом, особенности развития городских и сельских территорий, процессы реформирования муниципальной власти, практики самоорганизации местных сообществ. Публикуемые материалы могут содержать спорные авторские идеи и помещены в сборнике для дискуссии.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов вузов, представителей государственной власти и бизнес сообщества, интересующихся актуальными проблемами социально-экономического развития Сибири.

Сборник статей опубликован при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-010-20049

ISBN 978-5-89665-331-8

© ИЭОПП СО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

INSTITUTE OF ECONOMICS
AND INDUSTRIAL ENGINEERING
SIBERIAN BRANCH OF
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMY OF SIBERIA
UNDER GLOBAL CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

Volume 1
Social determinants of the development of Siberia in space and time

Collection of articles

Edited by
S.V. Korzhuk

Novosibirsk
2018

Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century. Volume 1: Social determinants of the development of Siberia in space and time / ed. S.V. Korzhuk – Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2018 – 200 p.

ISBN 978-5-89665-331-8

The collection of articles contains the results of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century" presented at Section 1 *"Social determinants of the development of Siberia in space and time"*.

The digest includes research results for such areas as food security of Russia and Siberia in particular, problems and prospects for professional education system, practices of transformation of the youth's human potential into human capital, the specifics of labor markets in Siberia, models of social and economic inequality in Russia and Siberia in particular, development features of urban and rural areas, municipal authorities' reforming processes, practices for self-organization of local communities. Published materials may contain controversial author's ideas and have been included into the collection to provoke discussion.

This book will be of great value to scientific researchers, lectures and students of economic departments of universities, government officials and the business community who are interested in actual problems of the social and economic development of Siberia.

Collection of articles has been printed with financial support of Russian Foundation for Basic Research, project №18-010-20049

ISBN 978-5-89665-331-8

© IEIE SB RAS, 2018
© Group of authors, 2018

Конференция «Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века», посвящённая 60-летию ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 18-20 июня 2018 г.) проведена:
при финансовой поддержке:
Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-010-20049,
Российской академии наук,
ПАО «Кузбасская топливная энергетическая компания»,
Фонда собственника целевого капитала «Эндаумент НГУ»,
совместно с:
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
при поддержке:
Сибирского отделения Российской академии наук,
Федерального агентства научных организаций России.

The conference "Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century" dedicated to the 60th anniversary of the IEIE SB RAS (Novosibirsk, IEIE SB RAS, June 18-20, 2018) is organized:
with financial support of:
Russian Foundation for Basic Research, project №18-010-20049
Russian Academy of Sciences,
Kuzbass Fuel Energy Company,
The fund-owner of the target capital "Endowment of NSU",
together with:
Novosibirsk State University,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
supported by:
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Federal Agency of Scientific Organizations of Russia.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рамках конференции секцией были проведены четыре тематические сессии, на которых был представлен 21 доклад. География выступивших – Новосибирск, Москва, Тюмень, Томск. Многие доклады секции содержали оценки существующей и перспективной социально-экономической политики и предложения по совершенствованию политики.

Демографическое развитие, здоровье и миграционные процессы (6 докладов)

Выступление Кирдиной С.Г. базировалось на материалах междисциплинарного исследования 65 стран на стыке географии, экономической истории, макро-социологии с применением разнообразных методов. Сделан вывод, что институциональные механизмы не являются только результатом политики, они имеют объективную обусловленность, связанную с географическими особенностями.

Задачей доклада Попкова Ю.В. была заявлена фиксация некоторых общих тенденций воздействия миграции на этносоциальную динамику с акцентом на опыте Сибири. Рекомендовано при проведении миграционной политики учитывать интересы принимающего сообщества. Важной задачей политики, по мнению автора, должна быть не только адаптация и интеграция мигрантов, но и обеспечение условий для нормального социального самочувствия местного населения.

В докладе Гуменникова И.А. с соавторами был представлен разработанный ими российский индекс благополучия старшего поколения. Был сделан вывод о его снижении в последние годы по всем федеральным округам, а также почти во всех субъектах СФО и, особенно, в Томской области; отмечено, что проект повышения пенсионного возраста, разрабатываемый в правительстве РФ, еще более ухудшит благополучие старшего поколения.

Общественник Сандомирский И.А. предложил комплекс оргмер по решению демографической проблемы: учредить в федеральном правительстве должность вице-премьера по демографической политике, а в регионах – должность вице-губернатора по координации политики в вопросах

демографических процессов, семьеведения, миграции; в регионах ежегодно составлять доклад о демографической ситуации; переформатировать государственные СМИ с использованием механизма госзаказа и грантов для продвижения социально-демографической тематики, особенно для содействия семейному воспитанию; - создать систему подготовки кадров демографов и семьеведов; содействовать созданию общественного объединения «Российское демографическое общество».

Два доклада (Тагаевой Т.О., Казанцевой Л.К. и Соболевой С.В. с соавторами) были посвящены оценке общественного здоровья и проблемам здравоохранения в России и ее регионах.

Социально-экономическое и территориальное неравенство (6 докладов)

Доклады Бусыгина С. В., Мишуры А. В., Шильцина Е. А. и Сидоровой О. С., Мосиенко Н. Л. посвящены зонированию городской территории на основе стоимости жилья. В первом докладе демонстрируется методика и результаты оценки «школьного фактора»: при других равных условиях (характеристиках инфраструктуры и жилья) стоимость будет выше рядом со школами, выпускники которых показывают высокие результаты ЕГЭ; во втором – ценовое зонирование г. Новосибирска, на материалах экспертных интервью с риелторами показано, что ценовая дифференциация - предпосылка социальной сегрегации.

В докладе Горяченко Е. Е. представлены результаты опросов мэров монофункциональных городов, показано, что при смещении оценок экономической ситуации в негативную сторону совокупность моногородов дифференцирована в зависимости от успешности градообразующего предприятия.

В докладах Малова К. В. и Васильевой А. А., Ивановой В. В. анализировались данные Комплексного наблюдения условий жизни населения России (Росстат); показано, что в текущей социально-экономической ситуации удовлетворенность условиями жизни определяется преимущественно экономическими факторами - уровнем жизни, состоянием рынка труда.

В докладе Елгина В. В. были представлены результаты опросов вахтовых рабочих ООО «Газпром добыча Надым». Высокая доля работников с высшим образованием среди выполняющих квалифицированные рабочие функции, ориентация кадровой корпоративной политики преимущественно на экономические стимулы, жесткий административный стиль управления приводят к ухудшению социально-психологического климата в закрытых сообществах вахтовиков, падению трудовой мотивации.

Сельское развитие и вопросы муниципального управления (4 доклада)

На сессии обсуждались вопросы социально-экономического развития сельских территорий России и Сибири и последствия недавних реформ системы местного самоуправления. Также в фокусе внимания участников секции находились проблемы обеспечения продовольственной безопасности жителей сибирских регионов в контексте существующего потенциала и условий ведения сельского хозяйства в разных регионах СФО. Обсуждались тренды землепользования и изменения структуры производителей сельхозпродукции в регионах России и Сибири, которые выявила Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. (ВСХП-2016). Еще один аспект дискуссий касался социокультурных процессов развития сельских территорий в республиках Тыва и Алтай.

В докладе М.Р. Зазулиной было убедительно показано, что вносимые институциональные коррективы в систему властных отношений приводят к все большему огосударствлению муниципальной власти и перераспределению центра ответственности за социальное развитие локальных территорий от сельских поселений к муниципальным районам. Сокращение числа полномочий и финансового обеспечения сельских администраций сокращает возможности своевременного и эффективного решения вопросов местного значения.

И.В. Щетинина, рассматривая разные аспекты аграрной политики, предложила выделять вертикальные и горизонтальные уровни продовольственной безопасности, в том числе в разрезе отдельных сибирских регионов, проанализировала возможности

и условия обеспечения физической, социальной и экономической доступности продуктов питания для жителей регионов СФО.

Доклад О.П. Фадеевой содержал анализ данных двух сельскохозяйственных переписей (ВСХП-2006 и ВСХП-2016), который зафиксировал значительный рост площадей неиспользуемых сельскохозяйственных угодий за межпереписной период. При этом было отмечено, что необходимость ввода в хозяйственный оборот необрабатываемых земель – вопрос очень дискуссионный и неоднозначный. Особое внимание было уделено вопросам некомпетентности государства в качестве регулятора АПК, в т.ч. в условиях чрезвычайных ситуаций и волатильности зерновых и продовольственных рынков, что особенно негативно проявляется в Сибири.

С.А. Мадюкова представила конкретные формы и практики этно-экономического неотрадиционализма в жизнедеятельности этнических групп республик Тыва и Алтай, которые, с одной стороны, выступают как ресурсы повышения экономической стабильности данных регионов, но с другой стороны, способствуют замещению аутентичной культуры эрзац-формами.

Человеческий потенциал молодежи и инновационное развитие экономики (5 докладов)

На сессии обсуждались следующие проблемы:

- Различия между регионами и отставание Сибири и Дальнего Востока от средне российского уровня ставят под вопрос достижимость к 2024 году намеченных целей по развитию ЧП в азиатской части РФ.

- Пока не отмечается необходимого интереса студентов к инновационной экономике или научно-исследовательской сфере как потенциальному месту работы.

- В ответах студентах отражается низкая востребованность инновационных компетенций в современной экономике.

- Многие представители студенчества не уверены в том, что в будущем смогут повлиять на изменения в России к лучшему.

- В динамике была выявлена тенденция снижения ценности высшего образования как средства достижения успеха среди российской молодежи.

- Вышедшая на рынок труда молодежь все еще заинтересована в участии в теневом секторе экономики посредством организации собственного неформального бизнеса.

Рекомендации, сделанные в докладах сессии:

*Сформировать организационно-правовые условия для «пробных», экспериментальных бизнес-проектов молодежи.

*Необходимо продолжить поиск новых форм общественного участия, актуальных для молодежи.

*Признать целесообразным проведение мониторинга неформальной бизнес-активности на основе социальных сетей с целью коррекции и проверки индикаторов такого вида деятельности.

*Признать целесообразным информирование и инструктирование крупного бизнеса о способах взаимодействия и работы с интрапренёрами (внутрифирменными предпринимателями).

*Признать важным социологическое изучение посредством многофакторного анализа и мониторинга интенций и фактических усилий молодежи относительно выезда заграницу.

д.э.н., профессор С.В. Соболева
к.соц.н., доцент Т.Ю. Богомолова
к.соц.н, доцент О.П. Фадеева
к.соц.н И.И. Харченко
к.соц.н., доцент Т.Ю. Черкашина

БУСЫГИН С.В., МИШУРА А.В., ШИЛЬЦИН Е.А.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КАЧЕСТВА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТОИМОСТЬ ЖИЛЬЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ РФ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

В работе исследуется реакция населения на неоднородность качества школьного образования и востребованность качественных школ в г. Новосибирске с помощью методологии «границ школьных округов». Результаты показывают, что на стоимость жилья в городе влияет качество ближайшей школы, а сила этого влияния соответствует результатам многочисленных зарубежных исследований в этой области.

Ключевые слова: качество школьного образования, стоимость жилья, социальное окружение, городское развитие

BUSYGIN S.V., MISHURA A.V., SHILTSIN E.A.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk state university, Novosibirsk, Russia

ESTIMATION OF IMPACT OF SCHOOL QUALITY ON HOUSE PRICES IN REGIONAL CENTRE OF RUSSIA (BY THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK)

This study estimates the response of population on heterogeneity of school quality and demand for high-quality schools in Novosibirsk using “boundary fixed effects” approach. Results obtained show that urban house prices are affected by the quality of the nearest school and magnitude of this impact accords with the results of numerous researches in this area.

Keywords: school quality, house prices, neighbourhood, urban growth.

Введение

Качество школьного образования, и его неравномерность, волнуют многих. Оно часто попадает в фокус политических и государственных дебатов многих стран; и как фактор развития экономик, и как фактор сохраняющейся социальной несправедливости. Связь между качеством школьного образования и стоимостью жилья в США и Европе — является подтвержденным фактом среди множества зарубежных исследований.

Цель настоящей работы — выяснить, существует ли эффект влияния качества школьного образования на стоимость жилья, на примере рынка недвижимости г. Новосибирска.

Несмотря на значительное количество российских исследований в области экономики образования и экономики недвижимости, в российской практике имеется немного эмпирических работ, посвященных изучению влияния пространства и окружения на цену жилой недвижимости, и, в частности, анализу вклада фактора качества школ в экономическую оценку недвижимости.

Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью зависимости стоимости жилья от наличия и качества объектов социальной инфраструктуры и факторов развития окружающей территории по данным российских рынков. В работе сопоставляются массив данных по объявлениям о продажах квартир на вторичном и первичном рынке жилья г. Новосибирска осенью 2017 г. с учетом их пространственного расположения и доступные индикаторы качества школ города. Это даёт возможность выделить эффекты качества школы среди прочих эффектов, определяемых местоположением жилья.

Обзор литературы

Устоявшейся методикой моделирования зависимости цен на недвижимость является использование гедонистического подхода к ценообразованию. В его основе лежит идея о представлении объекта недвижимости в виде совокупности характеристик или качеств, а также характеристик его внешнего окружения. К (внутренним) характеристикам объекта недвижимости непосредственно относятся общая и жилая

площадь помещения, площадь кухни, номер этажа, вид строительного материала для стен, возраст дома и другие показатели. Эта та группа факторов, с которой почти не возникает проблем при оценивании. Внешними характеристиками недвижимости могут служить качество инфраструктуры, экология, уровень преступности, доступность мест отдыха и множество других факторов, которые в основном определяются местоположением. Выбор ключевых факторов этой группы, а также оценка их влияния сопряжена с большими трудностями и нередко вызывает разногласия среди исследователей, поскольку большинство внешних характеристик является ненаблюдаемыми.

Большинство авторов в качестве факторов социального окружения рассматривают транспортную доступность объекта, экологические характеристики и уровень преступности. В некоторых случаях транспортную доступность удобно измерять как расстояние до делового центра (Например, [2]). Безопасность района можно оценить как долю преступлений в районе в общем числе городских преступлений в год [12]. Состояние экологии в районе обычно характеризуют объемом выброса загрязнений в атмосферу за фиксированный временной отрезок (Катышев, Хакимова (2012).

Для получения оценки школьного фактора необходимо соотнести данные о недвижимости с ближайшими школами. Часть авторов использует принцип ближайшей школы, то есть, при оценивании модели учитывают характеристики лишь той школы, которая географически ближе всего к данному дому, и при этом ограничиваются базовым вариантом модели гедонистических цен. Другие авторы [1, 12] сопоставляют с домом все школы, расположенные от него в некотором радиусе (от 600 м до 1 км) и вводят фиктивные переменные округов для учета ненаблюдаемых эффектов местоположения. Наконец, в работе Е. М. Ожегова, Н. А. Косолапова, Ю. А. Позолотиной [11] используется альтернативный вариант борьбы с невозможностью учета ненаблюдаемых факторов, представленный моделью пространственной авторегрессии, который в некотором смысле представляет собой более «гладкий» аналог вышеперечисленного подхода с фиктивными переменными.

В целом, результаты зарубежных исследований показывают различное влияние качества школ на цены жилья. Так, увеличение показателей тестов на одно стандартное отклонение приводит к увеличению стоимости жилья на как минимум на 2%. Согласно некоторым исследованиям, оно может достигать 10% и более [6].

Описание данных

Для проведения исследования был собран массив данных по объявлениям о продажах квартир на вторичном и первичном рынке жилья г. Новосибирска осенью 2017 г. – более 6000 квартир, и собраны доступные индикаторы качества школ города, в первую очередь результаты сдачи ЕГЭ в 2015-2017 гг., а также попадание школы в список лучших школ России. В базу попали 177 школ Новосибирска. Исключены негосударственные, а также специальные школы, которые в основном готовят старшеклассников. В силу отсутствия информации о ценах сделок, используется цена, выставленная на сайте агентства. Правомерность такого замещения рассматривается в статье, сравнивающей цены предложения и цены сделок [10], где показано, что различия в коэффициентах оказываются, по большей части, несущественными.

Геокодирование произведено с помощью сервиса Google Maps API, который определяет географические координаты по почтовому адресу. Расстояния между школами и квартирами рассчитаны по формуле гаверсинусов, используемой для расчета небольших расстояний.

Данные о качестве школы взяты из сборника аналитических материалов «Результаты ЕГЭ в Новосибирской области», доступны сборники за 2015-2017 гг., опубликованных министерством образования, науки и инновационной политики Новосибирской области и «Новосибирским институт мониторинга и развития образования».

В качестве показателей качества образования мы использовали:

1) Долю участников ЕГЭ, сдавших все предметы на высоком уровне в %, в среднем за 2015-2017 гг. (high).

2) Долю выпускников, не получивших аттестат в %, в среднем

за 2015-2017 гг. (low).

3) Число попаданий школы в топ-500 лучших школ России в период с 2013 до 2017 гг. (top500).

Проведена двухуровневая группировка школ: школы выстроены в порядке убывания доли сдавших ЕГЭ на высоком уровне, затем по возрастанию доли не сдавших ЕГЭ. В последней трети рейтинга не встречается школ, где хоть кто-то из выпускников сдал ЕГЭ на высоком уровне. Попадание в топ-500 лучших школ встречается только у школ первой четверти рейтинга. Есть небольшое число школ, где есть как сдавшие ЕГЭ на высоком уровне, так и не сдавшие его вовсе. Дифференциация между школами достаточно существенна, а взятые в работе характеристики качества школы непротиворечивы и дополняют друг друга, таким образом, имеет смысл использовать все три измерителя.

Относительно сильные школы присутствуют в центральных районах города и Советском районе, а в Дзержинском и Первомайском районах их вообще нет. Слабые школы чаще ближе к окраинам города, в «частном секторе» и т.п.

Методология исследования

В рамках гедонистического подхода предполагается, что покупатели выражают свое отношение к недвижимости через готовность платить за каждую имеющуюся внутреннюю и внешнюю характеристику. С помощью этого метода можно определить разницу в стоимости квартиры для районов с различными характеристиками социального окружения, а также оценить готовность людей платить за улучшение этих характеристик. В нашей работе гедонистический метод используется для оценки той части стоимости квартиры, которая обуславливается фактором качества близлежащих школ.

В качестве отправной базовой модели рассматривается регрессионная модель зависимости логарифма цены жилья от внутренних характеристик недвижимости и ее окружения, так называемая гедонистическая функция цены в мультипликативной форме:

$$\ln(p_i) = \alpha + X_i'\beta + Z_j'\delta + Q_a'\gamma + \varepsilon_i, \qquad \text{(i)}$$

где p_i – стоимость квартиры *i*,

X' - ее внутренние характеристики,

Z_j' - характеристики района (внешние характеристики),

Q_a' - качество ближайшей школы *a*,

α - константа,

ε_i - случайная ошибка.

Следуя работе Black [1] рассмотрим модификацию стандартной модели, используя фиктивные переменные пересечений округов, где каждый округ образован внутренностью окружности радиуса 600 м от школы. Принимаются во внимание только те пересечения школьных округов, в которых оказывается минимум две квартиры, причем одна из них должна иметь приписку к школе, отличную от приписки остальных квартир пересечения (Рис. 1). Выбор радиуса обусловлен необходимостью получения достаточного количества квартир на пересечениях, с одной стороны, и не слишком большого количества самих парных пересечений округов, с другой. Надо заметить, что дистанция 500-600 метров в городе признается дистанцией пешей доступности, границей близости продуктовых магазинов. Для более тонкой настройки может оказаться эффективным использование адаптивного радиуса, слегка изменяющегося по величине в зависимости от рассматриваемого района города и расположенных в нем школ.

Рис. 1. Пересечение «школьных округов»

Таким образом, несколько квартир находятся в одной локации (в одном пересечении школьных округов), но относятся к разным школам. Фиктивная переменная на локацию учитывает всю ее специфику, кроме влияния приписной школы. В одном пересечении должно быть достаточно много квартир, а пересечений не слишком много, чтобы результаты оценки были адекватными. В нашей выборке выделена 231 локация (пересечение «школьных округов»), в которые попали в общей сложности 1924 квартиры. Далее фиктивные переменные пересечений используются в анализе наравне с другими, в том числе с характеристиками качества приписной школы.

Эмпирические результаты

Модель (i) оценивалась в разных спецификациях. В некоторых спецификациях тесты показали гетероскедастичность, поэтому используются робастные стандартные ошибки.

В таблице 1 представлены результаты оценки модели без учета переменных локации, т.е. фиктивных переменных пересечений школьных округов. В таблице 2 представлены результаты оценки с учетом переменных локации. Сопоставление результатов двух таблиц дает представление об эффекте школы. Рассмотрим подробнее.

Для 1-комнатных квартир влияния качества школы ниже или отсутствует вовсе, поэтому в спецификациях 3-4 в таблице 1 и в спецификации 2 таблицы 2 приведены результаты оценки без учета 1-комнатных квартир.

Наиболее значимый показатель – общая площадь квартиры, а также значимы, хотя и в меньшей мере, жилая площадь, площадь кухни и число комнат (не показано). Один этаж добавляет 0,5-0,7% к цене, но это частично отражает этажность и возраст дома. Первый и последний этажи стоят в среднем на 4-6% дешевле. Каждые десять лет возраста дома снижают стоимость на 3,5-5%. Большое значение имеет ремонт, так, дизайнерский ремонт по сравнению с черновой отделкой увеличивает стоимость жилья примерно на 40-50% при прочих равных.

Интересны результаты оценки влияния факторов, связанных с качеством школы, к которой относится адрес квартиры в соответствии с административной припиской. Так, согласно

таблице 1 одно попадание школы в ТОП500 в период 2013-2017 гг. увеличивает стоимость жилья в среднем на 5-6%, соответственно, 5 попаданий – на 25-30%!

Таблица 1

Оценка параметров гедонистической функции без включения переменных пересечений «школьных округов»

Зависимая переменная – логарифм цены	Спецификация модели		
	1	2 (без 1к)	3
Логарифм общей площади	0,95***	0,94***	
Логарифм жилой площади			0,57***
Логарифм площади кухни			0,36***
Этаж	0,0046***	0,0070***	0,0069***
Первый этаж	-0,051***	-0,062***	-0,058***
Последний этаж	-0,055***	-0,058***	-0,047***
Возраст	-0,0036***	-0,0036**	-0,0016
Квадрат возраста	0,00001	0,00001	0,00001
Ремонт: черновая отделка улучш. черновая частичный ремонт косметический современный дизайнерский	 0,03 0,04 0,12** 0,21*** 0,36***	 0,10 0,06 0,15** 0,25*** 0,37***	 0,17 0,15 0,24** 0,31*** 0,44***
Материал стен: дерево, гипсокартон кирпич бетон, панели	 0,44** 0,53***	 0,41*** 0,53***	 0,10***
ТОП500			
high	**0,016*** **	**0,018*** **	**0,016*** **
low	**-0,009*** **	**-0,009*** **	**-0,009*** **
Константа	3,72***	3,68***	5,13***
R-squared	0,85	0,84	0,79
Количество наблюдений	1924	1223	1182

Таблица 2

Оценка параметров гедонистической функции с включением переменных пересечений «школьных округов», МНК, зависимая переменная – логарифм цены квартиры

зависимая переменная – логарифм цены	Спецификация модели		
	1	2 (без 1к)	3
Логарифм общей площади	0,88***	0,88***	
Логарифм жилой площади			0,54***
Логарифм площади кухни			0,29***
Этаж	0,0028**	0,0051***	0,0044***
Первый этаж	-0,037**	-0,054***	-0,064***
Последний этаж	-0,044***	-0,054***	-0,049***
Возраст	-0,0047***	-0,0053***	-0,0048***
Ремонт черновая отделка улучш. черновая отделка частичный ремонт косметический современный дизайнерский	 0,06 0,07* 0,17*** 0,26*** 0,35***	 0,12* 0,14** 0,23*** 0,32*** 0,39***	 0,18 0,19* 0,28** 0,35*** 0,44***
Материал стен: дерево, гипсокартон кирпич бетон, панели и т.п.	 0,17* 0,20**	 0,13 0,20*	 0,04***
high	**0,0041*** **	**0,0053*** **	**0,0043** **
low	**-0,0054** **	**-0,0045**	**-0,0033**
Константа	4,35***	4,28***	5,49***
Пересечения «школьных округов»	**193**	**189**	**180**
R-squared	0,92	0,92	0,91
Количество наблюдений	1924	1223	1182

1% несдавших ЕГЭ выпускников уменьшает цену жилья на 1-1,6%, а 1% сдавших на высоком уровне увеличивает цену жилья на 1,6-1,8%. Учитывая, что обычно в школе 1-3 выпускных класса, можно сказать, что значим результат каждого ученика!

Улучшение качества школы на 1 стандартное отклонение увеличивает цену примерно на 8-9%. Однако этот результат не учитывает эффекта локации, то есть эффект качества школы показывает не только влияние этого качества, но и все ненаблюдаемые характеристики местоположения. Поскольку высока корреляция между качеством школы и качеством микрорайона (его социальной средой и инфраструктурой).

Сопоставим результаты таблицы 2 с предыдущими спецификациями, отраженными в таблице 1.

Переменная top500 оказалась статистически незначимой, так как равна нулю для большинства (ок. 90%) наблюдений и исключена. Квадрат возраста также незначим.

Вклады площади, этажа, первого и последнего этажей, возраста дома и ремонта в стоимость квартиры существенно не изменились. Несколько меньше стало влияние типа материала стен.

Важно то, что при включении фиктивных переменных для пересечений «школьных округов» оценки влияния качества приписной школы на цену квартиры существенно уменьшаются, как и в зарубежных исследованиях, где они уменьшаются примерно в 2 раза. Полученные в нашей работе оценки влияния качества приписной школы после включения в модель контролирующих локацию переменных, снижаются примерно в 3 раза. Это можно объяснить тем, что в Новосибирске городская среда сильнее дифференцирована (чем в среднем в тех городах, на которых проводились зарубежные исследования), при этом, хорошие школы скорее расположены в относительно благополучных (и более дорогих) городских микрорайонах.

Разница в цене жилья между самой хорошей и самой плохой школой в городе при прочих равных условиях (включая контроль локации) достигает 25%!

Улучшение качества школы на одно стандартное отклонение увеличивает цену квартиры примерно на 2,8%, что соответствует результатам, полученным в других исследованиях. Чтобы

представить масштабы этого влияния, можно его оценить в терминах средних: увеличение качества школы на 1 стандартное отклонение составляет приблизительно увеличение доли сдавших ЕГЭ на высоком уровне на 4 процентных пункта. Если в среднем выпуск школы составляет 50 человек, то это увеличение составит 2 выпускника. Средняя цена квартиры по нашей выборке составляет 3350 тыс. рублей, и увеличение на 2,8% эквивалентно 93,8 тыс. рублей одной средней квартиры.

В целом ценность образования для населения можно уловить, таким образом, через такую «надбавку» к цене квартиры, которая, как показано в работе, обуславливается именно близостью школы, дающей более качественное образование. Поэтому потенциальное повышение качества школьного образования по городу в целом на одно стандартное отклонения (в терминах нашей метрики качества образования) отражается увеличением полезности населения, которое можно оценить в стоимостном эквиваленте - порядка 60-70 млрд. рублей.

Заключение

Ажиотаж вокруг устройства детей в хорошие школы, который чувствуется в городе в последние годы (причем не только в Новосибирске, но и в других крупных городах России) показывает возрастающее внимание населения к качеству школьного образования. Роль школы как социального лифта в регионах еще более значима, т.к. предопределяет возможность получить хорошее высшее образования, в том числе в столице.

В данном исследовании подтверждено влияние качества школы на стоимость жилья в районе административной приписки (очищенное от влияния множества наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов местоположения жилья). Соответственно, «школьный фактор» имеет значимое влияние на развитие города и социальное расслоение населения. Практический вывод состоит в том, что доступность качественных школ должна быть существенным элементом политики городского развития.

Необходимо не только поддерживать статус наиболее престижных школ, но уделять особое внимание развитию школ в новых микрорайонах (это в некоторой степени предопределяет

социально-демографический состав нового микрорайона), а также в менее благополучных районах (снижение эффекта «ловушки бедности»). Это позволит городу развиваться более гармонично, уменьшит контрасты в расселении и диспропорции в контингенте обучающихся в школах детей, снимет ажиотаж и перегрузку вокруг известных хороших школ.

Литература

1. Black, S. Do Better Schools Matter? Parental Valuation of Elementary Education // The Quarterly Journal of Economics. – 1999. – Vol.114, No 2. – P. 577-599.
2. Brasington D. (2009). Which measures of school quality does the housing market value? *Journal of* Real Estate Research, 18 (3), 395–414.
3. Chetty, Raj, John Freidman, Nathaniel Hilger, Emmanuel Saez, Diane Schanzenbach, and Danny Yagan. 2011. “How Does Your Kindergarten Classroom Affect Your Earnings? Evidence from Project STAR.” The Quarterly Journal of Economics 126 (4): 1593–1660.
4. Cibbons, Stephen, Machin, Stephen and Silva, Olmo (2013) Valuing school quality using boundary discontinuity. Journal of Urban Economics, 75. pp. 15-28.
5. Housing Valuations of School Performance Sandra E. Black and Stephen Machin in Handbook of the Economics of Education, Volume 3, 2011.
6. Kane T. J., Staiger D. O., Riegg S. K. (2005). School quality, neighborhoods and housing prices: The impacts of school desegregation (No. w11347). National Bureau of Economic Research.
7. Mathur S. (2017) The Myth of “Free” Public Education: Impact of School Quality on House Prices in the Fremont Unified School District, California, Journal of Planning Education and Research, 37 (2), 176-194.
8. Nguyen-Hoang, Phuong, and John Yinger. 2011. “The Capitalization of School Quality into House Values: A Review.” Journal of Housing Economics 20 (1): 30–48.
9. Turnbull, G.K., Zahirovic-Herbert, V. & Zheng, M. Uncertain School Quality and House Prices: Theory and Empirical Evidence J Real Estate Finan Econ (2017).
10. Баталева А.В. Структура цен на квартиры: цены и предложения и цены сделок. Новосибирск, Труды НГУ. – вып.22. – 2005. – с.67.
11. Ожегов Е.М., Косолапов Н.А., Позолотина Ю.А.,(2017). *О*

взаимосвязи между стоимостью жилья и *характеристиками близлежащих школ*. Прикладная эконометрика, т. 47, с. 28–48.

12. Чугунов Д. Ю. (2013) Влияние факторов качества образования и социального окружения на стоимость жилья в Москве. Журнал Новой экономической ассоциации, 17, 87–112.

13. Чугунов Д. Ю. (2016) Диссертация на соискание степени кандидата наук «Влияние результатов школьного образования на формирование цен на рынке жилой недвижимости в мегаполисе», НИУ ВШЭ.

ГОРЯЧЕНКО Е.Е.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, БАРЬЕРЫ С ПОЗИЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Статья базируется на материалах экспертного опроса руководителей моногородов, проведенного в 2017 г. под руководством автора сектором муниципального управления ИЭОПП СО РАН и социологической лабораторией АСДГ при участии других межрегиональных ассоциаций образований России в рамках мониторинга социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России. Анализируются проблемы монофункциональных городов, их динамика и подходы к их решению на местах. Выявлены особенности проявления экономического кризиса и возможности их преодоления последствий с позиции руководителей моногородов. Сделан вывод о необходимости социологического мониторинга социально-экономической ситуации в моногородах, оценки результативности принимаемых мер по разрешению проблем и учета мнений руководителей муниципальных образований при разработке научно-обоснованной концепции развития монофункциональных городов.

Ключевые слова: моногород, оценка социально-экономической ситуации, экономический кризис, руководители муниципальных образований, экспертный опрос.

GORYACHENKO E.E.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russia

The article is based on materials of the expert survey of heads of monotowns conducted in 2017. Survey was conductedunder the leadership of the author by the sector of municipal management of the

Institute of Economics and Industrial Engineering within the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and sociological laboratory of Association of Siberian and Far Eastern cities. Monitoring of a social and economic situation in municipalities of Russia was the research purpose. Problems of the monofunctional cities and approaches to their decision are analyzed. Features of manifestation of an economic crisis and a possibility of their overcoming consequences (from a position of heads of monotowns) are revealed. The conclusion is drawn on need of sociological monitoring of social and economic situation in monotowns, estimates of effectiveness of the taken measures for solution of problems and accounting of opinions of heads of municipalities when developing the scientifically based concept of development of the monofunctional cities.

Keywords: monotown, socioeconomic situation estimates, economic crisis, expert survey, heads of municipalities.

Проблемы моногородов на протяжении длительного периода привлекают повышенное внимание как руководства страны, так и российских ученых.

В современной ситуации интерес к моногородам неслучаен, поскольку это наиболее многочисленный класс урбанизированных поселений, для которых проблема выживания в условиях кризиса стоит особенно остро.

Вместе с тем, подходы к определению понятия «моногород» существенно различаются, о чем мы писали в наших предыдущих публикациях [1, 2]. Разные подходы достаточно подробно освещены в работах В.Я.Любовного [3], И.Д. Тургель [4].

В июле 2014 г. Правительством Российской Федерации утверждены новые критерии отнесения муниципальных образований к монопрофильным (моногородам) и Перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) с разделением их на 3 категории с зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. В результате их применения официальный перечень включил 319 моногородов (с изменениями на 18 мая 2106 г.) и заморожен до конца 2018 г. Стремление правительства ограничить количество моногородов и дифференцировать их поддержку, направив

основное внимание на одну из категорий, состоящую из 93 моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением, вполне понятно. Однако стоит заметить, что, на наш взгляд, признаками моногорода обладает значительно большее количество муниципальных образований, ситуация в которых требует тщательного анализа и разработки мер их поддержки.

Для того, чтобы глубже понять проблемы моногородов и пути выхода из кризиса, обратимся к результатам экспертного опроса руководителей муниципальных образований.[1]

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что сегодня 60,6% опрошенных руководителей оценивают социально-экономическую ситуацию в их муниципальных образованиях в сложившихся российских реалиях в целом как нормальную, еще 27,3% отмечают наличие некоторых элементов напряженности и только 6% считают ситуацию в муниципальном образовании крайне напряженной. Стоит заметить, что такая оценка не означает благополучия ситуации, поскольку, по словам одного из руководителей, это новая экономическая реальность, в которой нужно работать.

При этом распределение оценок ситуации существенно отличается от ответов на аналогичный вопрос, полученных нами в период предыдущего кризиса 2008-2009 гг. от руководителей монопрофильных муниципальных образований на первом этапе

---

[1] В основу анализа нами положены материалы мониторинга социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России, проводимого ИЭОПП СО РАН и социологической лабораторией АСДГ, совместно с другими межрегиональными ассоциациями, начиная с 2009 г. Экспертные опросы руководителей муниципальных образований разных типов позволяют оценить сложившуюся ситуацию, выявить проблемы, возникшие в муниципальных образованиях в связи с финансово-экономическим кризисом и подходы к их решению на местах. В апреле - мае 2017 г. были опрошены руководители 33 монопрофильных муниципальных образований, обладающих признаками моногорода (в том числе 11 муниципальных образований, входящих в Перечень Правительства РФ) и 39 полифункциональных городов–центров субъектов Федерации.

мониторинга, когда элементы напряженности отмечались 45% опрошенных.

Вместе с тем и сегодня влияние нынешнего экономического кризиса в моногородах ощущается достаточно сильно: каждый четвертый руководитель оценивает последствия кризиса для их муниципального образования как острые и очень острые, что более чем в 2 раза превышает долю подобных оценок, даваемых руководителями многофункциональных городов - центров субъектов Федерации.

Несмотря на сохранившееся преобладание общей средней оценки остроты проявления кризиса, конкретные проявления кризиса в отдельных направлениях значительны (рис.1).

Рис. 1. Конкретные проявления кризиса в моногородах, % к числу ответивших

Так, в современных условиях 45,5% руководителей моногородов связывают основные проявления кризиса с усилением инфляции (близкие цифры характерны и для других типов городов), причем стоит подчеркнуть, что во время предыдущего кризиса инфляция занимала лишь 6-ое место из 10. Вместе с тем среди наиболее явных проявлений кризиса в моногородах опрошенные назвали снижение объемов

строительства, спад производства, снижение объемов кредитования реального сектора, что в значительной мере отражается на работниках (перевод работников на сокращенное рабочее время, сокращения работников, снижение доступности кредитных ресурсов для населения) и, как следствие, их руководители отмечают рост социальной напряженности.

Сегодня 42,4% респондентов указывают на то, что в их муниципальных образованиях наблюдается сокращение кадров в отраслях, не являющихся градообразующими. Сильнее всего, по мнению руководителей муниципальных образований, кризис затронул такие сферы жизнедеятельности как потребительский рынок, малый и средний бизнес, несколько в меньшей степени это пока коснулось сферы услуг и рыночной инфраструктуры, что, впрочем, не означает их защищенности от кризисных проявлений в последующем.

Что касается производственной сферы, в 2017 г. 56,4% опрошенных отмечали, что кризис в наибольшей степени коснулся производственной сферы, хотя это по-прежнему существенно отличает современную ситуацию от кризиса 2008 г., когда 90% респондентов указали, что кризис сильнее всего затронул именно производственную сферу (рис.2).

Рис. 2. Сферы жизнедеятельности, которых кризис коснулся сильнее всего, % к числу ответивших

Среди отраслей производственной сферы кризисные явления, по мнению муниципальных руководителей, затронули строительство, машиностроение, транспорт, промышленность строительных материалов, а также основные отрасли специализации муниципальных образований, такие как добывающая, пищевая, лесная и лесоперерабатывающая промышленность, металлургия (рис. 3) Эти же отрасли назывались и в 2009 г. как наиболее подвергшиеся негативному влиянию кризиса, однако сегодня кризисные явления в них не достигли той степени остроты, какая была во время предыдущей волны кризиса.

Рис. 3. Отрасли производственной сферы, в наибольшей степени затронутые кризисом, % к числу ответивших

В этих условиях органам муниципального управления приходится сталкиваться с серьезными проблемами, в первую очередь это касается финансово-бюджетных проблем (потеря части налоговых поступлений, несбалансированность местного бюджета), следствием которых является необходимость отказа от части расходных обязательств, таких как капитальный ремонт, строительство, благоустройство, ремонт и содержание дорог, реализация муниципальных программ, снижение бюджетного

инвестирования, повышение заработной платы работникам бюджетной сферы (рис.4). Другая группа проблем касается обеспечения занятости высвобождаемых работников и увеличения социальных выплат. Обращает на себя внимание тот факт, что в начале 2009 г. интенсивность упоминания практически всех проблем была ниже, и они носили скорее характер ожиданий, в настоящее время о них говорят как о реальных сложностях, с которыми пришлось столкнуться большинству опрошенных. При этом ранжировка проблем мало зависит от типа муниципального образования: в моногородах несколько острее (по сравнению с крупными многопрофильными центрами) проявляется угроза финансовой нестабильности.

Рис. 4. Наиболее серьезные проблемы органов муниципального управления моногородов в условиях кризиса, % к числу ответивших

Обращает на себя внимание тот факт, что мнения опрошенных руководителей моногородов относительно влияния кризиса на ситуацию в их муниципальных образованиях неоднородны: 27,3% опрошенных не видят никаких позитивных элементов влияния кризиса, столько же затруднились их выделить, однако 45,5% считают, что сегодня можно говорить и о позитивном

влиянии кризиса, рассматривая его как условие интенсификации развития экономики, поиска внутренних резервов, оптимизации структуры занятости, пересмотра расходов (их оптимизации и ужесточение контроля), повышения эффективности менеджмента, роста производительности труда, усиления конкуренции, развития малого бизнеса, активизации внутреннего рынка, объединения усилий бизнеса, власти и городского сообщества для преодоления кризиса. При этом стоит заметить, что у руководителей полифункциональных городов – центров субъектов федерации точки зрения на возможности положительного влияния кризиса более однозначны (их высказывают более 80%). Это, по-видимому, свидетельствует о том, что моногорода сложнее адаптируются к кризисным условиям.

При этом большинство руководителей моногородов отмечают, что пока не наметилось положительных перемен в строительстве, энергетике, жилищно-коммунальном хозяйстве. Наиболее сложным практически для всех руководителей в истекшем году было сохранение стабильности ситуации в муниципальном образовании, выполнение расходных обязательств в условиях сокращения доходной части бюджета, снижение напряженности рынка труда.

И хотя более трех четвертей опрошенных в качестве основных факторов, повлиявших на сложившуюся кризисную ситуацию, называют внешние экономические факторы (падение цен на нефть, ослабление рубля и т.п.), а также обострение внешнеполитической ситуации, тем не менее, большинство руководителей моногородов (62, 5%%) считают, что санкции, введенные против России, никак не сказались на ситуации в их муниципальном образовании. Это принципиально отличается от оценок санкций, даваемых руководителями крупных городов-центров, где аналогичный ответ дали только 14% опрошенных, а каждый второй отметил их негативное влияние.

Результативность антикризисных мер 46,9% ответивших оценивают положительно, еще треть указывают на то, что эти меры действенны для разных сфер по-разному: для одних – положительны, для других – нет. Однако 15,6% считают, что эти меры в целом не дали положительного эффекта для моногородов.

На основе этого можно сделать вывод о том, что антикризисные меры более эффективно сработали в крупных центрах (две трети их руководителей дали позитивные оценки) и связанной с этим необходимости разработки специальных программ по выводу из кризиса монопрофильных городов.

Наиболее действенными для муниципальных образований оказались меры, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, адресную социальную поддержку уязвимых групп населения (рис.5). Ниже оцениваются меры по содействие занятости населения, усилению социальной защиты населения. И относительно небольшая доля муниципальных руководителей считают эффективными меры, ориентированные на поддержку градообразующих предприятий и финансового сектора, зачастую не оправдавшими ожидания муниципальных руководителей.

Рис. 5. Сферы, в которых антикризисные меры, проводимые в стране, оказались, по мнению руководителей, наиболее действенными для муниципального образования, % к числу ответивших

В качестве наиболее уязвимых моментов руководители моногородов называют недостаточную ориентированность на уровень муниципальных образований и неучет их специфики.

В целом оценки перспектив развития кризиса неоднозначны. Мнения руководителей моногородов относительно современного этапа разделились: 37,7% опрошенных считают, что худшее уже позади, и ситуация будет улучшаться, но 46,9% высказывают более сдержанную точку зрения относительно продолжения кризиса, переходящего в затяжную стагнацию, указывая на то, что это не временное явление, это – новые условия. Такое соотношение существенно отличает оценку руководителями перспектив моногородов от точки зрения, которую высказывают руководители городов-центов субъектов федерации, среди которых половина опрошенных ожидает улучшения ситуации и только 26% говорит об усугублении кризиса. Негативные ожидания еще раз подчеркивают более сложную ситуацию в моногородах и недостаточность принимаемых мер по преодолению кризисных явлений в этом типе городов. В результате 16% руководителей моногородов считает, что им пока не удается справиться с последствиями кризиса, а половина – что удается не в полной мере и только каждый третий настроен оптимистично в отношении преодоления кризисных явлений в их городе.

Это позволяет говорить о том, что с точки зрения руководителей муниципальных образований, пока нет достаточных оснований ожидать существенных изменения социальной ситуации в моногородах.

Обращает на себя внимание, что основная доля руководителей не ожидает существенных изменений практически во всех сферах жизнедеятельности, хотя эта доля колеблется от 37,5% в городском хозяйстве до 78,1% в рыночной инфраструктуре и 69,7 в социальной сфере. Позитивные ожидания по отдельным сферам колеблются от 15,6% (в рыночной инфраструктуре и сфере услуг) до 40,6% (в городском хозяйстве) и 27,3% (в производственной сфере), причем по большинству отраслей наблюдается лишь незначительное превышение позитивных ожиданий над негативными.

Среди проблем, в наибольшей степени сегодня волнующих население моногородов, на первом плане находятся материальные проблемы: повышение цен на услуги ЖКХ и на предметы первой необходимости, а также низкий уровень

зарплат и пенсий. За ними следует медицинское обслуживание, его доступность и платность (рис.6). Обострение этих проблем несколько отодвинуло на 5 место значимость ранее наиболее острой проблемы – нехватки рабочих мест и безработицы.

Рис. 6. Ранжировка проблем, наиболее беспокоящих жителей моногородов, % к числу ответивших [2]

С чем связывают возможности улучшения социально-экономической ситуации опрошенные руководители муниципальных образований? (рис.7)

В современных условиях основные надежды возлагаются на помощь государства: государственные дотации и субсидии – 78,8% и централизованные капвложения – 54,5% (хотя сокращаются ожидания централизованных капвложений и налоговых льгот, что, по-видимому, свидетельствует о достаточно трезвой оценке общей ограниченности

[2] Проблемы упорядочены на основе ответов на вопрос: «Какие явления, с Вашей точки зрения, вызывают сейчас наибольшее беспокойство у населения Вашего муниципального образования?» На рисунке приведены проблемы, набравшие более 10% ответов.

инвестиционного потенциала и расстановки приоритетов федеральных программ).

В качестве второй группы источников улучшения две трети опрошенных называют собственные силы и ресурсы муниципального образования и мобилизацию внебюджетных средств. Однако значимость этого источника для моногородов несколько ниже, чем для полифункциональных центров.

Рис. 7. Возможности улучшения социально-экономической ситуации в муниципальном образовании, % к числу ответивших

Собственные возможности для улучшения ситуации моногорода связывают преимущественно со своим промышленным потенциалом, рассматриваемым в качестве основного драйвера развития (60,6%), выгодным географическим положением (57,6%), кадрами, трудовым потенциалом (42,4%), уникальными природными ресурсами (30,3%).

Вместе с тем, возможности муниципалитетов по противодействию кризисным явлениям наталкиваются не только на ограниченные возможности бюджетов (слабость собственной доходной базы) и несовершенство межбюджетных отношений, но и на несовершенство нормативно-правовой базы для эффективной реализации антикризисной политики.

Для осуществления эффективного противодействия кризисным явлениям на местах органами муниципальной власти требуется внесение изменений и поправок в целый ряд нормативно-правовых актов (как федеральных, так и региональных), регламентирующих деятельность органов местного самоуправления и их взаимодействия с хозяйствующими субъектами, финансово-кредитными и другими органами на территории.

В реализации задач, стоящих в современных условиях перед органами местного самоуправления, их руководители ожидают реальной помощи от субъектов различного уровня (рис. 8).

Рис. 8. Субъекты, от которых руководители моногородов ожидают реальной помощи в реализации задач, стоящих перед органами местного самоуправления, % к числу ответивших

При этом значительные ожидания в настоящее время руководители местных органов власти связывают с органами государственной власти субъекта Федерации и РФ (причем в большей мере с законодательными) и персонально Президента РФ.

Проблемы выживания моногородов в России сегодня стоят достаточно остро. И хотя за рубежом накоплен определенный опыт решения проблем таких городов, перенести напрямую их опыт на российскую (и тем более, на сибирскую) землю не представляется возможным. Не только у каждой страны, но и региона, города свои особенности, которые нельзя игнорировать при поиске путей выхода. В России реализацию программ реструктуризации моногородов путем банкротства и закрытии градообразующих предприятий и переселения населения ограничивается низкой мобильностью населения (низкими доходами, несформированностью рыночных институтов, неразвитостью рынка жилья и рынка труда в местах предполагаемого вселения и т.п.). Для Сибири ситуация усугубляется пространственной изолированностью многих городов, неразвитостью транспортных коммуникаций, что не позволяет во всех случаях ориентироваться на маятниковую миграцию, дающую возможность выживания моногородов за счет использования агломерационного эффекта. Кроме того, ликвидация части моногородов в условиях редкого разреженного расселения ведет к тому, что система расселения перестает выполнять пространственно-освоенческую и военно-политическую функцию, успешное выполнение которых необходимо для безопасности страны. Существенное перепрофилирование «профессии города» может натолкнуться на ограничения профессионально-квалификационной структуры населения.

На наш взгляд, уже сейчас необходимо провести тщательную инвентаризацию моногородов, для того чтобы определить их дальнейшую судьбу. Имеющийся перечень монопрофильных населенных пунктов, разработанный на основе критериев Министерства экономического развития РФ, по нашему мнению, носит спорный характер и недостаточно обоснован. Например, спорным является исключение из числа моногородов муниципальных образований, осуществляющих деятельность по добыче нефти и газа (хотя, с нашей точки зрения, они представляют собой классический пример моногорода). На наш взгляд, более обоснованным может являться подход к типологизации моногородов на основе комплексных критериев

«социального неблагополучия», базирующихся на системе индикаторов, включающих уровень реальной безработицы, уровень доходов населения, задержки заработной платы, уровень социальной напряженности, оценку социального самочувствия населения и т.п.

Необходима разработка методологических принципов и методических подходов, позволяющих с системных позиций провести диагностику и оценить перспективы социально-экономического развития моногородов различных типов, которые бы позволили:

– дать оценку демографического потенциала (количественные и качественные характеристики) и определить его возможное изменение;

– оценить особенности и направления формирования рынка труда с учетом всех основных факторов;

– оценить влияние перспектив развития градообразующих отраслей на состояние рынка труда в городе;

– оценить возможности диверсификации экономики города за счет создания альтернативных производств;

– оценить внутренние возможности и масштабы регулирования занятости в городе;

– проанализировать ситуацию в социальной сфере города и возможные направления ее развития;

– оценить возможности активизации в городе предпринимательской деятельности.

Для реализации такого подхода необходима разработка системы индикаторов и инструментария для диагностики социально-экономической ситуации в моногородах в условиях кризиса и регулярный сбор статистической и экспертной информации в мониторинговом режиме.

Это может служить основой для разработки дифференцированных стратегий вывода из кризиса разных типов моногородов.

Литература

1. Пушкарев В.М., Горяченко Е.Е. Монофункциональный город Сибири: стратегия развития // Анализ и моделирование экономических процессов переходного периода в России: сб. науч. работ / отв. ред. В.И. Клисторин. - Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999. - Вып. 4. - С. 133-147.

2. Горяченко Е.Е. Жизнь моногородов Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. - Новосибирск, 2010. - Разд. 7 (гл. 15-16). - С. 222-243.

3.Любовный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. – М.: ЗАО Дортранспечать, 2009. - 110 с.

4. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2010. – 519 с.

ГРОШЕВА Л.И.
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

НЕФОРМАЛЬНЫЙ БИЗНЕС КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрена проблема ресурсного подхода к оценке эффективности неформального бизнеса. Произведён анализ позиционируемых преимуществ развития молодёжных предприятий, незарегистрированных в государственных органах, однако осуществлявших системную экономическую деятельность. Представлены данные авторского исследования, раскрывающие особенности самопозиционирования молодёжи как неформальных экономических агентов. Результаты отражают устойчивые тенденции закрепления теневых форм молодёжного бизнеса как нормального явления современной действительности.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжный бизнес, поддержка предпринимательства, стереотипы, малый бизнес.

GROSHEVA L.I.
Tyumen Higher Military Engineering Command School named after the Marshal of the Engineer Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia

INFORMAL BUSINESS AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

The article considers the problem of the resource approach to the evaluation of the effectiveness of informal business. The analysis of the advantages of the development of youth enterprises, unregistered in state bodies, but carrying out systemic economic activity, was made. The presented author's research data reveal the peculiarities of self-positioning of youth as informal economic agents. The results reflect stable tendencies of consolidation of shadow forms of youth business as a normal phenomenon of modern reality.

Keywords: youth, youth business, support of entrepreneurship, stereotypes, small business.

Адаптивность молодёжи к условиям современной действительности, сопряжённой с интенсификацией информационного обмена, во многом стимулировала развитие молодёжного неформального сектора, как широко распространённого явления в России. Повышение ответственности молодых людей в сфере модернизации будущего общественного развития со временем поляризовала население, сформировав значительную прослойку социально-пассивных людей и в то же время достаточно мобильную группу созидательно настроенных индивидов.

Согласно представлению Т.И. Заславской руководители бизнес-единиц со временем сформировали «авангард» российской экономики [1, с. 28], однако давление со стороны общества и государства привели к стремлению молодёжи нивелировать формальные признаки ответственности. Несмотря на ожидаемую пассивность в разрезе указанной позиции, в фактическом выражении появилось значительное количество неформальных бизнес-единиц, срок деятельности которых превышает 3-5 лет без изменения основного вида деятельности. Риск, который Ю.А. Зубок и В.И. Чупров [2, с. 64] рассматривали как основную проблему развития молодёжи, в неформальном бизнесе выступает как ослабленная экономическая супер-позиция, выраженная через условно-принимаемый риск (т.е. ориентацию на максимально быстрое его устранение путём завершения экономической деятельности).

Внутренние барьеры, препятствующие развитию потенциала молодёжи, развивались в условиях усиленного внимания со стороны государственных и региональных органов власти. Ориентация на ресурсный подход в определении роли и функций молодёжи в результате сводилась к повышению её ответственности перед обществом, что в ряде случаев сформировало почву для социального инфантилизма. В работах Ефимовой Г.З. [3] понятие социальный инфантилизм однозначно коррелирует с основными причинами нивелирования молодёжью бизнес-активного поведения: упрощение социальных

интеракций и целей жизнедеятельности, нежелание затрачивать усилия на трудоёмкий результат с высокой долей неопределённости получения.

Нивелирование либо усиление сформированных барьеров в сфере реализации молодёжных бизнес-инициатив непосредственно связано с интенсификацией информационного пространства современного общества. Информационное пространство, как главное условие повышения социальной и экономической активности населения, наиболее комплексно было раскрыто в исследованиях М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги [4, с. 37], обосновавших роль средств массовой информации как неотъемлемого инструмента социализации молодых людей. Однако лейтмотивом информационного компонента молодёжной активности выступает затруднительность в оценке объективности и достоверности предоставляемых и используемых данных [5, с. 45].

Таким образом, в молодёжной среде восприятие риска формируется в условиях высокой диверсификации проблемных полей.

1. Информационные риски обусловлены многообразием потоков данных касательно организационных, финансовых, маркетинговых и иных методов ведения бизнеса, которые подвергаются изменениям (согласно оценкам экспертов) не реже 2х раз в течение года, что вынуждает соединять усилия в производственной сфере с постоянным мониторингом информационного поля.

2. Производственные риски, как правило, сопряжены с общей изменчивостью как технологической, так и инфраструктурной составляющей. Укрупнение поставщиков, как и унификация продукции, которые продолжаются по мере стремления к абсолютной минимизации издержек, формируют производственно-технологический коридор, препятствующий развитию ассортимента и вариативности маркетинговых стратегий, что в свою очередь формирует установки на дискретность и временную ограниченность выбранного бизнеса.

3. Организационные риски вызваны адаптивностью нормативной базы и технологических требований к производимой продукции. Смешанная система государственных

стандартов и внутренних технических регламентов для ряда продуктов в процессе трансформации заставляет перманентно подстраивать описание, название и стратегию реализации продукта, формируя на рынке виртуальный рост разнообразия товаров, не отвечающих ожиданиям и интересам потребителей.

4. Коммуникационные риски сформировались в условиях роста виртуального экономического пространства, в рамках которого определены специфические рисковые зоны. Возможность сохранения относительно анонимного положения в рамках интернет-магазинов, высокие риски дистанционной работы с контрагентами и покупателями, а также сложности в определении методов и способов реститутивных методик в случае негативного результата взаимодействия, определяют либо высоко рисковое поведение, в котором бизнес-активный человек выступает в качестве субъекта правонарушения, либо максимизацию антирискового поведения, с ориентацией на снижение внешнего взаимодействия и развитие полной технологической и финансовой цепочки по типу кейрецу.

5. Реализационные риски современного молодёжного бизнеса являются результатом интенсификации потребительской культуры как основы жизнедеятельности. Резкие смены приоритетных групп товаров, идеалов и образцов потребления в молодёжной среде в большей мере актуализированы для крупных компаний, который посредством эффекта масштаба способны подстраивать клиентов под собственные тренды, в то время как малый и микробизнес молодёжи в значительной мере вынужден опираться на стратегию следования за лидирующими агентами рынка.

Таким образом, морально-психологическое сопротивление представленным группам риска происходит при условном принятии факторов, как неизбежного проблемного поля. Полное нивелирование отдельных рисковых групп хотя и снижает уровень выживаемости молодёжного предприятия в целом, позволяет абстрагироваться от комплексного анализа ситуации, который в большей степени мотивирует к невключению в предпринимательское сообщество, в особенности в условиях высокой диверсификации профессиональной реализации в рамках классической трудовой активности.

Данный механизм позволил молодым людям не только снизить уровень воспринимаемого риска, но и стимулировать внедрение инновационных и экспериментальных технологий в бизнес-практики.

С целью оценки потенциала неформальной бизнес-активности молодёжи автором в ноябре-декабре 2017 года был проведён экспертный опрос с элементами полуформализованного интервью, охвативший 76 молодых предпринимателей неформального сектора экономики в возрасте 18-30 лет, занятых в сфере услуг и производства изделий (декоративного и бытового применения). В рамках исследования рассматривались проблемы соотнесения собственной деятельности с российской экономикой, стремление к совершенствованию бизнес-процессов, а также влияние данных единиц на молодёжный рынок труда.

Оценка внешних условий ведения бизнеса также отражает неоднозначное отношение молодёжи к качеству бизнес-инфраструктуры. 38 % опрошенных посчитали созданные условия недостаточно комфортными для формирования легализованного предприятия, однако в рамках неформального сектора каждый третий отметил достаточно высокий потенциал и возможности малого бизнеса. Если 63,2 % не стремятся строить бизнес на длительную перспективу, то 13,1 % сочли внешнюю среду как вполне пригодную для построения долгосрочных планов. Наиболее значимыми проблемами молодые люди представили изменчивость законодательства, проблемы в подборе целевой аудитории, отсутствие эффективных логистических сетей и сложную конкурентную обстановку.

В ходе уточнения уровня информированности о возможностях легализованного предпринимательства выяснилось, что в среднем 28 % частично информированы о налоговых льготах и преференциях для начинающих бизнесменов, в то время как 23 % не располагают подобной информацией в принципе. Другими значимыми проблемами эксперты назвали затруднительность поиска необходимых трудовых ресурсов с точки зрения профессиональных и целевых ориентаций, низкую эффективность образовательных и консультационных услуг в сфере поддержания бизнеса и т.д.

Причиной активизации предприятий неформально сектора, по оценкам бизнес-активной молодёжи, как правило является минимальное внешнее давление со стороны контролирующих органов, а также осознание, что вся полнота полученной прибыли будет реализована исключительно в рамках бизнес-единицы и нужд предпринимателей. Таким образом, 84,2 % молодых предпринимателей отмечали возможность сохранения прибыли для личных и производственных нужд, в то время как 71,1 % определили возможность реализации новых, но в то же время рисковых, проектов без серьёзных последствий (банкротства) в случае неудачи. 27,3 % опрошенных выделили неформальный бизнес как своего рода привычку и тип социальной активности, которому определили такие характеристики как: игровой тип деятельности, автономность от ряда внешних факторов бизнес-среды, гибкость конкурентных практик, теснота социальных связей в рамках партнёрства и бизнес-клиентских отношений.

Относительно развития собственного бизнеса 67,1 % молодых людей находятся в постоянном поиске оптимальных новых технологий и методов работы, которые применяют в более чем половине случаев. В ряде случаев, в рамках открытых вопросов, молодые люди отмечали, что вслед за освоением ими новых техник работы, их опыт перенимался не только конкурентами, но и крупными компаниями, что в особенности характерно для сферы организации досуга.

В сфере распределения финансовых потоков ожидания вывода капиталов несколько превысили полученные данные. 55,3 % экспертов отметили, что получаемая прибыль вкладывается в оборудование, инструменты и материалы, приобретение которых происходит в пределах Российской Федерации. 23,7 % осуществляют закупку средств из-за рубежа, преимущественно из Китая. Однако открытые вопросы показывают, что речь обычно идёт о редких предметах, либо о «бросовых» расходных материалах, которые приобретаются большими партиями. В 14,3% случаев эксперты связывали с выводом капитала за границу ввиду оплаты отпусков, зарубежных командировок. В то же время опасения за сохранность накоплений в зарубежных банках испытывает каждый четвёртый эксперт, что обусловлено

информированностью о ситуациях, сложившихся вокруг отдельных офшорных зон.

Во многом данные установки сопряжены со стереотипическими представлениями молодёжи о легализованном бизнесе, формирование которых во многом обусловлено качеством работы средств массовой информации [5, с. 46]. Так, несмотря на определённые изменения в законодательстве и практике контролирующих и проверяющих органов, их деятельность в большинстве случаев представляется как «превышающая их функционал» - 63 %; фиктивной государственную помощь в виде грантов или безвозмездной награды в ходе конкурса считают 57 % экспертов. При этом, если оценивать динамику уровня доверия к органам власти, то в период 2008-2014 гг. она отражала устойчивую тенденцию к снижению, теряя в среднем по 5-7 % каждый год. И лишь с 2015 года ситуация изменилась в положительную сторону, хотя средний темп роста не превысил 5 %.

Заслуживает внимания тот факт, что аналогичным образом изменялось отношение к представителям сферы инфобизнеса, ориентированного исключительно на поддержку и вовлечение молодёжи в бизнес. В 2008 году молодые люди оценивали необходимость и значимость консультаций и тренингов в сфере формирования бизнес-потоков достаточно высоко – 61,8 % считали подобные мероприятия необходимыми и даже обязательными для посещения. Однако к 2017 году данный показатель снизился почти вдвое и составил 34,7 %. Причины изменения отношения к бизнес-сообществу во многом обусловлены ростом и распространением инфобизнеса в целом. Если на момент начала исследования насчитывалось 1-2 активных предложения в региональном разрезе, то на текущий момент на отдельные регионы приходится от 5 до 16 подобных мероприятий. Рост предложения сопровождается как объективным снижением качества, так и ростом субъективных стереотипов. Если ранее использование информационной и консультационной помощи в рамках тренингов и собраний было основной целью бизнесменов, то за девять лет установки трансформировались в исключительно социальную мотивацию,

обусловленную накоплением активных связей как с потенциальными клиентами, так и партнёрами по отрасли.

Ещё одним адекватным ответом на условно принимаемые риски стало стремление к партнёрским формам бизнеса как в рамках сообщества, так и в рамках семейных предприятий. По оценкам экспертов каждый четвёртый неформальный бизнес-проект имеет страховочную сферу деятельности и охватывает как минимум два-три вида деятельности. Если до 2011 года преобладала коллаборация достаточно разноплановых направлений, то после указанной точки поворота проявился рост поддерживающих типов партнёрств, в рамках которых бизнес расширялся по вертикальному типу: охватывая как можно больше производственных и логистических цепочек от исходного получения материала до непосредственной работы с потребителем.

Таким образом, данные примеры показывают, что неформальному молодёжному бизнесу присущ инновационный характер деятельности, а также мотивированное стремление к постоянному развитию производственных технологий. Система распределения капиталов позволяет говорить о тенденции сохранения капиталов в России, и о её возможном укреплении при условии развития снабжающих производств. Однако закрепление неформального бизнеса как «нормы» молодёжной экономической активности отражает необходимость систематической работы по взаимовыгодному сотрудничеству государства и микробизнеса

Литература

1. Заславская Т.И. Авангард российского бизнес-слоя: гендерный аспект // Социологические исследования. 2006. №4, С. 26-37.

2. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007. – 285 с.

3. Ефимова Г.З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества / Интернет-журнал «Науковедение» ISSN 2223-5167 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf.

4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. – Второе издание, дополненное и исправленное. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 592 с.

5. Грошева И.А., Грошев И.Л. Индексная оценка системы государственного и муниципального управления // Россия-Тюмень: векторы евразийского развития / Под редакцией В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2015. С. 45-66.

ЕЛГИН В.В.
Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
ПЕРЕЛАДОВ А.М.
ООО «Газпром добыча Надым», Надым, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА У ВАХТОВОГО ПЕРСОНАЛА ГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В ходе исследования экономико-психологических характеристик трудовых коллективов газовых промыслов крупного газодобывающего предприятия были изучены ключевые потребности его вахтового персонала, проанализированы предпочтения трудовых коллективов газовых промыслов и дана оценка их мотивационной среды. Изучены мотивационные факторы, условия, стимулирующие персонал на эффективный труд. На основе результатов исследования мотивационного профиля сотрудников предложены меры по совершенствованию системы мотивации и разработаны инструменты и методы оценки мотивационных аспектов управления персоналом.

Ключевые слова: мотивация труда, вахтовый персонал, удовлетворенность условиями труда, факторы удовлетворенности трудом, социально-психологический климат.

YELGIN V.
Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia
PERELADOV A.
LLC Gazprom dobycha Nadym, Nadym, Russia

IMPROVEMENT OF MOTIVATIONAL MECHANISM OF SHIFT PERSONNEL GAS COMPANIES

In the course of the study of economic and psychological characteristics of labor collectives of gas fields of a large gas producing enterprise, the key needs of its shift personnel were studied, the preferences of labor collectives of gas fields were analyzed and their motivational environment was evaluated. Studied motivational

factors, the conditions that stimulate the personnel to effective work. On the basis of the results of the study of the motivational profile of employees proposed measures to improve the system of motivation and developed tools and methods for assessing the motivational aspects of personnel management.

Keywords: motivation, shift staff, satisfaction with working conditions, factors of job satisfaction, social and psychological climate.

В настоящее время многие успешные компании во всем мире все больше стремятся не только привлечь и удержать специалистов с высокой квалификацией, но и мотивировать их к продуктивной деятельности. Контроль и жесткое вертикальное управление в организации уступают место идеям, информации и взаимодействию, поэтому люди на предприятиях становятся главными.

Управление персоналом в дочерних предприятиях ПАО «Газпром» основываются на принципах системного подхода и анализа, охватывают весь кадровый состав предприятия (рис.1).

Месторождения нефти и газа, которые составляют основу нефтегазовой промышленности России и находятся на Севере и Крайнем Севере Западной Сибири, осваиваются и эксплуатируются в основном вахтовым персоналом. В ЯНАО действуют четыре газодобывающего предприятия, входящего в структуру ПАО «Газпром». Производственно-хозяйственная деятельность предприятия ООО «Газпром добыча Надым» осуществляется Медвежинским газопромысловым управлением (МГПУ) на Медвежьем нефтегазоконденсатном месторождении НГКМ, Надымским нефтегазодобывающим управлением (ННГДУ) на Юбилейном НГКМ и Ямсовейском НГКМ, Ямальским газопромысловым управлением (ЯГПУ) на Бованенковском НГКМ и Харасавэйском ГКМ. Газовое месторождение Медвежье находится на завершающей стадии эксплуатации, Бованенковское НГКМ на начальной стадии разработки.

*Рис.*1. Методы управления персоналом

В целом показатели движения кадров на предприятии с годами меняются незначительно, увеличение численности связано, в основном, с вводом новых мощностей на Бованенковском и Юбилейном (табл.1).

Таблица 1

Численность, состав, движение работников газодобывающих филиалов

№	Наименование показателя	Предприятие	МГПУ	ННГДУ	ЯГПУ
1.	Численность работающих	9 510	841	849	773
2.	Численность принятых работников чел.	828	167	66	65
3.	Численность уволенных работников, чел.	704	142	45	21
4.	Средний возраст работников, годы	40	38	38	39
5.	Оборот по выбытию, %	7,7	17,4	5,4	2,8
6.	Текучесть, %	0,6	1,1	0,8	0,4

Вахтовым методом организации работ в ООО «Газпром добыча Надым» охвачено около 38% общей численности персонала, в том числе межрегиональной формой вахтового метода организации работ - 6%, внутрирегиональной формой вахтового метода организации работ - 28%. На 1.07.2017 г. в ООО «Газпром добыча Надым» работало межрегиональным методом 522 человека, внутрирегиональным методом 3686 человек.

Проблемы управления вахтового персонала, повышением эффективности его труда связаны, в основном, с недостаточной изученностью медицинских, социальных и психологических проблем использования этого метода организации работ. В условиях Крайнего Севера существуют факторы, влияющие негативно на работоспособность человека: недостаток естественного света, магнитные возмущения, холод, несбалансированное питание, гиподинамия.

В большей степени для работников вахтовой организации труда характерно снижение работоспособности из-за утомляемости во время длительных рабочих смен, что ведет к уменьшению производительности труда, ошибкам персонала при эксплуатации сложных производственных объектов повышенной опасности.

Нефтегазодобывающие предприятия в силу отраслевой специфики используют большой объем основных средств, эксплуатируют сложное дорогостоящее оборудование. В результате ошибок персонала при выполнении своих обязанностей на рабочем месте или несоблюдения установленных требований к эксплуатации объектов основных средств (отклонение от технологических регламентов, согласование неверных расчетов и проектов строительства и реконструкции объектов, договоров о проведении тендеров и конкурсов на услуги и поставки МТР для дорогостоящих объектов газодобычи) экономический ущерб может быть очень высоким.

Кроме того, за последние 10-15 лет в современном обществе изменились интересы и потребности в сфере труда: повысились требования к условиям труда, стремление к комфортному окружению на рабочем месте. Новое поколение молодых людей административное давление предпочитает сотрудничеству, для общения и поиска необходимой информации использует интернет и социальные сети. Однако крупные компании мало изменили уровень условий труда, социально-бытового окружения, взаимоотношений в коллективах, а, самое главное, подходы к управлению персоналом остались на предприятиях на прежнем уровне.

Сегодня каждая компания уделяет серьезное внимание системе стимулирования труда: оплата, материальное вознаграждение. Крупные организации могут позволить включать в систему стимулирования пакет социальных льгот. Однако крайне мало сегодня уделяется внимание вопросам мотивации персонала. А ведь именно здесь, по мнению многих специалистов, существует возможность повышения эффективности труда.

Важным условием формирования мотивационного механизма является определение факторов мотивации труда на конкретном предприятии. Изучение и отслеживание изменения потребностей работников предприятия путем проведения опросов или анкетирования позволяет настроить этот механизм более точно. Кроме того, своевременное определение в ходе опросов и последующий анализ факторов внешней и внутренней среды

позволяют прогнозировать возможные последствия в положительную и отрицательную сторону, формировать мероприятия по устранению возможных негативных последствий. Результаты оценки факторов влияют на уточнение подходов к достижению эффективной мотивации, реально возможных в данное время на предприятии.

Более половины работающих на всех промыслах имеют высшее образование, около трети опрошенных сотрудников имеют среднее профессиональное образование. На Бованенковском НГКМ доля с высшим и незаконченным высшим образованием самая высокая на предприятии: ГП-1 – 71%, ГП-2 – 68%. При этом доля работников с высшим образованием, в том числе занятых на рабочих специальностях, со временем растет: за 10 лет доля с высшим и незаконченным высшим образованием выросла на 5-8%. Это обстоятельство, с одной стороны, повышает качество выполнения должностных профессиональных обязанностей, с другой, порождает желание профессионального и карьерного роста, а при невозможности его удовлетворения появляется чувства неудовлетворенности своим положением.

Анализ экономико-психологических характеристик показал, что у большинства работников газовых промыслов предприятия сложилось положительное отношение к работе. Удовлетворенность своей работой отмечают около 70% опрошенных работников. Удовлетворенность работой характеризует и такой показатель: только 9-14% работников в ближайшей перспективе планируют менять место работы (табл.2).

В тоже время опросы показали, что только половина работающих довольны оплатой труда, считая, что уровень их заработной платы не соответствует объему выполняемой работы. И это при том, что средняя заработная плата работающих на промыслах вахтовиков превышает средней уровень по предприятию, региону и, тем более, по стране. Такая оценка связана, скорее всего, с недостаточной информированностью работников об обоснованности уровня их заработной платы. В отсутствии необходимой информации работники субъективно оценивают уровень своего дохода. При этом в отсутствии

объективной информации на фактор удовлетворенности заработной платы начинают влиять характер взаимоотношений с непосредственным руководителем, состояние морально-психологического климата в коллективе, случаи покровительства отдельным работникам, факты трудоустройства на промысел родственников и знакомых начальников, не имеющих, на взгляд респондентов, необходимого профессионального опыта или способностей.

Таблица 2

Удовлетворенность основными показателями, характеризующими отношение к работе в ООО «Газпром добыча Надым», %

№	Содержание вопроса	ЮГП	ЯГП	ГП-1 ЯГПУ	ГП-2 ЯГПУ
1.	Удовлетворенность работой	67	67	71	65
2.	Удовлетворенность оснащенностью рабочего места	51	49	60	43
3.	Удовлетворенность оплатой труда	50	50	40	-
4.	Удовлетворенность условиями труда и быта	66	66	51	-
2.	Удовлетворенность работой руководства	76	75	73	61
3.	Удовлетворенность работой обслуживающих служб	83	80	77	68
4.	Удовлетворенность использованием потенциала сотрудников	61	61	43	50
5.	Удовлетворенность психологической обстановкой, отношениями с коллегами	94	93	88	84
6.	Имеют высшее образование и незаконченное высшее образование	67	50	71	68

ЮГП – газовый промысел Юбилейного НГКМ, ЯГП – газовый промысел Ямсовейского НГКМ, ГП-1 и ГП-2 – газовые промыслы Бованенковского НГКМ

Социологические опросы, проведенные в России в 2017 году, показывают, что в целом россияне удовлетворены своей работой. Опрос, проведенный фондом «Общественное мнение», свидетельствует, что почти три четверти (73%) россиян довольны своей работой [1]. В то же время 61% опрошенных недовольны получаемым за работу вознаграждением.

Большинство опрошенных устраивает их условия труда (80%). Еще больше респондентов (90%) оказались удовлетворены теми отношениями, которые у них выстроились с коллегами. Уровень зарплаты устраивает только 37% россиян.

Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), *проведенного 25-26 апреля 2018 года,* "уровень удовлетворенности работой среди трудящихся остается крайне высок – 80%".

На удовлетворение работой влияют многие факторы, однако главным из них является именно справедливая заработная плата, в среднем так считают около 65% всех опрошенных вахтовиков предприятия (табл.3).

Таблица 3

Рейтинг факторов, влияющих на удовлетворение работой

№	Факторы, влияющие на удовлетворение работой
1.	Справедливая заработная плата
2.	Стабильность
3.	Возможность обучения
4.	Поддержка коллег
5.	Разнообразие в работе
6.	Возможность карьерного роста
7.	Ясная зона ответственности и полномочий
8.	Информированность, знание происходящего
9.	Внимание непосредственного руководителя
10.	Возможность проявлять свою компетентность
11.	Возможность влиять на ситуацию
12.	Признание и одобрение

По данным некоторых социологических опросов, проведенных в России, зафиксировано последовательное снижение доли работников, считающих, что их труд оплачивается справедливо (в 7 раз). Важность формирования

чувства справедливости доказывают проводимые исследования. В результате анализа выявлено, что ожидаемая заработная плата рабочих превышает получаемую в 2 раза. Под ожидаемой заработной платой понимается представление рабочих о размере заработка, который соответствовал бы величине их трудового вклада. Следовательно, возникает противоречие: доля работников, считающих размер оплаты своего труда несправедливым, резко возросла, а масштаб притязаний у большинства опрошенных не изменился.

Таким образом главным фактором формирования чувства справедливости является не сам размер заработка, а субъективные оценки работниками значимых сторон труда, субъективное восприятие справедливости политики руководства [5].

На втором месте среди факторов, влияющих на удовлетворение работой в ООО «Газпром добыча Надым», стабильность – от 55 до 69 % опрошенных. На третьем месте по степени важности для вахтовиков газовых промыслов важным является возможность обучения, карьерного роста. Важными факторами для многих является поддержка коллег, разнообразие в работе и ясная зона ответственности и полномочий.

Для вахтовиков в отличие от работников, возвращающихся ежедневно после рабочей смены домой, условия труда и производственного быта особенно важны. Они же в большей мере влияют на общую удовлетворенность работой. В достаточной степени вахтовики ООО «Газпром добыча Надым» удовлетворены обеспечением техники безопасности (70-88%) и условиями транспортировки на вахту и обратно (60-84%), условиями для отдыха и занятий спортом. Самая низкая удовлетворенность работников в вопросе питания, которое устраивает около 60% опрошенных. Чуть больше половины вахтовиков устраивают санитарно-бытовые условия и обеспеченность спецодеждой.

Важным фактором удовлетворенности работой является внимание непосредственного руководителя. Полученные данные свидетельствуют о том, что удовлетворенность вахтовиков работой руководства оценивается не очень высоко – около 66% опрошенных. Во многом низкая удовлетворенность работой

руководства связана с недостаточной управленческой подготовкой, пониманием необходимости мотивации персонала. На удовлетворенность вахтовиков своими руководителями влияет и недостаточная информированность о делах, событиях, изменениях, происходящих в трудовых коллективах – от 34% до 63% опрошенных на разных промыслах посчитали себя информированными о делах коллектива.

В коллективах газовых промыслов по мнению опрошенных вахтовиков преобладает командно-административный стиль управления. Так считают более половины респондентов. Этому стилю присущи такие достоинства, как: четкость и оперативность управления; создание видимого единства управленческих действий для достижения поставленных целей; минимизация времени принятия решений, т.е. обеспечение быстрой реакции на изменение условий; отсутствие особых материальных затрат. Конечно, работа в экстремальных условиях предполагает высокую дисциплинированность, исполнительность, четкость в работе и достигается это именно командно-административными методами.

Однако существуют и его видимые недостатки: неиспользование (подавление) инициативы, творческого потенциала исполнителей; отсутствие действенных стимулов труда; невысокая удовлетворенность исполнителей своим трудом; высокая степень зависимости работы группы от постоянного волевого прессинга руководителя. Руководитель, как правило, убежден в безусловном превосходстве своих компетенции, опыта и способностей достигать желаемых целей по сравнению с подчиненными. Отсюда – стремление решать все проблемы по своему усмотрению, внешне проявляющийся в приказном тоне, жесткости, нетерпимости к критике. Выбор такого стиля руководства показывает, что руководитель ориентирован исключительно на производственные задачи. Удовлетворенность трудом подчиненных при этом падает, ухудшается социально-психологический климат в коллективе, а вместе с ними падает и трудовая мотивация самих работников.

Некоторые исследователи отмечают, что в отечественных компаниях мало руководителей, способных повести за собой тех, с кем интересно работать. А работникам нужна новизна, новые

впечатления и, если у них не получается на одном месте, они ищут новые возможности на другом. Руководители злоупотребляют командными методами руководства. Подчиненные привыкают выполнять приказы и оказываются в зоне комфорта: можно не думать и не принимать решений. А за чужие решения ответственность снижена. Если приказы прекратятся, работа во многих российских компаниях просто встанет. В результате руководители среднего звена не развивают лидерские качества и становятся своеобразными пассивными диспетчерами [2].

Еще один фактор, влияющий на удовлетворенность работой в ООО «Газпром добыча Надым» и являющийся причиной увольнения из предприятия – отрыв вахтовиков от своей семьи. Это обстоятельство связано с самой спецификой профессии газовика и нефтяника – рабочее место находится далеко от дома, а время отрыва от семьи длится от двух недель до полутора месяцев.

Анализ экономико-психологических характеристик вахтового персонала газодобывающих подразделений ООО «Газпром добыча Надым» позволяет выявить удовлетворенность работой, рабочим местом, материальным и моральным стимулированием, санитарно-бытовыми условиями на промыслах и вахтово-жилых комплексах где они проживают после рабочей вахты, и т.д., и на основе полученных данных повысить эффективность мотивационного механизма вахтового персонала предприятия.

Основные выводы и предложения, вытекающие из результатов социологических исследований на предприятии.

1. Целесообразно производить мотивационную диагностику уже при приеме на работу. При приеме на работу выявлять из числа претендентов тех, кто не склонен к специфической работе. С молодыми работниками необходимо проводить соответствующие тренинги. При приеме на работу вахтовом методом не все, особенно молодые и не имеющие опыта специалисты, в полной мере осознают это важное обстоятельство. Только во время работы многие понимают, что не готовы к непростым и не комфортным бытовым условиям, длительному нахождению в замкнутом пространстве, ограничениям в общении, перемещению самолетами,

вертолетами и вездеходным автотранспортом на работу и с работы.

2. Важно определять взаимосвязь мотивационного потенциала работников и их реального трудового поведения, соответствующего требованиям должностей, закрепленных в форме должностной инструкции или другого нормативного документа, в результате конкретных исследований структуры мотивов к труду и типов трудовой мотивации работников.

3. Отдача от работников на производстве будет больше, если они имеют своевременную информацию о происходящих и планирующихся изменениях технологических и производственных процессов, режимов труда и отдыха, других новшеств в жизни предприятия. Доводить до сведения результаты проведенного исследования до всех участников опроса, с целью формирования позитивной установки на проведение последующих опросов.

4. Необходимо четко распределять обязанности между линейными и функциональными руководителями организации по управлению персоналом. Каждое звено должно выполнять свои организационные функции.

5. Необходим мониторинг за параметрами удовлетворенности трудом: организация питания; разъяснение обоснованности установления заработной платы и надбавок и доплат к заработной плате; своевременное обеспечение качественной и эстетически удовлетворяющей работников спецодеждой; обеспечение санитарно-бытовыми условиями в комнатах для проживания персонала; условия стирки, сушки спецодежды.

6. В целях развития потенциала работников необходимо учитывать их потребности в повышении квалификации, доводить до сведения работников понятную и обоснованную систему должностного продвижения, возможность карьерного роста сотрудников.

7. Важным фактором удовлетворенности работой является внимание непосредственного руководителя. Руководителям всех уровней необходимо повышать культуру управления и общения, уровень служебных и деловых отношений. Для этого нужно приобретать знания, навыки и умения в области психологии межличностного взаимодействия. Руководители среднего звена

должны постоянно проводить необходимую работу для поддержания положительного психологического климата в коллективе, формирования у подчиненных положительной мотивации, конструктивных межличностных и деловых отношений.

8. Важно учитывать не только соответствие работников, работающих вахтовым методом, на выполнение профессиональным обязанностям, но и их совместимость друг с другом по горизонтали (с равными по должности) и по вертикали (с выше- и нижестоящими).

9. Коллективы вахтовиков в большей степени, чем другие трудовые коллективы, нуждаются в развитии неформальных связей и отношений посредством использования различных форм совместного проведения досуга.

Разработка мотивационного механизма управления персоналом, работающего вахтовым методом, требует учета индивидуальных особенностей мотивации работника. Важным процессом, позволяющим формировать и управлять внутренней мотивацией работников, является выявление их индивидуальной мотивационной структуры. По результатам диагностики фиксируется мотивационная структура каждого сотрудника и появляется возможность формирования необходимой трудовой мотивации в компании.

Разработка и реализация мотивационного механизма управления персоналом требует решения ряда задач и осуществляется, на наш взгляд, в следующей последовательности (рис.2).

На первом этапе необходимо выявление факторов, определяющих структуру мотивационного механизма вахтового персонала. Изучение изменения потребностей работников промыслов осуществляется путем проведения опросов.

Второй этап – определение воздействия на мотивацию факторов внутренней и внешней среды, изучение факторов внешней и внутренней среды, оказывающих влияние на процесс управления персоналом предприятия и на мотивацию работников, прогноз результатов влияния, планирование мероприятий по устранению возможных негативных последствий.

Рис.2. Последовательность решения задач мотивационного механизма

В качестве методов воздействия на мотивацию целесообразно комплексное сочетание элементов административных методов управления, материального стимулирования, социально-психологических методов управления, способствующих удовлетворению социально-культурных потребностей и созданию устойчивого нравственно-психологического климата в коллективе.

После определения методов воздействия на мотивацию оцениваются мотивационные ресурсы: организация труда, принципы социального партнерства, возможности социальной политики предприятия, стиль управления руководителя, информационное обеспечение.

Оценка эффективности мотивационного механизма предприятия осуществляется на заключительном этапе. В случае обнаружения низкой эффективности изменение подходов к проведению мотивационной политики на основе потребностей и

ожиданий работников, согласовании с целями и задачами предприятия.

Литература

1. Более половины россиян оказались недовольны своей зарплатой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/.

2. Вовлеченность персонала в рабочий процесс// Е-Профессионал. ру. – 2010.14.09 по источнику: Лобанова Т.Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С.98

3. Герчиков В.И. Мотивация, стимулирование и оплата труда персонала: Учеб. пособие / В. И. Герчиков . – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 110 с.

4. Шапиро С.А. Основы трудовой мотивации: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2016. – 268 с.

5. Экономика и социология труда: (социально-трудовые отношения): Учебник (под ред. В.А. Гаги). – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2008. – 340 с.

ЗАЗУЛИНА М. Р.
Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда, грант №16-03-00309.

Статья посвящена особенностям реализации реформы местного самоуправления в сельских поселениях. На основе данных исследования, проведенного в Новосибирской области охарактеризован круг проблем, с которыми столкнулось сельское самоуправление на современном этапе и показаны особенности восприятия реформы со стороны самих представителей местного самоуправления. Сделан вывод о том, что значительное сокращение сельского самоуправления как отдельного независимого уровня управления и как значимого субъекта муниципальной политики ведет к перераспределению центра тяжести от поселений к районам, таит опасность перекоса системы и создания предпосылок для ее дальнейшей трансформации.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, муниципальное образование, сельское поселение, муниципальный район

ZAZULINA M. R.
Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RURAL SETTLEMENT OF NOVOSIBIRSK REGION IN CONDITIONS OF THE MUNICIPAL REFORM

The paper is devoted to the peculiarities of local self-government reform in rural settlements. Based on the data of the study conducted in the Novosibirsk region, the author describes the range of problems faced by rural self-government at the present stage and shows the features of the perception of the reform by the representatives of local

self-government. It is concluded that a significant reduction in rural self-government as a separate independent level of management and as a significant subject of municipal policy leads to redistribution of the center of gravity from settlements to municipal district and creation of prerequisites for its further transformation.

Keywords: local self-government, reform, municipality, rural settlement, municipal district

Последний виток реформы местного самоуправления, инициированный изменениями законодательства в 2014-2015 гг., неожиданно оказался одним из самых масштабных и сложных в силу своего комплексного характера. Во-первых, имела место "вертикальная" реформа по перераспределению полномочий между федеральной, региональной и муниципальной властями. Во-вторых, имело место "горизонтальное" перераспределение обязанностей внутри населенных пунктов. При этом изменение системы властных отношений между различными властными субъектами локального и регионального уровней сопровождалось изменением системы формирования органов местной власти, в том числе изменением выборного законодательства.

Подобная ситуация с самоуправлением таит в себе целый ряд потенциально проблемных ситуаций и делает актуальным исследование особенностей реализации муниципальной реформы на современном этапе. Особенно актуальным представляется такое исследование в сельских муниципальных образованиях, каковых по данным Росстата на 1 января 2017 г. в России насчитывалось 18101. Сельские поселения составляют более 80% всех муниципальных образований, при этом на их территории проживает не более трети населения Российской Федерации. Подобная ситуация ярко отражает конфликт, который отечественная система управления пытается решить на протяжении последней четверти века. С одной стороны, децентрализация, выступающая ведущим принципом управления и самоуправления в современном мире, требует наличия множественной сети муниципалитетов, которые самостоятельно решали бы дела насколько угодно мелких сообществ. С другой стороны, необходимость управления большими разнородными

территориями в условиях перманентных кризисов, и прежде всего недостатка финансов, вынуждает следовать стратегии, которую можно охарактеризовать как "эффективность через унификацию". Можно с достаточной долей правомерности рассуждать о том, что мы имеем дело с традициями управления, которые формировались веками и характеризовались значительной степенью централизации и приоритета государства над общиной. Современный, "демократический" институт самоуправления в России появился в результате "реформы сверху", и подобный крен в сторону демократии должен был закончится откатом к отечественным традициям (само)управления, которые в свою очередь сформировались под влиянием территориальных и экономических факторов.

Все эти тенденции продемонстрировал последний виток реформы местного самоуправления, который законодательно оформил тенденции укрупнения муниципальных образований. По результатам проведения федерального мониторинга местных бюджетов за период 2016 года количество муниципальных образований уменьшилось на 364 единицы в результате преобразования (объединения) и упразднения муниципальных образований, причем, в основном, указанные процессы коснулись сельских поселений. Преобразование муниципальных районов в округа, которое активно реализуется в центральной части России также закрепляет эту тенденцию поскольку фактически выводит сельские поселения, расположенные на территории этих районов за рамки удобной системы самоуправления и тем самым способствует нивелировке привычного образа жизни.

Новосибирскую область подобные изменения практически не коснулись. За последние 10 лет не изменилось ни количество муниципальных образований, ни количество сельских поселений. Из 490 муниципальных образований 429 являются сельскими поселениями. Таким образом, среди муниципальных образований низового уровня (мы относим сюда сельские, городские поселения и городские округа, всего 460, это образования, непосредственно включающие в себя территории на которых проживает население) доля сельских поселений составляет 93%. На территории этих муниципальных

образований проживает 21% населения Новосибирской области (585 тыс. из 2779 тыс. человек).

Однако сельское самоуправление в Новосибирской области столкнулась с теми же проблемами, которые последняя муниципальная реформа обозначила по всей стране. Они касаются изменения компетенций муниципальных образований и связанной с этим изменением структуры местных бюджетов. Также они касаются изменения принципов формирования органов самоуправления и как следствие изменения отношения к системе управления и представляющим его лицам не только со стороны рядового населения, но и со стороны самих "управленцев-муниципальщиков".

Более подробно изучить и проанализировать сложившуюся ситуацию позволили данные полученные в результате социологического исследования реализованного в рамках проекта РГНФ №16-03-00309 "Новый этап реформы местного самоуправления в России: проблемные ситуации и институциональные эффекты" на территории Черепановского района Новосибирской области в 2016 г. Респондентами выступили муниципальные служащие (служащие районной и поселенческих администраций), а также представители депутатского корпуса - то есть эксперты, непосредственно включенные в систему местного самоуправления. Общая выборка составила 300 человек. При этом исследованием оказались охвачены разные уровни и типы самоуправления: районный и поселенческий, городской и сельский. Группу сельских экспертов составили 160 человек. В нее вошли главы сельских поселений, служащие сельских администраций, а также депутаты сельских поселений.

Прежде всего нас интересовало отношение экспертов к последним законодательным нововведениям, серьезно изменившим облик отечественного самоуправления. В результате поправок, внесенных в муниципальное законодательство в соответствии с Федеральным законом от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ, оказались существенно сужены компетенции, закрепленные за муниципальной сферой в целом, независимо от уровня муниципальных образований, а также расширены правомочия субъектов РФ и возможность их

вмешательства в компетенции местного самоуправления. Особенно сильно ситуация изменилась для сельских муниципальных образований, число собственных компетенций в которых уменьшилось с 39 до 13, в то время как оставшиеся были переданы в ведение районных муниципальных образований.

В рамках нашего исследования экспертам было предложено оценить последние нововведения в системе местного самоуправления и их последствия для различных уровней самоуправления (табл. 1).

Таблица 1

Оценка последних нововведений в реформе местного самоуправления, %

Варианты	Представители районного самоуправления	Представители сельского самоуправления
Большая встроенность в вертикаль власти		
Одобряю	67	31
Не одобряю	11	38
Нет ответа	22	31
Сокращение сферы компетенции сельского поселения		
Одобряю	17	15
Не одобряю	39	54
Нет ответа	44	31
Изменение принципов формирования органов МСУ (отмена выборности)		
Одобряю	56	15
Не одобряю	33	63
Нет ответа	11	21

Практически все нововведения, в частности отмена выборности и сокращение компетенций сельских поселений, не встретили однозначной поддержки среди экспертов. По каждому из пунктов наибольшая доля экспертов высказала негативные оценки. Также отметим, что по каждому из вопросов оценки данные представителями сельского самоуправления оказались более негативными, чем оценки районных самоуправленцев. Так, сокращение сферы компетенции сельских поселений одобрили лишь 15% представителей сельского самоуправления и 17% представителей районного самоуправления. Отмена выборности

глав органов самоуправления встретила одобрение лишь у 14% представителей сельского самоуправления и у 56% районного самоуправления. Наиболее положительно эксперты оценили увеличение встроенности органов местного самоуправления в вертикаль власти. Но и этот пункт реформы встретил однозначное одобрение лишь у 31% сельских экспертов. Для сравнения, представителям районного самоуправления эта тенденция импонирует в большей степени. Таким образом, именно отношение к этим аспектам реформы аккумулирует основные протестные настроения и оказывается наиболее значимой проблемой на современном этапе становления отечественного местного самоуправления.

Значительная часть экспертов оставили вопросы без ответов, то есть по какой-то причине не сумели или не пожелали сформулировать свое мнение. По нашему мнению, столь высокий показатель свидетельствует, во-первых, о том, что эксперты недовольны ситуацией в целом; а во-вторых, о том, что сложившаяся ситуация даже для управленцев-муниципальщиков остается неясной.

Таблица 2

Как, по Вашему мнению, изменилось отношение рядового населения к институту местного самоуправления после реформы?, %

Варианты	Представители районного самоуправления	Представители сельского самоуправления
Люди стали больше доверять органам самоуправления	39	21
Люди стали доверять меньше органам самоуправления	28	13
Отношение не изменилось	33	62
Нет ответа	0	4

Наибольшие опасение вызывала возможность изменения отношения к институту местного самоуправления именно со стороны рядового населения, вследствие отмены выборного характера формирования органов МСУ. Однако об уменьшении доверия со стороны населения заявили лишь 13% сельских экспертов, в то время как 62% полагают, что отношение населения никак не изменилось (табл. 2).

Напомним, что институт местного самоуправления создается и функционирует в целях решения вопросов местного значения. Именно такая норма закреплена в ст. 130 Конституции РФ и Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6.10.2003 г. Таким образом, решение вопросов местного значения является основным критерием, позволяющим в конечном итоге оценить как эффективность работы органов местного самоуправления, так и практическую значимость реформы. Ниже представлено как, по мнению экспертов, последние нововведения повлияли работу различных уровней самоуправления и решение ими вопросов местного значения (табл. 3).

Таблица 3

Как отразилась последняя реформа местного самоуправления на работе муниципальных образований различного уровня, %

Варианты	Представители районного самоуправления	Представители сельского самоуправления
На работе районной администрации		
Осложнило решение вопросов местного значения	17	15
Облегчило решение вопросов местного значения	39	19
Все осталось без изменений	33	33
Нет ответа	11	33
На работе поселенческих администраций		
Осложнило решение вопросов местного значения	39	31
Облегчило решение вопросов местного значения	17	25
Все осталось без изменений	17	38
Нет ответа	28	6

Специфической проблемой сельского самоуправления является проблема формирования депутатского корпуса. Статус депутата предполагает прохождение многих формальных процедур (например, связанных с подачей декларации о доходах). Часто именно это оказывается препятствием для сельских жителей на пути к тому, чтобы стать депутатом своего поселения.

Проблема формирования депутатского корпуса приобрела актуальность еще и в связи с изменением принципов формирования органов местного самоуправления. В условиях отмены выборности глав местного самоуправления депутаты оказались единственными, кого население избирает на выборах путем всеобщего прямого тайного голосования, так сказать последними демократически избранными кандидатами. Однако уровень легитимности избираемых кандидатов в глазах населения остается весьма низким: население попросту не знает депутатов ни в лицо, ни по именам и затрудняется оценить их деятельность. Косвенным образом это утверждение подтверждают данные социологических опросов по оценке населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, проводимых во всех муниципальных образованиях и во всех субъектах Российской Федерации. Результаты опросов показывают, что население в среднем в два раза чаще затрудняется дать оценку деятельности Совета Депутатов, чем деятельности Администрации своего муниципального образования. Кроме этого удовлетворенность деятельностью Совета депутатов ниже, чем удовлетворенность деятельностью администрации муниципального образования. В качестве примера ниже приведены данные опросов по Черепановскому району Новосибирской области, однако такая картина типична для всех муниципальных образований (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительная оценка удовлетворенности деятельностью администрации и Совета депутатов Черепановского района Новосибирской области в 2015-2017 гг., %

Варианты	2015	2016	2017
Удовлетворенность работой администрации	74	73	75
Удовлетворенность работой Совета депутатов	71	65	69

Примечание: Составлено на основе Результатов опроса населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Новосибирской области и руководителей унитарных предприятий и учреждений, действующих на муниципальном уровне, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований Новосибирской области, 2015-2017 гг. [Электронный ресурс] // Правительство Новосибирской области [Офиц.сайт]. URL: http://www.nso.ru/page/16519 (дата обращения: 30.04.2018)

Изменение количества компетенций для различного типа муниципальных образований сопровождалось изменением структуры их бюджетов, увеличением дотационности и финансовой зависимости от вышестоящих органов власти. Для сельских поселений количество компетенций сократилось с 39 до 13, все прочие оказались переданы в ведение районных муниципалитетов. Такая мера имела сразу несколько последствий.

Одним из последствий изменения системы компетенций стало появление и закрепление новых практик связанных с передачей финансовых трансфертов между различными уровнями власти. В 2016 г. из 429 сельсоветов 228 сельсоветов (это 47% от общего числа муниципальных образований и 53% от общего числа сельских поселений) относились к высокодотационным: доля дотаций в их бюджете превышала 50% объема собственных доходов. Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объеме собственных доходов бюджета муниципальных районов (без учета субвенций) в 2016 году

составила всего 21,98% (для сравнения в бюджете городских округов этот же показатель составил 84,21%). А доля межбюджетных трансфертов, поступающих из бюджетов вышестоящего уровня, в доходах местных бюджетов для муниципальных районов составила 86,5% (для городских округов 44,2%) [2].

Поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6.10.2003 г., внесенные с 2014 г. закрепили за субъектами Федерации возможности по перераспределению полномочий между различными муниципальными образованиями, определению структур и способов формирования местных администраций. Масштабы изменения и перераспределения полномочий значительны. Как следует из "Информационно-аналитических материалов о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016-2017 гг.", подготовленных Министерством юстиции Российской Федерации передача полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления к органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 2017 году затронула 4,4 тыс. муниципальных образований в 42 субъектах Российской Федерации. Кроме этого более двух третей муниципалитетов вовлечены в процесс перераспределения полномочий между различными уровнями самоуправления, дополнительные вопросы местного значения закреплены за 78% сельских поселений. Наиболее значительны масштабы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с предоставлением органам местного самоуправления субвенций, они действуют в 84 из 85 субъектов Российской Федерации (за исключением города федерального значения Севастополя) и затрагивают все без исключения муниципальные районы и городские округа, а также около 75 процентов городских и 90 процентов сельских поселений [1].

Представленные данные заставляют задуматься о том, что же в действительности происходит с отечественным самоуправлением и как оценить изменения, происходящие на каждом из его уровней.

Поскольку большая часть сельских полномочий оказалась передана в ведение районных администраций, то надо признать, что именно районный уровень самоуправления сейчас оказывается главным субъектом муниципальной политики, в том числе и сельской муниципальной политики, то есть ответственным за ситуацию в конкретных сельских населенных пунктах. В то же время перенос нагрузки на верхний уровень самоуправления отнюдь не облегчил ситуацию для его низовой, то есть поселенческой части. Характерно, что сами представители районного самоуправления считают, что поселковым администрациям решать вопросы местного значения стало тяжелее, несмотря на то, что полномочий и, следовательно, ответственности у них стало меньше (См. Табл.3).

Необходимо учитывать, что сокращение количества компетенций сельских администраций означает не только сокращение их финансирования, но и сокращение возможностей по самостоятельному, а значит и своевременному и эффективному решению вопросов местного значения. Пока же стоит признать, что итогом последних нововведений стало значительное сокращение сельского самоуправления как отдельного независимого уровня управления и как значимого субъекта муниципальной политики. Столь резкое перераспределение центра тяжести от поселений к районам, таит опасность перекоса системы, потери ею стабильного состояния и создания предпосылок для ее трансформации в нечто совершенно иное. Означает ли это, что в дальнейшем система станет попросту одноуровневой? Или что отечественное самоуправление и вовсе исчезнет, растворившись в государственной управленческой вертикали?

Наше исследование показывает, что последние нововведения лишь усугубили трудности в развитии отечественного (и в том числе сельского) самоуправления. Наибольшие опасения связаны с тем, что негативные оценки высказываются в данном случае именно представителями управленческих и бизнес элит, непосредственно вовлеченные в процесс управления социально-экономическим развитием сельских населенных пунктов.

Литература

1. Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016-2017 гг. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ [Офиц.сайт]. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2017_11283.docx (дата обращения: 30.04.2018)

2. Сводный доклад Новосибирской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов по итогам 2016 года. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Новосибирской области [Офиц.сайт]. URL: https://econom.nso.ru/sites/econom.nso.ru/wodby_files/files/imce/svodnyy_doklad_2016_607_ukazitog.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

ИВАНОВА В.В., ВАСИЛЬЕВА А.А.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ

Публикация подготовлена в рамках проекта «Комплексная оценка вариантов формирования опорной транспортной сети Азиатской части России: ресурсные и социально-экономические возможности», осуществляемого сотрудниками ИЭОПП СО РАН при поддержке «Российского фонда фундаментальных исследований» и Всероссийской общественной организацией «Русское географическое общество».

В статье представлены результаты исследования качества жизни населения дальневосточных городов с точки зрения объективного и субъективного подходов. Объективный подход основывается на анализе статистических данных, субъективный – на анализе оценок жителей дальневосточных городов условий и качества жизни. В результате исследования была выявлена связь между привлекательностью жизни и субъективными оценками условий жизни в дальневосточных городах. Также в ходе исследования были выявлены миграционные установки жителей дальневосточных городов.

Ключевые слова: дальневосточные города, условия жизни, качество жизни, привлекательность жизни, миграция, миграционные установки.

IVANOVA V.V., VASILYEVA A.A.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASSESSMENTS OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF FAR EASTERN CITIES

The article presents the results of studying the conditions and quality of life of the population of the Far Eastern cities from the point of view of objective and subjective approaches. The objective approach is based on the analysis of statistical data, subjective - on the analysis of assessments of residents of Far Eastern cities of conditions and quality of life. As a result of the research, a link was found between the attractiveness of life and subjective assessments of living conditions in the Far Eastern cities. Also, during the study, migration facilities of residents of Far Eastern cities were identified.
Keywords: Far Eastern cities, living conditions, quality of life, attractiveness of life, migration, migration facilities.

В современном российском обществе все более заметной становится дифференциация индивидов по уровню образования, обеспечению жильем, работой, заработной платой и в целом по качеству жизни. Данные факторы, так или иначе, связаны с местом проживания индивидов. Кроме исследований, касающихся дифференциации населения по уровню жизни, все более актуальными становятся работы, связанные с образами городской среды, ее восприятия самими жителями, а также исследования, качающиеся оценки качества жизни в городах с точки зрения самого населения [1, с. 38].

Проблема качества жизни активно начала рассматриваться в социологических исследованиях с середины 20 века. Причиной этому послужили вопросы общественной безопасности, состояния окружающей среды и здоровья населения. В наши дни данная проблема становится все более актуальной, в результате чего наблюдается рост бедности, безработицы, вынужденной миграции, недоступности общественных благ в сфере образования и медицины.

Не прошла стороной проблема ухудшения условий и качества жизни и дальневосточные города. Исследователями делается прогноз относительно того, что в ближайшее время на Дальнем Востоке предполагается довольно быстрое снижение численности населения в результате миграционного оттока [2, с. 70]. Именно поэтому представляется необходимым изучение условий и качества жизни населения дальневосточных городов,

выявление существующих городских проблем и их дальнейшее предотвращение.

Методологической основой измерения и определения качества жизни может выступать как субъективный, так и объективный подход. Новизна данного исследования заключается в сочетании этих подходов, то есть привлекаются данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, и используются субъективные оценки жителей городов, выбранных для анализа.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить объективные и субъективные оценки качества жизни населения дальневосточных городов.

В данном исследовании для рассмотрения объективных и субъективных оценок качества жизни населения используются три источника информации.

Во-первых, в исследование привлекаются объективные данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, в частности паспортами муниципальных образований, которые помогают описать социально-экономический контекст в выбранных для работы городах. Таким образом, для характеристики дальневосточных городов с точки зрения объективных показателей, были выбраны: индекс стоимости жизни, среднемесячная заработная плата, уровень безработицы, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, относительное сальдо миграции.

Во-вторых, для рассмотрения субъективных оценок качества жизни населения дальневосточных городов в исследовании используются данные, полученные в ходе Комплексных наблюдений условий жизни населения (КОУЖ), которые проводились в 2014 и 2016 годах на всей территории Российской Федерации Федеральной службой государственной статистики.

В-третьих, также для рассмотрения субъективных оценок качества жизни в работе используется целевой источник – интернет-опрос жителей дальневосточных городов. Решение о проведении интернет-опроса было принято в связи с тем, что на основе анализа объективных оценок качества жизни, а именно относительного сальдо миграции, было выявлено усиление

оттока населения из дальневосточных городов в 2016 году по сравнению с 2014 годом. Интернет-опрос позволил нам выявить степень «привлекательности» дальневосточных городов для жителей, миграционные установки населения дальневосточных городов, а также причины миграции из городов Дальнего Востока. Отметим, что данные результаты нам не удалось получить, используя только массивы КОУЖ 2014 и 2016 годов, поскольку в них не приводится подобная информация.

Эмпирическим объектом при анализе данных КОУЖ является взрослое население (15 лет и старше) дальневосточных городов, а именно жители таких десяти городов как: Благовещенск, Биробиджан, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Владивосток, Якутск, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Анадырь. Объем выборки в 2014 году составил 1827 человек, а в 2016 году – 1967 человек.

Эмпирическим объектом при проведении интернет-опроса стали жители дальневосточных городов в возрасте от 16 до 34 лет. Данная возрастная группа для эмпирического объекта была выбрана не случайно. Этот выбор объясняется тем, что на основе анализа объективных показателей, а именно миграции (числа выбывших) из совокупности рассматриваемых нами дальневосточных городов, было выявлено, что в 2016 году доля уехавших в возрасте от 16 до 34 лет составила 52,4 % от общего числа выбывших из совокупности десяти городов Дальнего Востока. Таким образом, большая доля уехавших представляет собой такую группу как молодежь в возрасте 16-34 лет, что и послужило причиной выбора такого эмпирического объекта. Объем выборки составил 298 человек.

Одной из задач исследования является определение городских проблем, которые влияют на «привлекательность» жизни в дальневосточных городах с точки зрения самих жителей. Для решения данной задачи используется метод регрессионного анализа, а именно логистическая регрессия, которая проводилась на данных КОУЖ 2014 и 2016 года.

В качестве зависимой переменной была выбрана переменная – *«Мнение о проживании в населенном пункте»*, то есть респондентам задавался вопрос: *«Можете ли Вы сказать, что Вам нравится жить в Вашем населенном пункте»*, на который

можно было ответить *«Да» - нравится, «Нет» - не нравится*, затрудняюсь ответить. На этапе подготовки проведения регрессионного анализа данная переменная – *«Мнение о проживании в населенном пункте»* была перекодирована в дихотомическую – *«Мнение о том, нравится ли жителям жить в городе»,* где значение 1 = да (нравится), 2 = 0 (не нравится). В качестве независимых переменных (предикторов) были выбраны 23 переменные, отражающих субъективные оценки качества жизни.

Таким образом, в результате проведения метода логистической регрессии получили, что на данных 2014 года переменные, включенные в уравнение в качестве детерминант, объясняют 39 % дисперсии того, что людям нравится жить в городе. Полученная регрессионная модель верно предсказала проверяемое событие для 78,6% случаев. Построив модель на данных 2016 года, получили, что переменные, включенные в уравнение в качестве детерминант, объясняют 34,5 % дисперсии того, что людям нравится жить в городе. Полученная регрессионная модель, верно предсказала проверяемое событие для 81,9 % случаев.

После построения логистической регрессии выбирались те предикторы, статистический уровень значимости которых был меньше 0,05, что говорит о том, что данные предикторы оказывают влияние на независимую переменную. Таким образом, нами было выявлено, что для населения дальневосточных городов в 2014 году наиболее острыми проблемами, которые оказывают влияние на мнение относительно «привлекательности» места жительства, являются:

1. Неблагоустроенность, недостаточность озеленения в населенном пункте;
2. Большая отдаленность мест проведения отдыха и досуга в населенном пункте;
3. Высокий уровень преступности;
4. Большая отдаленность объектов для занятий физкультурой и спортом в населенном пункте;
5. Большая отдаленность аптек в населенном пункте;
6. Неудовлетворенность профессией.

Таким образом, по мере увеличения значений предикторов, а, следовательно, по мере усиления данных проблем в городах снижается вероятность того, что респондентам будет нравиться жить в городе.

В 2016 году произошел ряд изменений в структуре городских проблем, влияющих на привлекательность жизни в городах. К таким проблемам в 2016 году относятся:

1. Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания в населенном пункте;
2. Неблагоустроенность, недостаточность озеленения в населенном пункте;
3. Неудовлетворенность условиями торгового обслуживания вблизи дома;
4. Неудовлетворенность условиями бытового обслуживания вблизи дома;
5. Высокий уровень преступности

Мы видим, что такие две городские проблемы, как неблагоустроенность, недостаточность озеленения в населенном пункте и высокий уровень преступности, влияющие на привлекательность жизни в 2014 году, сохранили свое влияние и в 2016 году, но имеют не такие высокие позиции по значимости. Также стоит отметить некоторые изменения в структуре проблем. Если в 2014 году проблемы, связанные с развлечением, досугом, спортивными мероприятиями влияли на «привлекательность» жизни в городах, то есть люди серьезно задумывались над этими проблемами. То в 2016 году мы видим уже другой спектр проблем: медицина, неблагоустроенность, покупка товаров и услуг, преступность – то есть население, в большей степени, озабочено проблемами, связанными с удовлетворением своих базовых потребностей.

Однако необходимо отметить, что результаты, полученные в ходе построения логистической регрессии, характерны для всей совокупности десяти дальневосточных городов и распространяются только на их совокупность. Если говорить про каждый город в отдельности, то конечно, необходимо отметить, что проблемы в каждом городе индивидуальные, отличные от проблем в других городах. Каждый город по-своему уникален, и поэтому говорить о том, что данные полученные на выборке из

десяти городов будут репрезентативны для каждого города в отдельности, скорее не представляется возможным.

Далее перейдем к анализу результатов интернет-опроса жителей дальневосточных городов.

Для того чтобы определить степень «привлекательности» дальневосточных городов для жизни респондентам вначале задавались вопросы: *«Скажите, пожалуйста, нравится ли Вам жить в Вашем городе?»* и *«Довольны ли Вы условиями жизни в Вашем городе?».*

Прежде всего, рассмотрим частотные распределения ответов на данные вопросы. Итак, 7,8 % от опрошенных жителей дальневосточных городов отвечают, что им нравится жить в их городе; 63,9 % опрошенным скорее нравится жить в городе. Таким образом, 71,8 % от опрошенных жителей дальневосточных городов отвечают, что им нравится жить в их городе, то есть большая часть респондентов (71,8 %) удовлетворена проживанием в своем городе.

С другой стороны, проанализировав частотные распределения ответов на вопрос *«Довольны ли Вы условиями жизни в Вашем городе?»,* видим совершенно противоположную картину. Довольны условиями жизни в городе только 29,9 % опрошенных, то есть только треть (5,1 % довольны и 24,8 % скорее довольны). В то время как 70,1 % опрошенного населения условиями жизни недовольны, из которых 54,8 % - скорее недовольны и 15,3 % - определенно недовольны условиями жизни в городе.

Итак, видим, что субъективная оценка того, нравится ли респондентам жить в городах, и субъективная оценка удовлетворенности условиями жизни в городах не совпадает.

Таким образом, исходя из того, что субъективная оценка того, нравится ли населению проживать в городах, и оценка удовлетворенности условиями жизни в городах не совпадает, далее нами смотрится то, как население воспринимает городскую среду, в которой проживает. Для этого строится количественный интегральный показатель – *индекс восприятия городской среды,* на основе которого может оцениваться восприятие.

Итак, респондентам задавался вопрос: *«Как бы Вы охарактеризовали свой город»* по следующим четырнадцати параметрам: красивый / некрасивый; чистый / грязный; веселый /

скучный; интересный / неинтересный; «свой» / «чужой»; добрый / жестокий; хороший / плохой; комфортный / некомфортный; безопасный / опасный; уютный / неуютный; богатый / бедный; приятный / неприятный; «дорогой» / «дешевый»; престижный / непрестижный.

Таким образом, варианты ответов по каждому из четырнадцати критериев представляют собой порядковую шкалу от 1 до 5, где 1 – это очень хорошая оценка городского пространства, 4 – это хорошая оценка городского пространства, 3 – это средняя оценка городского пространства, 4 – плохая оценка и 5 – это, соответственно, очень плохая оценка городского пространства.

Принцип построения индекса осуществлялся с помощью шкалы суммарных оценок Лайкерта. Итак, первой кодовой позиции по каждому из индикаторов присваивается 1 балл, второй позиции по каждому из индикаторов присваивается 2 балла, третьей позиции – 3 балла, четвертой позиции – 4 балла и 5 позиции, соответственно, присваивается 5 баллов. Затем осуществляется суммирование данных баллов по каждому из четырнадцати параметров и по каждому респонденту, то есть каждый из респондентов получил свой личный балл или индекс восприятия городского пространства.

Таким образом, теоретически *индекс восприятия городской среды* может принимать значения от 14 до 70 баллов. Но так как в нашем случае самое высокое значение сумы всех баллов равно 58, а, следовательно, среднее значение всех сумм баллов равно 39,1, то было принято решение сделать следующие границы групп населения по восприятию городской среды:

1 группа (позитивно воспринимающие городскую среду): 14 – 37 баллов; 2 группа (нейтрально воспринимающие городскую среду): 38 – 41 балл; 3 группа (негативно воспринимающие городскую среду): 42 – 58 баллов.

Таким образом, 28,9 % от опрошенного населения позитивно воспринимают свой город; 38,9 % опрошенных характеризуются нейтральным восприятием города и 32,2 % опрошенных характеризуются негативным восприятием города (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение индекса оценки восприятия городской среды жителями дальневосточных городов

Распределение индекса оценки восприятия городской среды	**Количество респондентов в группе (чел.)**	**Доля от общего количества респондентов (в %)**
Позитивное восприятие (14 – 37 баллов)	86	28,9
Нейтральное восприятие (38 – 41 балл)	116	38,9
Негативное восприятие (42 – 58 баллов)	96	32,2
Всего	298	100,0

Далее, для того чтобы определить миграционные установки жителей дальневосточных городов респондентам вначале задавались вопросы: *«Задумывались ли Вы когда-нибудь над тем, чтобы переехать жить в другой город (населенный пункт) / регион / страну?»* и *«Планируете ли Вы переехать в другой город (населенный пункт) / регион / страну?»*.

Прежде всего, рассмотрим частотные распределения ответов на данные вопросы. Итак, 92,6 % от опрошенного населения задумывались над тем, чтобы уехать из дальневосточных городов. При этом 7,6 % опрошенных точно планируют переехать, а 52,7 % - скорее планируют, таким образом, 64,5 % опрошенных планируют переезжать из дальневосточных городов.

Далее для нас было интересным рассмотреть связь миграционных установок жителей дальневосточных городов с «привлекательность» жизни в них. Нами были получены интересные результаты, представленные в таблице 2. Мы определили, что большинству тех, кто планирует переехать из дальневосточных городов, нравится жить в этих городах (67,2 %). Также большая часть тех, кто переезжать не планирует, говорят о том, что им нравится жить в своих городах (75 %).

Таблица 2

Распределение жителей дальневосточных городов в группах по миграционным установкам в зависимости от того, нравится ли им жить в городах (в %)

Миграционные установки	**«Привлекательность» жизни в городах**		**Удовлетворенность условиям жизни в городе**	
	Нравится жить в городе	**Не нравится жить в городе**	**Удовлетворены**	**Не удовлетворены**
Планируют переехать	67,2	32,8	19,2	80,8
Не планируют переехать	75,0	25,0	36,5	63,5

Кроме того, имеется статистически значимая связь между миграционными установками (планами на переезд) и удовлетворенностью жизнью в дальневосточных городах. Мы выявили, что 80,8 % тех, кто планирует переехать, говорят о том, что они не удовлетворены условиями жизни в городах. Также интересным показался тот факт, что те, кто переезжать не планируют, также в своем большинстве говорят о том, что они не удовлетворены условиями жизни в городах.

И далее, для того чтобы определить причины планируемой миграции жителей дальневосточных городов, им предлагалось ответить на вопрос: *«Почему Вы планируете переехать?»* (Таблица 3). Таким образом, мы определили, что самой популярной причиной планируемой миграции является *«Отсутствие серьезных карьерных перспектив для роста внутри дальневосточных компаний и подразделений»*, данную причину отметили 63,5 % тех, кто планирует переехать. Далее по популярности среди причин переезда оказалась *«Низкая транспортная доступность (малая разветвленность маршрутной сети как внутри региона, так и за его пределами; недостаточная частота рейсов; высокая стоимость билетов)»,* данную причину выбрали 55,1 % тех, кто планирует переехать. Затем по частоте выбора оказалась такая причина, как *«Недостаток возможностей для отдыха и развлечений»,*

данную причину отметили 52,8 % тех, кто планирует переехать. Также часто респонденты отмечали такую причину, как *«Недостаток рабочих мест из-за малого числа современных предприятий»,* данную причину отметили 51,1 % тех, кто планирует переехать. Также одной из причин планируемой миграции оказались *«Высокие цены на большинство товаров и услуг»,* данная причина была выбрана 50,6 % среди тех, кто планирует переезд из дальневосточных городов.

Таблица 3

Причины планируемой миграции жителей дальневосточных городов

Причины планируемой миграции	**Количество респондентов, выбравших причину миграции (чел.)**	**Доля респондентов, выбравших причину миграции (в % от числа планирующих переехать)**
1. Отсутствие серьезных карьерных перспектив для роста внутри дальневосточных компаний	113	63,5
2. Низкая транспортная доступность	98	55,1
3. Мало возможностей для отдыха и развлечений	94	52,8
4. Недостаток рабочих мест из-за малого числа современных предприятий	91	51,1
5. Высокие цены на большинство товаров и услуг	90	50,6
6. Жизнь на Дальнем Востоке представляется бесперспективной, не престижной и тоскливой	79	44,4
7. Низкая заработная плата в сочетании с высоким уровнем цен	54	30,3

Продолжение таблицы 3

Причины планируемой миграции	**Количество респондентов, выбравших причину миграции (чел.)**	**Доля респондентов, выбравших причину миграции (в % от числа планирующих переехать)**
8. Недостаток качественных продуктов питания, в том числе ввоз продуктов питания низкого качества из Китая	32	18,0
9. Высокие цены на жилье, невыгодные условия ипотек	32	18,0
10. Сильная отдаленность и изолированность региона от центральной России	26	14,6
11. Относительно низкое качество здравоохранения	22	12,4
12. Относительно низкое качество высшего образования	21	11,8
13. Высокая стоимость коммунальных услуг	15	8,4
14. Суровые природно-климатические условия	14	7,9
15. Высокая степень загрязненности окружающей среды	9	5,1
16. Соседство с Китаем и китайская миграция на Дальний Восток	3	1,7
Всего планирующих переехать	178	100

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в информационном обеспечении подготовки и принятия стратегических и тактических управленческих решений в сфере улучшения условий и качества жизни в дальневосточных городах, создания комфортной городской среды.

Литература

1. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации / Л. А. Беляева // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33-42.

2. Виценец Т. Н. Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке / Виценец Т. Н., Бережнова Е. И. // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2. С. 69-75.

КАЗАНЦЕВА Л.К., ТАГАЕВА Т.О.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ И РЕГИОНАХ

В статье показано, что ухудшение показателей общественного здоровья в России во многом обусловлено недофинансированием сферы здравоохранения и отсутствием концепции собственной социальной политики здравоохранения.

Ключевые слова: общественное здоровье, продолжительность жизни, демографическая политика, государственное финансирование здравоохранения, политика оптимизации.

KAZANTSEVA L.K., TAGAEVA T. O.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russia

THE PUBLIC HEALTH AND PROBLEMS OF HEALTH SERVICE IN RUSSIA AND REGIONS

The article shows that the deterioration of public health indicators in Russia is largely due to insufficient financing of the health sector and the lack of government concept of social health policy.

Key words: public health, life expectancy, demographic policy, public financing of health service, policy of optimization.

В России на протяжении многих десятилетий наблюдаются негативные явления в состоянии общественного здоровья: высокие показатели младенческой смертности; быстрые темпы прироста социальных заболеваний, низкая средняя продолжительность жизни, высокий разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, «сверхсмертность» мужчин в трудоспособном возрасте, значительный ежегодный прирост заболеваемости.

Мировая статистика здравоохранения обращает внимание на существенный рост продолжительности жизни в странах мира,

но, к сожалению, не в России. В России ожидаемая продолжительность жизни за 1990–2016 гг. выросла на 2,7 лет – это самый низкий показатель среди развитых стран, где средний показатель роста за этот же период, по данным Всемирной организации здравоохранения, составил более 5 лет. По рейтингу американского Института изучения и оценки здоровья (ИИОЗ США) по показателю средней продолжительности жизни Россия занимает 108 место между Ираком и Северной Кореей [1]. В последние годы наблюдается замедление темпов роста данного показателя. Если среднегодовой темп роста ожидаемой продолжительности жизни с 2004 по 2010 гг. всего населения составил 0,9% (мужчин – 1,1%, женщин – 0,6%), то с 2010 по 2016 гг. – 0,7% (0,9% и 0,4% соответственно). Показатель ожидаемой продолжительности жизни дифференцирован по регионам. В РФ есть регионы, где он почти как в Западной Европе (77–80 лет) – это Ингушетия с показателем для мужчин 76,5 лет, Дагестан – 73,2, Москва – 73 года. Но в Тыве ожидаемая продолжительность жизни для мужчин составляет 58 лет, в Еврейской АО и на Чукотке – меньше 60 лет, эти показатели соотносимы с уровнем беднейших стран Центральной Африки.

Выводы по поводу увеличения продолжительности жизни в современной России были бы более оптимистичны, если бы увеличение средней продолжительности жизни сопровождалось выраженным увеличением продолжительности здоровой жизни и смещением границы старости. Но в России эти процессы идут гораздо медленнее, чем в других странах.

Предложенный демографами У. Сандерсоном (США) и С. Щербовым (Россия) подход определения границы старости принимает за такую границу возраст, по достижении которого людям остается прожить в среднем 15 лет и менее [2]. По этому критерию в России старость у мужчин наступает в 62 года, т.е. на 8–9 лет раньше, чем в развитых странах и даже в странах Восточной Европы. Старость женщин в России наступает в 69, и отставание от других стран не так велико – от трех до семи лет. При этом в РФ картина различается еще и по регионам: в Москве порог старости у женщин – более 71 года, а у мужчин приближается к 70, а, например, на Чукотке – в 63 и 58 лет [3].

Похожие оценки продолжительности здоровой жизни сделаны ИИОЗ США на данных ВОЗ о смертности и заболеваемости для 188 стран мира: средняя продолжительность здоровой жизни (годы, проведённые без болезней) с 1999 по 2013 гг. в РФ составила 58,9 лет для мужчин и 66,6 для женщин: Россия расположилась на 107 месте между Гондурасом и Тонга [1].

Рост ожидаемой продолжительности жизни обусловлен динамикой смертности населения. Коэффициент смертности в РФ с 2005 по 2013 гг. уменьшился: с 16,1 умершего на 1000 человек населения до 13,0, что привело к увеличению ожидаемой продолжительности жизни в эти же годы с 65,3 до 70,8 лет. Но в 2014 и 2015 гг. смертность в целом по России выросла и вернулась к предыдущему показателю – 13,1. Во многих регионах динамика смертности в 2015 г. оставалась еще более неблагоприятной: в Южном ФО – 13,6 (в Республике Крым – 15,3), в Северо-Западном ФО – 13,4 (в Карелии – 15,3, в Новгородской обл. – 17,5 , в Псковской – 18,2), в Центральном ФО – 13,5 (в Тульской обл. – 17,1, в Тверской – 17,7), в Приволжском ФО – 13,9 (в Кировской обл. – 15,1, в Нижегородской – 15,5), в Курганской обл. – 16,1, в Еврейской АО – 15,4 [4].

В 2016 г. коэффициент смертности в РФ для всего населения опять снизился до 12,9, однако последняя динамика говорит о нестабильности показателя, он все еще существенно выше уровня смертности, достигнутого сегодня в странах ЕС (в 1,4 раза) и в прошлые годы в самой России (8,3 в начале 1960-х гг., 10,4 в 1986 г.) [5].

В РФ высока смертность населения в трудоспособном возрасте, особенно мужчин. Если коэффициент смертности для мужчин возраста 40-44 лет в 1990 г. был равен 7,7 умерших на 1000 чел. этого возраста, то в 2014 г. – 8,7 чел. (для женщин 2,4 и 2,9) [6, 7]. За 2016 г. показатель немного снизился – до 8,3, но вероятность умереть в возрасте 15–60 лет в России почти в два раза выше, чем в среднем по Европе: 255 против 146 (по данным 2009 г.) на 1000 чел. населения [7]. В наши дни 20-летний россиянин с вероятностью примерно 67% доживет до 60. В Польше смертность мужчин, которая тоже росла в 1970–1980 гг.,

сокращается уже лет двадцать, и сейчас шансы у молодых мужчин дожить до 60 лет больше 80%. В США они выше 83% уже четверть века [8].

Часто как индикатор уровня здоровья используют показатель младенческой смертности, в России он остается высоким, хотя устойчиво сокращается: в 2012 г. он составлял 8,6 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся, в 2016 г. – 6,9. В мировом рейтинге из 225 стран Россия по данному показателю на 161 месте (между Кувейтом – 7,1 и Чили – 6,7) [9].

В 2016 г. достигнуты исторические минимумы в показателях материнской, младенческой и детской смертности. Так, материнская смертность снизилась с 47,4 на 100 тыс. родившихся в 1990 г. до 8,3 в 2016 г. [10, с. 10]. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее количество детей на одну женщину в репродуктивном возрасте) за период 2005–2015 гг. в РФ вырос с 1,29 до 1,78, однако так и не достиг уровня 1990 г. (1,89), за 2016 год он опять упал до 1,76. Данные Росстата за 2017 г. зафиксировали самое глубокое падение рождаемости за последние три года (с 12,9 родившихся на 1000 человек населения в 2016 г. до 11,5 в 2017 г.). Показатель рождаемости вернулся к уровню 2007 г. Именно поэтому, несмотря на снижение смертности в стране, по итогам 2017 г. зафиксирована естественная убыль населения [11].

О состоянии здоровья российского населения можно судить по динамике показателей первичной заболеваемости (число впервые выявленных случаев заболеваний с 1990 по 2016 гг. увеличилось с 96,3 до 115,2 млн. случаев [12, 13] и общей заболеваемости населения (рост со 107 до 237 млн. заболеваний за этот же период). Обращает на себя внимание тот факт, что темп прироста общей заболеваемости превышает темп прироста первичной заболеваемости, что свидетельствует об устойчивой тенденции перехода болезней в хроническую форму. По данным опроса населения, 11,46% респондентов в возрасте 15 лет и старше имеют хронические заболевания. Средняя продолжительность жизни лиц, страдающих тяжелыми хроническими заболеваниями, очень мала и составляет в России 12 лет (в странах ЕС – 18–20 лет [14].

Особое беспокойство вызывает здоровье детей. По данным эпидемиологических исследований здоровья школьников, до 20% детей в шестилетнем возрасте не готовы к школьному обучению и до половины их функционально незрелы. Они чаще болеют и имеют нервно-психические отклонения. У 12–15% первоклассников нарушена речь. Задержка психического развития и умственная отсталость у 7-9 летних детей отмечается в городах в 5–6% случаев и вдвое чаще в сельской местности. Доля здоровых детей школьного возраста не превышает 20%, 40–45% школьников имеют хронические заболевания. По оценкам матерей, здоровы до 85% детей из обеспеченных семей и не более 25% из малообеспеченных. С каждым годом все большее значение приобретает детская инвалидность [15].

Недофинансирование системы здравоохранения. Главной нерешенной проблемой здравоохранения является недофинансирование отрасли. По оценкам медицинских экспертов для достижения удовлетворительных показателей здоровья объем государственного финансирования здравоохранения должен составлять не менее 6,6% ВВП, что составит 75–80% от общих расходов (государственных и частных) на медицинские цели. В настоящее время расходы государства на медицину составляют 3,7% ВВП, таким образом, в относительных показателях (доле ВВП) государственные расходы на здравоохранение в РФ более чем в 2 раза меньше, чем в развитых европейских странах (рис. 1).

Рис. 1. Расходы на здравоохранение в 2015 г., % от ВВП
Источник: составлено по [16, 17, 18]

В структуре социальных расходов российское здравоохранение на протяжении многих десятилетий, ещё со времён СССР, имеет тенденцию понижения финансирования. По данным Минздравмедпрома РФ, максимальными доли государственных затрат на здравоохранение в ВВП были в СССР в 1960 г. – 6,6% ВВП, в 1970 – 6,1%, в 1980 – 5,0%, в 1991 – 2,6%, в 1994 – 2,4%. Снижение в 1990-е гг. объясняется кризисом переходного периода. Но начало прошлого десятилетия сопровождалось экономическим ростом в стране, однако это слабо отразилось на финансировании здравоохранения: в 2004 г. государственные расходы составили 2,2% ВВП, в сопоставимых ценах снизились до 75% уровня 1991 г. Лишь с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье» с середины 2000-х гг. государственные расходы на здравоохранение начинают существенно увеличиваться как в относительном (4,2 % ВВП в 2007 г.), так и в стоимостном выражении (рис. 2), однако, после 2009 г. снова сокращаются из-за кризисной ситуации в российской экономике, повлекшей за собой дефицит государственного бюджета.

Рис. 2. Динамика государственных расходов на здравоохранение в России, % в ВВП

Источник: [12, 13, 19, 20]

На рис. 3 представлены объемы государственных расходов на здравоохранение на душу населения в долларах США (по

ППС): в 2016 г. в России на одного человека из государственных источников тратилось 917,2 $, что в 5–6 раз меньше, чем в среднем в развитых странах, и в 2–3 раза меньше, чем «новых» странах ЕС (бывшие социалистические страны и страны СНГ). Отметим, в Советском Союзе в 1960–1970 гг. государственные расходы на здравоохранение на душу населения были примерно на уровне США и развитых стран Европы в те годы.

Рис. 3. Подушевые расходы на здравоохранение в 2016 г. (в долларах США по ППС)

Источник: составлено по [17, 21]

О необходимости роста государственных расходов на здравоохранения в целях улучшения состояния общественного здоровья говорят результаты корреляционного анализа. Была обнаружена обратная зависимость коэффициента смертности от подушевого государственного финансирования здравоохранения на примере 80 российских регионов (рис. 4).

Рис. 4. Коэффициенты смертности по регионам России (случаев на 1000 чел. населения) и государственные подушевые расходы на здравоохранение (тыс. руб. на чел.) в 2015 г.
Источник: рассчитано по [4, 22]

В процессе анализа были исключены Республика Дагестан и Республика Ингушетия, в которых низкая смертность объясняется другими факторами (в основном, генетическими и климатическими), а также Чеченская республика и регионы Крымского ФО, в которых отсутствует достоверная информация. Региональные государственные расходы на здравоохранение на душу населения были пересчитаны в сопоставимые цены с использованием индексов стоимости жизни, разработанных в [22].

Проблема недофинансирования здравоохранения продолжает обостряться. В 2014–2015 гг. правительство утвердило комплекс мероприятий, названных «оптимизацией» системы

здравоохранения, цель которых изначально заключалась в повышении доступности и качества медицинской помощи: снижение количества врачей (за счет роста врачебной нагрузки) и медицинских учреждений путем их укрупнения, рост заработной платы медицинских работников, увеличение оснащенности поликлиник и больниц высокотехнологичным оборудованием. Одним из аргументов в пользу оптимизации было утверждение, что в России избыток медицинского персонала, хотя во многих развитых странах (Германия, Австрия, Швеция, Швейцария и др.) на 1000 чел. приходится большее количество врачей и медсестер.

В 2015 г. Счетная палата подвела итоги оптимизации в сфере здравоохранения [23]. В результате реализации первого направления произошло значительное сокращение медперсонала, за год медработников стало на 90 тысяч меньше при сохранении высокого уровня совместительства – около 140%. Сокращение медработников в регионах проводилось без предварительного учета возможных последствий и не соответствовало фактической ситуации и сложившейся потребности в медицинских услугах. Активно сокращался коечный фонд и медперсонал, прежде всего, в сельских больницах, где медицинское обслуживание переводилось на уровень межрайонных и областных больниц, в результате значительно уменьшилось число сельских жителей, которым была оказана медицинская помощь.

В результате такой «оптимизации» снизилась доступность бесплатного медицинского образования, о чем говорят наличие очередей и плохая организация приема пациентов. По данным Росстата, среднее число дней ожидания госпитализации в 2014 г., по сравнению с 2011 г., увеличилось более чем в 2 раза, выросло число людей, обратившихся за медицинской помощью, но по различным причинам не получивших ее. На фоне роста численности населения число посещений к врачам в 2014 г. сократилось по сравнению с 2013 г. на 7,7 миллиона, при этом одновременно почти на 22% увеличилось число отказов в вызове скорой помощи. Рост внутрибольничной летальности в 2014 г. был отмечен в 61 регионе. При этом в 49 регионах рост числа

умерших происходил на фоне снижения числа госпитализированных больных [23].

Справедливости ради стоит сказать, что модернизация действительно вывела материально-техническую базу отечественной медицины на новый уровень. Улучшилось техническое оснащение лечебно-профилактических организаций. Очень многие врачи получили новые возможности, которые прежде ограничивались устаревшим оборудованием. Но сказать, что средства были потрачены только на то, что было нужно и полезно, к сожалению, нельзя. Известны случаи простаивания и морального устаревания нового медицинского оборудования из-за отсутствия квалифицированных кадров, умеющих применять новые технологии обследования и лечения на практике. Перед президентскими выборами 2018 г. началось выполнение так называемых «майских указов»: были повышены зарплаты медицинским работникам.

В ноябре 2015 г. в связи негативным влиянием оптимизации здравоохранения на качество и доступность медицинской помощи под давлением известных врачей и общественности некоторые депутаты внесли в Госдуму законопроект о введении моратория на ликвидацию государственных и муниципальных медучреждений, а также на увольнение их работников. Также во время пресс-конференции 14 декабря 2017 г. Президент РФ В. Путин признал, что к «оптимизации» нужно подходить с осторожностью, и дал поручение правительству обеспечить все малые населенные пункты как минимум ФАПами. Однако законопроект был отклонен в первом чтении при рассмотрении в Думе 17 января 2018 г. Таким образом, «оптимизация» как процесс разрушения системы здравоохранения будет продолжаться. В частности, по состоянию на 1 июля 2017 г. расходы федерального бюджета на здравоохранение были утверждены на 18% меньше, чем было утверждено на 2016 г. на ту же дату. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ утверждены на 38% меньше предыдущего года, а расходы на здравоохранение из внебюджетных фондов утверждены больше прошлогоднего уровня лишь на 3% [24].

По существу, программа «оптимизации» здравоохранения является продолжением политики перехода от так называемой

«бюджетной» модели финансирования медицины (суть которой – прямое финансирование из бюджета расходов на содержание единой общенациональной сети лечебно-профилактических учреждений) к «страховой» модели, которая начала внедряться еще в начале 1990-х гг. Эта модель предусматривает оплату через страховых посредников (фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС) и частные страховые компании) каждого обращения за медицинской помощью в лечебно-профилактические учреждения. Теперь около 35% расходов на здравоохранение тратится на содержание региональных отделений ФОМС, еще 10% забирают страховые компании [25], то есть почти половина бюджета здравоохранения уходит на содержание чиновников, которые имеют весьма отдаленное отношение к практической медицине. Отметим, что многие из развитых стран с высокими показателями качества здоровья (Швеция, Великобритания, Канада и др.) имеют эффективную и развитую медицину и применяют «бюджетную» модель финансирования.

Ограничение доступности бесплатного медицинского образования привело к выдавливаю пациента из государственного здравоохранения в сторону частной медицины. Часто платные услуги навязываются в том случае, когда они должны оказываться бесплатно, в итоге только за 2014 г. стоимость платных услуг перевалила за 450 млрд. руб. [26]. Замещение бесплатной медицинской помощи платной прежде всего ударяет по малообеспеченным слоям населения, проблема усугубляется также ограничением доступа к недорогим и эффективным лекарствам, инфляционными процессами, приводящими к росту цен на лекарства и платные медицинские услуги (индекс цен на медицинские услуги в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом составил 107,8% при общей инфляции 105,4%), падением реальных доходов населения (реальные располагаемые доходы населения в 2013–2016 гг. сократились на 13%) [19, 20].

Несмотря на перекладывание нагрузки по финансированию медицинских услуг с государственного уровня на население, частные расходы на здравоохранение в России также низки по сравнению с развитыми странами, они составляли в 2016 г. 842,8

$ по ППС на душу населения, во Франции – 1000,1 $, в Германии – 1277,1 $, в США – 5148,6 $ (см. рис. 3). Расходы населения на медицинские услуги отнимают значительную часть семейных доходов – 10–30%, стабильную на протяжении последних лет. Исследователи утверждают, что для большинства россиян дальнейший рост доли затрат на медицинские нужды невозможен, в этом случае снижаются затраты на другие жизнеобеспечивающие статьи семейного бюджета (как правило, на качественные продукты питания), что приводит к еще большему ухудшению здоровья.

Таким образом, недостаточное государственное и частное финансирование здравоохранения приводит к низким общим затратам в данной сфере. Доля общих затрат в России на здравоохранение составила 7,1% ВВП (см. рис. 1), что в 2,4 раза меньше этой доли в США (17,1% ВВП), в 1,6 раза меньше, чем в развитых странах Европы (во Франции – 11,5% ВВП) и в 1,2 раза меньше, чем в странах Восточной Европы и Балтии.

Общие затраты на здравоохранение на душу населения в РФ составляют 1760 $ США по ППС, это в 1,4 раза меньше, чем в Чехии, в 1,2 раза меньше, чем в Словакии и Венгрии. Показатели развитых стран для России просто недостижимы: в США – 9892,3 $, в Швейцарии – 7919 $, в Норвегии – 6647 $, в Германии – 5550,6 $, во Франции – 4600,4 $ (см. рис. 3).

Между затратами на здравоохранение и уровнем социально-экономического развития государства просматривается чёткая связь: чем выше уровень экономического развития стран, тем системы здравоохранения в их структуре социальных расходов становятся всё более затратными. Так, в странах ОЭСР рост затрат на здравоохранение происходит темпами, опережающими экономический рост, что обусловлено рядом факторов: растущим уровнем индустриализации и техногенности среды, что порождает новые риски для окружающей среды и здоровья населения и повышает уровень патологических явлений и хронических заболеваний, а также ростом продолжительности жизни и старением населения.

Несмотря на принятие ряда документов и программ в области здравоохранения, мы наблюдаем в России слабую систему здравоохранения, не способную справляться со многими видами

сложных заболеваний, отстающую по эффективности от медицины в развитых странах. Для ликвидации этого отставания необходима научно обоснованная стратегия развития здравоохранения, которая определит приоритетные направления расходования средств, а также установит механизмы, объемы и источники финансирования системы здравоохранения, позволяющие эффективно расходовать выделенные средства [27].

Литература

1. Сысоев Б.А. Россия заняла 107 место по продолжительности здоровой жизни среди 188 стран мира – http://infonarod.ru/info/prodolzhitelnosti-zdorovoy-zhizni-sredi-188-stran-mira (дата обр. 09.04.2018).

2. Sanderson W. C., Scherbov S. Faster Increases in Human Life Expectancy Could Lead to Slower Population Aging // PLoS One. – 15.04.2015. – С. 6. – http://doi.org/10.1371/journal.pone.0121922 (дата обр. 09.04.2018).

3. Вишневский А. Доклад на конференции «Общество для всех возрастов». – https://www.pencioner.ru/news/ekspertiza/anatoliy -vishnevskiy-raskryvaet-tayny-demograficheskikh-piramid/ (дата обр. 09.04.2018).

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

5. Доклад ООН о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. «Устойчивое развитие: вызовы Рио» / Под общей редакцией С.Н. Бобылева. – М: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.

6. Российский статистический ежегодник. – 2015.: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с.

7. Юмагузин В.В. Тенденции смертности от внешних причин смерти в России в 1990–2010 гг. // Russian Journal of Earth Sciences. – 2012. – № 10. – С. 23–43.

8. Петрова Н. Смертность – норма жизни. Почему россияне мало живут // Коммерсант. – 16.05.2015. – https:// www.kommersant.ru/doc/2678981 (дата обр. 04.12.2017).

9. Младенческая смертность в странах за 2016 год. – http://total-rating.ru/1890-mladencheskaya-smertnost-v-stranah-za-2016-god.html (дата обр. 09.04.2018)

10. Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2016 году и задачах на 2017 год. Доклад Министерства здравоохранения РФ. – М., 2017. – 89 с. – https://static1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/034/410/original/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_2016.pdf?1493043486 (дата обр. 03.05.2018).

11. Николаева Д. Рождаемость в России снизилась на 10,6% //Коммерсант.ru. – 29.01.2018. – https://www.kommersant.ru/doc/3533857 (дата обр. 10.04.2018).

12. Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. /Росстат. – М., 2015. – 174 с.

13. Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. /Росстат. – М., 2017. – 170 с.

14. Доклад о человеческом развитии в России за 2014 год // Под редакцией Л. М. Григорьева, С. Н. Бобылева. – М., 2015. – http://nauka.x-pdf.ru/17energetika/128327-2-doklad-chelovecheskom-razvitii-rossiyskoy-federacii-201-doklad-chelovecheskom-razvitii-rossiyskoy-federacii-doklad-chel.php (дата обр. 09.04.2018).

15. Венедиктов Д.Д., Иванова А.Е., Максимов Б.П. О глобальной стратегии ВОЗ по достижению здоровья для всех в XXI веке // Главный врач. – 2016. – № 5. – С. 53–61.

16. Health at a Glance 2017: OECD Indicators. – Paris: OECD Publishing, 2017. – Pp. 217.

17. Статистика Мирового банка. – http://www.worldbank.org (дата обр. 08.05.2018).

18. How’s Life? 2017: Measuring Well-being. OECD Report. – Paris: OECD Publishing, 2017. – Pp. 462.

19. Российский статистический ежегодник. – 2014.: Стат.сб. / Росстат. - М., 2014. – 693 с.

20. Российский статистический ежегодник. – 2017.: Стат.сб. / Росстат. - М., 2017. – 686 с.

21. OECD Health Statistics 2017. – http://www.oecd.org/els/health-systems/health-data.htm (дата обр. 20.04.2018).

22. Глущенко К.П., Карандашова М.А. Уровни цен в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2. – С. 76–103.

23. Фадеичев С., Бобылев С., Павлова С., Машатин В. Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания // Счетная палата Российской Федерации. – 2015. –http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297 (дата обр.1.04.2018).

24. Башкарова А. Бюджетная поддержка медицины стремительно сокращается // Независимая газета. – 30.08.2017. –http://www.ng.ru/economics/2017-08-30/1_7063_medicina.html (дата обр. 31.01.2018)

25. Завьялов Ю. За доступную и бесплатную медицину // Домовой совет. – 2016 г. – № 6. – С. 5.

26. Балтачева М. За летальную оптимизацию здравоохранения расплачиваются граждане // Взгляд. – 06.09.15. – http://www.vz.ru/politics/2015/9/6/765324.html (дата обр. 6.04. 2018).

27. Улумбекова Г.Э. Взаимосвязь финансирования здравоохранения и показателей здоровья населения для РФ. Уроки и рекомендации для России // Экономика здравоохранения. – 2010. – № 3. – С. 30–34.

КАЛАШНИКОВА К. Н.
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

КОНЦЕПЦИИ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ КАК ЭЛЕМЕНТА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА

В данной статье рассматриваются выставочные концепции с точки зрения символической экономики на примере четырех кейсов, которые были описаны по следующим характеристикам: символы, пространство, власть, финансы и труд. В результате была получена следующая дифференциация: концепция «Визуальный аттракцион», концепция «Пространство просвещения», концепция «Предметный нарратив», концепция «Совместный опыт».

Ключевые слова: выставочные пространства, символическая экономика, выставочная концепция,

KALASHNIKOVA K.N.
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

CONCEPTS OF EXHIBITION SPACES AS AN ELEMENT OF THE SYMBOLIC ECONOMY OF THE CITY

In this article, exhibition concepts are considered from the point of view of the symbolic economy by the example of four cases, which were described by the following characteristics: symbols, space, power, finance and labor. As a result, the following differentiation was obtained: the concept of "Visual Attraction", the concept of "Educational Space", the concept of "Subject Narrative", the concept of "Joint Experience".

Key words: exhibition space, symbolic economy, exhibition concept,

Символическая экономика возникла, как считается, в результате развития туризма, медиа сферы и сферы развлечений. Эффект от развития символической экономики может быть зафиксирован в виде количественных показателей роста цен на

недвижимость и появлении предприятий сферы услуг на территориях, характеризующихся культурным потреблением. Но существует также не столь очевидный эффект в виде формирования привлекательного образа города не только для туристов, но и для капитала, не связанного с культурными инвестициями. Выставочные пространства являются важной частью символической экономики, и все же они зачастую страдают от недостатка финансирования, престижа и посетителей.

Выставочные пространства как составляющая символической экономики не были на данный момент описаны. В целом было немного исследований среди отечественных социологов, в которых применялась бы концепция символической экономики.

В ходе исследования был получен ответ на вопрос, какие существуют выставочные концепции в рамках символической экономики? Целью исследования является дифференциация концепций культурных выставочных пространств.

Символическая экономика понимается нами вслед за Ш. Зукин как городское явление, которое предполагает производство пространств и символов города и культуры (Рис.1). Символическая экономика объединяет в себе производство пространства, в котором экономический капитал и культурные смыслы находятся в постоянном взаимодействии. А также производство символов, которые одновременно являются и своеобразной валютой экономического оборота, и языком социальной идентификации [1, с. 46]. В символической экономике объединяются финансовые, трудовые ресурсы, искусство, зрелища и дизайн [1].

В структуре символической экономики можно выделить несколько индустрий [2, с. 16]:

- культурные услуги (реклама, туризм, развлечения);
- коллективное культурное потребление (выставочные пространства, театры, библиотеки и т.д.);
- креативные профессии (архитектура, дизайн и т.д.);
- мода (одежда, украшения и т.д.);
- медиа (фильмы, телевидение, музыка и т.д.).

Рис. 1. Структура символической экономики

Выставочные пространства относятся к потребляемым «на местах», они представляют слияние пространства и символа. Их специфическая черта — недвижимость и предоставление условий для досуга через визуальное восприятие.

В соответствии с производством пространства и производством символов можно произвести первоначальное распределение выставочных пространств. Коммерческие символы, прежде всего, относятся непосредственно к продаваемым товарам или услугам, это логотипы, символы брендов. Культурные символы не связаны напрямую с извлечением финансовых выгод, они относятся к проектам идентичностей, связанных с культурным потреблением выставочных пространств. Производство пространства задает различение по назначению: является ли выставочная деятельность основным назначением пространства или нет. Исходя из этих критериев, можно выделить четыре области выставочных пространств (см. Рис.1).

- Коммерческие выставки (ярмарки).

• Культурные выставочные пространства (музеи, галереи, и т.д.).

• Торговые пространства (рынки, моллы).

• Улица, включающая в себя формальные уличные выставочные пространства (парки) и неформальные уличные выставочные пространства (скопление граффити). А также долю коммерческих символов в виде рекламы.

Как было указано выше, в структуре символической экономики задействованы две важные для материальной жизни города системы: производство пространств и производство символов. Выставочные пространства задействуют также различные ресурсы и учитывают ограничения. В связи с этим нами предлагаются следующие характеристики выставочных пространств в качестве индикаторов для последующего анализа:

• Символы: к каким культурам, брендам, идеям можно отнести символы; подлинность как символическая ценность

• Пространство: расположение, площадь, структура пространства; позиционирование пространства, где осуществляется выставочная деятельность

• Власть: форма собственности, правовые ограничения, власть над хореографией

• Финансы: источники финансирования, источники пополнения коллекции, цена

• Труд: структура персонала

В данном исследовании рассмотрены культурные выставочные пространства. В качестве кейсов были задействованы следующие выставочные пространства: Исторический парк «Россия – Моя история», Музей Мировой Погребальной Культуры, Музей Счастья, Интегральный музей-квартира Академгородка. Критериями для отбора пространств стали: форма собственности, размер, подлинность/ неподлинность экспонатов, тематика. В качестве источников информации выступили материалы, найденные на официальных сайтах, материалы наблюдения и интервью с руководителями пространств.

Символы. В случае с Парком «Россия – моя история» (далее: Парк) основой экспозиции является исторический нарратив

(визуальный текстовый, аудио), посвященный истории России, при этом он соответствует существующей идеологии, и в нем отведена существенная роль православным религиозным символам. Нарратив наделяется ценностью за счет его технической уникальности, имеется в виду, что контент выставки нельзя найти нигде, кроме как в Парке. Подробный анализ контента не был задачей данного исследования, поэтому можно лишь сказать, что считываются визуальные символы «добра» и «зла» в нарративе.

В случае с Музеем Мировой Погребальной Культуры (далее: Музей Смерти) считываются символы, в том числе религиозные, смерти и скорби различных культур и эпох. В пространстве присутствуют как подлинники, так и реконструкции. Причем реконструкции можно считать творениями, ведь их выполняют вручную, продумывая детали, и стараясь передать идею изображаемой сцены. Кроме того, в связи с тем, что это ручная работа, такие макеты и реконструкции уникальны.

Говоря о восприятии символов смерти и скорби, стоит отметить интересную деталь, почерпнутую из интервью. Люди по-разному воспринимают экспонаты. Для кого-то это способ пощекотать себе нервы, а для кого-то источник эстетического удовольствия. Возможны и другие трактовки.

Музей Счастья изобилует различными предметными символами счастья, а также практиками, привлекающими счастье и удачу. Кроме того, символической ценностью обладают предметы, привезенные с разных концов Земли, к каждому из которых при желании можно прикоснуться.

Интегральный музей-квартира Академгородка (далее: музей Академгородка) наполнен материальными символами различных эпох, преимущественно начало 20 века и советское время. Символическая ценность экспонатов основывается на историях, стоящих за ними. А также в том, что ко всему можно прикоснуться. Как считает исследовательница Кара Гиаимо, тактильный контакт с экспонатом – это «мощный способ формирования отношений» [3] и связи с прошлым. Поэтому привязанность к экспонатам, а значит и к музею, эффективно формировать не только через зрение, но и через тактильный контакт.

Пространство. Парк появился в Новосибирске благодаря содействию Новосибирской епархии, губернатора и правительства. Изначально, при обсуждении места постройки был выбор: модульное здание (по типу моллов) или исторически значимое здание. В силу ряда причин выбрали второе. Историческое здание на территории бывшего военного городка было реконструировано за полгода. Эта территория была закрытой серой зоной, но сейчас она становится открытой, и этот процесс продолжится. В перспективе Парк станет точкой роста историко-культурного кластера. Судя по словам директора, неизведанность территории приводит к тому, что Парк пока что трудно найти людям. Однако, близкая к центру города территория, вероятно, скоро станет обжитой. Парк – довольно просторный – 3 этажа экспозиций, повествование внутри которых выстроено линейно в виде последовательности залов.

Музей Смерти располагается на окраине города и является частью паркового комплекса крематория. Такое соседство, учитывая специфику музея, является обоснованным. Можно даже сказать, что крематорий – один из экспонатов. Экспозиции находятся в двух разных зданиях.

Музей Счастья находится в исторически значимом здании, в доме, где проживал А.Н. Косыгин. Дом находится близко к центру города, недалеко от железнодорожного вокзала. Музей заполнил пространство двух небольших комнат.

Музей Академгородка также занимает относительно небольшое для музея пространство – квартиру. Располагается, что логично, в Академгородке.

Финансы. Говоря о финансовых вопросах целесообразно, на наш взгляд, обратиться к табличной форме для сравнения по критериям (Таблица 1).

Таблица 1

Сравнение выставочных пространств по финансовому аспекту

	Парк «Россия-моя история»	Музей Мировой Погребальной Культуры	Музей Счастья	Интегральный музей-квартира Академгородка
За счет каких средств живет	Федеральный бюджет	Частный проект, часть комплекса крематория	Частный проект	Частный проект
Цена посещения	Бесплатно	200 р. - льготный билет в один зал. 350р.- обычный билет в один зал	350 р. – детский билет, 500 р. - обычный билет Посещение только по записи и только с экскурсией.	Взносы, нет фиксированной цены
Источник пополнения экспозиции	Федеральный оператор и Новосибирс-кий Краеведческий музей	Директор музея и команда реставраторов (посетителей пытаются привлекать, но пока не очень успешно)	Руководство музея и их круг общения (с недавнего времени посетители)	Руководство музея, посетители
Возможн-ость извлечения прибыли	«*Идея не может быть коммерцио-нализирована*» Директор Парка «Россия моя история»	*«Пространство привлекает людей, они платят деньги… за всякую ерунду в том числе»* Директор Музея Смерти Проект в прошлом году впервые стал прибыльным	Возможности откладывать на будущее нет, но на текущие расходы и оплату аренды хватает.	Различные пути – экскурсии, аренда экспонатов, но пока что характер монетизации окончательно не определен.

Власть. Парк «Россия – моя история» является филиалом Новосибирского краеведческого музея. Большая часть контента редактируется в соответствии с федеральным оператором, в постоянной взаимосвязи с ним. Можно выделить правовые ограничения, с одной стороны, на контент (нарратив выстроен в соответствии с образовательными стандартами), с другой стороны, власть распространяется вне пространств в виде методических рекомендаций для педагогов. Присутствует сильная связь с системой образования. Хореография направляется и нарративом, и визуальными маркерами, которые в виде инструкции подаются при входе на каждую экспозицию.

Музей Смерти – это частный проект, но публичный, а значит, его контент подвергается общественной оценке и, иногда критике. Присутствует логика хореографии, но явных маркеров в пространстве нет.

Музей Счастья – демократичный музей, и, действительно, все экспонаты можно трогать, но опыт во время посещения направляется экскурсоводом, хореография и действия выстраиваются в соответствии со сценарием. Формат музея предполагает совместный срежиссированный опыт, цель которого - это прежде всего не восприятие экспонатов и не знания о них, а психотерапевтический эффект и эмоции.

Опыт в Музее Академгородка формируется исходя из нарративов, стоящих за экспонатами, и того, какую коммуникативную рамку задают сами посетители, какие экспонаты наиболее интересны. Принцип музея в продолжении жизни вещей прошлых эпох, поэтому все предметы можно использовать.

Что касается хореографии в пространстве, то она была направлена в той или иной степени во всех пространствах. Можно лишь судить о степени ее направленности.

Труд. Рассматривая трудовые ресурсы, мы, прежде всего, сосредоточимся на функциональных особенностях трудового процесса и на особенностях руководства музея.

Трудовые ресурсы сильно варьировались в зависимости от масштабов пространств. В случае с большим Парком мы можем говорить о специалистах узкого профиля, о чётко разделенных ролях, разных задачах, выполняемых профессиональными

рабочими. На стадии запуска проекта руководящий персонал Парка проходил общероссийские тренинги. А в случае с двумя частными проектами говорить о строгой дифференциации функций не приходится (Таблица 2).

Таблица 2

Сравнение выставочных пространств по трудовому аспекту

	Парк «Россия - моя история»	**Музей Мировой Погребальной Культуры**	**Музей Счастья**	**Интегральный музей-квартира Академгородка**
Количество персонала	Многочисленный персонал	8 человек	2 человека	2 человека
Специализация	Функции дифференцированы	Объединяют в себе многие функции	Объединяют в себе многие функции	Объединяют в себе многие функции

В результате были получены следующие концепции:

- Концепция «Визуальный аттракцион». В данной концепции сделан акцент на инновационность и высокотехнологичность, главное – зрелище.
- Концепция «Пространство просвещения». Акцент на образовательном, просветительском эффекте.
- Концепция «Предметный нарратив». Подлинные предметы или реконструкции и стоящие за ними истории – средство повествования, а также эмоционального вовлечения.
- Концепция «Совместный опыт». Экспонаты – не главное. Главное вызвать эмоции у участника, с помощью предметов, нагруженных символами, и ритуалов.

Заключение

Наиболее значимым представляется то, что наделяется символической ценностью: истории, стоящие за экспонатами; ролевое вовлечение посетителей; визуальное повествование; экспонаты как материальные объекты, которые преподносят символический капитал соприкоснувшимся с ним (фотографии в социальных сетях).

Физическое расположение выставочных пространств становится способом усиления интереса к их содержимому, повышения символической ценности и репрезентируется в выгодном свете.

Форма собственности, разумеется, накладывает свои ограничения. В нашем случае государственное учреждение не ставит перед собой цель – извлечение прибыли, ставя на первое место просветительскую миссию. При этом государственная форма, судя по властным характеристикам, является более подконтрольной с формальной точки зрения. Для государственных культурных пространств вопрос контента – это вопрос не только удовлетворенности посетителя, но и соответствия стандартам и требованиям. В то время как у частных проектов существует свобода формирования экспозиции (которая ограничивается только общественным контролем, финансами и идеей выставки).

Власть над хореографией в той или иной степени присутствовала во всех пространствах. Это представляется необходимым исходя из формата музея. Мультимедийный проект также отличается подробной инструкцией, возможно, это связано с тем, что существует стремление унифицировать переживаемый опыт и стремление снизить чувство неопределенности, так как формат непривычный.

Говоря о трудовых ресурсах, можно сказать, что подтвердился известный теоретический тезис - чем больше «организм», тем сильнее в нем дифференцируются роли.

Выставочные пространства - значимые, но проектам «снизу» не хватает ресурсов. Культура является средством производства пространств, но у государственных учреждений больше возможностей, чем у частных (в противовес тезиса Ш.Зукин о том, что в общественной культуре происходит переход от общественного к частному). Однако каждая из представленных концепций вносит вклад в образ города, каждая ценна по-своему и выполняет определенные задачи.

Литература

1. Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.

2. Scott A. J. Capitalism, cities, and the production of symbolic forms / A.J. Scott // Transactions of the Institute of British Geographers. – № 26(1). – 2001. – P. 11-23.

3. Giaimo C. Why Can't People Stop Touching Museum Exhibits? [Электронный ресурс] // URL: https://www.atlasobscura.com/articles/museum-touch-exhibit-objects-multisensory (дата обращения: 1.05.2018).

ПОЛЯНСКАЯ М. Н.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ АКАДЕМГОРОДКА

Статья посвящена изменениям в структуре ценностей молодежи Академгородка г. Новосибирска. Актуальность такого исследования связана с тем, что ценности лежат в основе деятельности людей, определяя их цели и формируя их мотивы. Исследование выполнялось на данных комплексного социолого-статистического обследования населения Академгородка, проведенного в 2003 и 2012 г. специалистами ИЭОПП СО РАН и кафедры «Общей социологии» ЭФ НГУ. С помощью факторного анализа выявлена структура терминальных и инструментальных ценностей молодежи Академгородка. На основе результатов кластерного анализа были выявлены группы молодежи, различающиеся по структуре своих ценностей.

Ключевые слова: молодежь, терминальные и инструментальные ценности, трансформация системы ценностей, локально-территориальное сообщество

POLYANSKAYA M. N.,
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

THE TRANSFORMATION OF VALUES OF YOUTH AKADEMGORODOK

The article is devoted to the study of the values of youth. The relevance of such research is related to the fact that values are the basis of people's activities, defining their goals and shaping their motives. The research was carried out on the basis of a comprehensive sociological and statistical survey of the population of Academgorodok conducted by specialists from IEIE SB RAS and the

Department of "General Sociology" of Novosibirsk State University in 2003 and 2012. With the help of factor analysis, the structure of terminal and instrumental values of Academgorodok's youth was revealed. We obtained the group of youth, based on the results of the cluster analysis, which differ by the structure of their values.

Key words: young people, values, terminal and instrumental values, transformation of value system, local-territorial community

«Молодежная» тематика в социологических исследованиях остается достаточно популярной и востребованной на протяжении многих лет. Почему это так? Ответ на данный вопрос достаточно прост: молодежь – это будущее, движущая сила развития и прогресса, в развитии современного общества этой социальной группе принадлежит особая роль. По мнению ряда исследователей, данная группа населения самостоятельна, инициативна и уверена в том, что сможет изменить свою жизнь к лучшему [1].

В своей деятельности молодежь опирается, прежде всего, на свою систему ценностей, ведь согласно одной из трактовок этого понятия, ценности являются устойчивой мотивационной основой поведения личности в обществе и оказывают сильное влияние на предпочтения людей и принимаемые ими решения [2]. Как отмечают исследователи, «актуальность исследования ценностей определяется значимостью роли, которую они играют в регуляции поведения индивида, в координации деятельности больших и малых групп, культуры и общества в целом. Особо актуальным становится вопрос об изучении ценностей в связи с кардинальными трансформациями общества» [3].

В нашей стране в последние пару десятилетий произошел ряд серьезнейших изменений, которые затронули и сферу ценностей, что делает особенно важной задачу изучить динамику изменений в структуре ценностей молодежи. Именно через изучение ценностей можно понять, чем живет молодежь сегодня, почему и чего от молодежи можно ожидать в будущем, то есть, можно получить некий прогноз развития определенной территории или даже страны в целом.

Почему особый интерес представляет молодежь Академгородка? Ответ на этот вопрос нужно искать в специфике

самого данного поселения. Академгородок - место, представляющее собой особую территориальную общность. «Территориальное сообщество – специфическая социальная группа, относительно замкнутая и пространственно изолированная, с тесными внутренними связями, известной самодостаточностью, развитой пространственной идентичности ее членов, осознанием ими своей принадлежности к внутренней, достаточно однородной группе, обладающей общими интересами и сходными видами поведения, связанными с научной деятельностью» [4, с. 139]. «Относительная самодостаточность Академгородка определялась наличием мест приложения труда (научных институтов, университета) и собственной инфраструктуры, позволяющих жителям сосредотачивать здесь свою трудовую, образовательную, досуговую и рекреационную деятельность» [4, с. 139]. И даже с учетом всех происходящих в стране и городе изменений, молодежь Академгородка оказалась в специфических условиях: Академгородок, по-прежнему, остается крупным научным центром, в котором проживают и работают высококвалифицированные кадры, в котором расположены крупные научно-исследовательские центры разного профиля, научное сообщество Академгородка имеет довольно тесные связи с зарубежными коллегами и научными организациями.

В социологии можно выделить 2 основных подхода толкования ценностей: психологический и социологический.

В основе данного исследования лежит деятельно-активистский подход к пониманию ценностей. Деятельно-активистский подход к определению ценностей предполагает, что действия индивида основаны на его интересах и ценностях [5, с. 8]. В рамках данного подхода можно рассматривать определения ценностей, которые давали Н. Смелзер, Э. Гидденс, Т. Парсонс, А. Г. Здравомыслов.

А. Г. Здравомыслов в своей работе «Потребности. Интересы. Ценности» отмечает, что ценности представляют собой нечто вроде нравственной, эстетической, мировоззренческой оценки того или иного действия [6, с. 167]. «Общепринятой является предложенная Н. Смелзером и Э. Гидденсом трактовка ценностей как идеальных целей и принципов, способов их

достижения или реализации, детерминированных культурой или являющихся ее элементами» [5]. Ценности являются устойчивой мотивационной основой поведения личности в обществе; ценности социальны, поскольку каждый предмет или явление общественного сознания, которое наделяется статусом «ценность», получает данный статус ввиду своей вовлеченности в социальное взаимодействие [7].

Наиболее обобщающее, на мой взгляд, определение ценностей в рамках данного подхода дается в монографии «Актуализированные ценности россиян»: в рамках этого подхода ценности определяются как «концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей, центры мотивации человеческого поведения. Ценностью может быть любое явление, предмет или способ действий, которые содействуют удовлетворению потребностей или реализации интересов той или иной социальной группы» [5, с. 10].

В системе ценностей «…выражается отношение человека, общества к миру, который либо удовлетворяет, либо не удовлетворяет его, и человек своим действием решает изменить его», в этой системе находит отражение мера готовности и решимости отдельного индивида или общества изменить мир [6, с. 169-170]. Систему ценностей образуют терминальные и инструментальные ценности. Первая группа ценностей – представления о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно (способно соответствовать идеальному состоянию бытия людей); вторая – «инструментальные ценности применяются для оценки и выбора способов достижения целей, т.е. модуса поведения и набора конкретных действий» [8, с. 19]. Таким образом, изучая систему ценностей и ее структуру, можно понять, чем живет молодежь сегодня и чего от молодежи можно ожидать в будущем.

Теория модернизации и постмодернизации, предложенная Р. Инглхартом и его коллективом, также может быть соотнесена с идеями деятельно-активистского подхода к пониманию ценностей, ведь согласно концепции Р. Инглхарта, ценности – это регуляторы поведения социальной группы, которые устанавливают критерии желательности или нежелательности тех или иных целей [9, с. 73]. Ценности находятся в прямой

зависимости от жизненных условий: в случае, если эти условия изменяются, то и ценностные ориентации также претерпевают изменения [9, с. 43]. Как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель, преобладающие на данном этапе ценности соответствуют преобладающим жизненным условиям.

В качестве теоретического объекта исследования была выделена структура ценностей молодежи. Предмет исследования – динамика структуры ценностей молодежи Академгородка. Целью данного исследования ставилось выявление и описание тенденции изменений в структуре ценностей молодежи Академгородка.

Эмпирический объект исследования – это молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, постоянно проживающая на территории Академгородка**.** Исследование проводилось на данных комплексного социолого-статистического обследования населения Академгородка 2003 и 2012 г., проведенного специалистами ИЭОПП СО РАН и кафедры общей социологии ЭФ НГУ. Объем отобранной по возрасту подвыборки по массиву 2003 г. составил 154 наблюдения. В массиве 2012 года были отобраны 163 наблюдения.

В ходе работы с массивами было выявлено, что получившиеся подвыборки не сопоставимы между собой по таким характеристикам, как «Возраст респондента» и «Образование респондента». Поэтому была проведена процедура стандартизации структуры подвыборки 2012 г.

Таблица 1

Структура терминальных и инструментальных ценностей молодежи Академгородка 2003 г.

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Ощущение своей нужности людям	Инициатива и риск
Карьера, образование	Ориентация на образование
Уважение окружающих, признание	Ориентация на личный успех
Здоровье	Принципиальность и твердость характера
Дружба	Расчет на собственные силы
Отношения между людьми	

Факторный анализ на массиве 2003 г. позволил выделить структуру терминальных и инструментальных ценностей (см. таблицу 1). По терминальным ценностям были выделены 6 компонент, а по инструментальным – 5. Подробное описание выделенных факторов в таблице 1.

По терминальным ценностям были выделены 4 группы молодежи, различающиеся в своей структуре ценностей (таблица 2).

Таблица 2

Кластеры молодежи Академгородка 2003 г. по терминальным ценностям

	Ориентированные на карьеру и образование	Ориентированные на уважение и признание	Не ориентированные на карьеру и образование	Ориентированные быть полезными другим людям
Пол	62,5%-мужчины	55,6%-мужчины	64,7%-женщины	50%-женщины
Возраст	50%-18-24 года	40%-18-24 года	65%-18-24 года	41,2%-18-24 года 41,2%-25-30 лет
Семейное положение	78,6%-не состоят в браке	64,7%-не состоят в браке	54,4%-состоят в браке	56,7%-не состоят в браке
Образование	70,8%-высшее, неполное высшее	73,3%-высшее, неполное высшее	43,8%-среднее, средне-специальное	67,6%-высшее, неполное высшее
Вид занятия	42,9%-студенты, в том числе совмещающие учебу и работу	47,1%-работающие	59,2%-работающие	63,3%-работающие

Первый кластер получил название «Ориентированные на карьеру и образование». В составе данного кластера преобладают мужчины. Возраст респондентов, преимущественно, от 18 до 24 лет. Второй кластер получил название «Ориентированные на уважение и признание». Данный кластер характеризуется наибольшим процентом представителей «старшего» молодежного возраста, то есть, молодежи в возрасте от 31 до 35

лет. Третья группа была названа как «Не ориентированные на карьеру и образование». Это – самая «молодая» группа из всех выделенных: 55,2% составляет молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Четвертую группу можно назвать «Ориентированные быть нужными другим людям». Представители данной группы наиболее удовлетворены отношениями между людьми на территории Академгородка.

По инструментальным ценностям было выделено 5 групп респондентов, различающихся своими ценностями (таблица 3).

Таблица 3

Кластеры молодежи Академгородка 2003 г. по инструментальным ценностям

	Ориенти-рованные на твердость характера и принципи-альность	Ориенти-рованные на риск и инициативу	Ориенти-рованные на собственные силы	Ориенти-рованные на образование	Не ориенти-рованные на риск, инициативу и образование
Пол	53%-женщины	52,5%-женщины	52,4%-мужчины	50%-женщины	66,7%-мужчины
Возраст	37%-18-24 года 38,8%-25-30 лет	43%-18-24 года	47,6%-25-30 лет	45%-18-24 года	41,7%-31-35 лет
Семей-ное положе-ние	49%-состоят в браке	57,5%-не состоят в браке	52,4%-состоят в браке	50%-не состоят в браке	50%-не состоят в браке
Образо-вание	53%-высшее, неполное высшее образование	50%-высшее, неполное высшее образование	52,4%-среднее, средне-специальное образование	60%-высшее, неполное высшее образование	75%-среднее, средне-специальное
Вид занятия	49%-работающие; 32,7%-студенты, в том числе, совмещаю-щие учебу и работу	43,6%-работающие 33%-студенты, в том числе совмещаю-щие учебу и работу	66,7% - работающие	60% - работающие	73% - работающие

Первый кластер получил название «Ориентированные на твердость характера и принципиальность». По половому признаку в составе кластера преобладают женщины – 53,5%. Это респонденты с высшим или неоконченным высшим образованием. Второй кластер был назван «Ориентированные на риск и инициативу». В состав кластера вошли мужчины, в возрасте от 30 до 35 лет. Большинство респондентов имеет среднее, средне-специальное образование. Кластер №3 был назван «Ориентированные на собственные силы». Больше половины респондентов – мужчины. Возраст респондентов, преимущественно, от 18 до 24 лет. Представители группы имеют среднее или средне-специальное образование. Четвертый кластер получил название «Ориентированные на образование». Это люди с высшим или неоконченным высшим образованием. Стоит отметить, что именно представители данной группы в 2003 г. чаще всего задумываются о переезде из Академгородка в ближайшее время. Пятый кластер был назван как «Не ориентированные на риск, инициативу и образование». В составе кластера преобладают женщины, состоящие в браке.

Структура ценностей молодежи Академгородка 2012 г. также была определена с помощью факторного анализа. По терминальным ценностям было выделено 6 компонент, по инструментальным удалось выделить 5 факторов. В таблице 4 приведены результаты факторного анализа.

Таблица 4

Структура терминальных и инструментальных ценностей молодежи Академгородка 2012 г.

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Работа и семья как основные ценности	Ориентация на инициативу и достижение успеха
Карьера и высокое положение в обществе	Образование сегодня не главное
Отношение между людьми	Расчет на собственные силы
Стабильность условий жизни	Стремление занять видное положение
Дружба	Принципиальность и твердость характера
Ощущение своей нужности людям	

По терминальным ценностям в 2012 г. выделено 4 группы молодежи, различающиеся своими ценностями (таблица 5). Первый кластер был назван «Ориентированные на отношения между людьми». Среди представителей данной группы нет тех, кто недоволен условиями жизни в Академгородке. Второй кластер был назван «Ориентированные на себя». Это преимущественно женщины в возрасте от 18 до 25 лет. Среди всех групп именно в этой наибольший процент неработающих, также это и самый многочисленный кластер. Третий кластер получил название «Ориентированные на стабильность условий жизни». Интересно, что представители этого кластера демонстрируют большее стремление уехать из Академгородка в ближайшее время.

Четвертый кластер был назван «Ориентированные быть полезными другим людям». Большая часть представителей данной группы – мужчины, в возрасте от 18 до 24 лет. Именно эта группа среди всех выделенных по терминальным ценностям групп отличается наибольшей неудовлетворенностью условиями жизни в Академгородке. Также в данной группе сосредоточена наибольшая доля тех респондентов, кто совсем недоволен отношениями между людьми.

Таблица 5

Кластеры молодежи Академгородка 2012 г. по терминальным ценностям

	Ориентированные на отношения между людьми	Не ориентированные на других людей	Ориентированные на стабильность условий жизни	Ориентированные быть полезными другим людям
Пол	83,3%-женщины	57,4%-женщины	75,8%-мужчины	65,6%-мужчины
Возраст	59,6%-18-24 года	46%-18-24 года 36%-25-30 лет	72%-25-30 года	48,5%-18-24 года 33%-25-30 лет
Семейное положение	60%-не состоят в браке	49,4%-состоят в браке	50%-состоят в браке	57%-не состоят в браке
Образование	60%-высшее, неполное высшее	51,6%-высшее, неполное высшее	65,6%-среднее, средне-специальное	59,4%-высшее, неполное высшее

Продолжение таблицы 5

	Ориентированные на отношения между людьми	Не ориентированные на других людей	Ориентированные на стабильность условий жизни	Ориентированные быть полезными другим людям
Вид занятия	60%-студенты, в том числе, совмещающие учебу и работу	44%-работающие 31,2%-неработающие	63%-работающие	47%-работающие

По инструментальным ценностям также было выделено 4 группы (таблица 6).

Таблица 6

Кластеры молодежи Академгородка 2012 г. по инструментальным ценностям

	Не ориентированные на собственные силы	Ориентированные на принципиальность и твердость характера	Рассчитывающие на собственные силы	Не ориентированные на образование
Пол	62,7%-женщины	51%-мужчины	61,5%-мужчины	71,4%-мужчины
Возраст	53%-18-24 года	46,7%-25-30 лет	38,5%-25-30 лет; 28,2%-31-35 лет	46,4%-18-24 года;
Семейное положение	55%-не состоят в браке	52,4%-состоят в браке	52%-состоят в браке	66,7%-не состоят в браке
Образование	58,8%-среднее, средне-специальное	54,5%-среднее, средне-специальное	67,5%-высшее, неполное высшее	50%-высшее, неполное высшее
Вид занятия	34,6%-работающие 32,7%-неработающие 32,7%-студенты, в том числе, совмещающие учебу и работу	53,3%-работающие	52,5%-работающие	57%-работающие

Первый кластер получил название «Не ориентированные на собственные силы». В его состав вошли, преимущественно, женщины со средним или средне-специальным образованием. Второй кластер был назван «Ориентированные на принципиальность и твердость характера». Представители этой подгруппы считают, что образование сегодня не главное. Для них характерна наибольшая удовлетворенность отношениями между людьми. Третья группа была проинтерпретирована как «Рассчитывающие на собственные силы». Ее представители – преимущественно мужчины от 25 до 35 лети имеющие высшее образование. Четвертый кластер получил название «Не ориентированные на образование». В состав кластера вошли мужчины в возрасте от 18 до 30 лет. Представители данной группы также отмечают, что не совсем удовлетворены условиями жизни в Академгородке.

По получившимся группам молодежи хотелось бы заметить, что ориентированными на ценности, связанные с отношениями между людьми, дружбой и семьей, в большей мере оказались женщины. А вот рассчитывать на собственные силы, в большей мере, ориентированы мужчины. Интересно, что в 2003 г., в основном женщины с высшим или неполным высшим образованием, выделяли такую ценность, как «быть полезными другим людям», а в 2012 г., наоборот – мужчины также с высшим образованием.

Наиболее сопоставимыми между собой оказались кластеры по инструментальным ценностям. При сравнении получившихся групп молодежи, разделяющих различные инструментальные ценности, было установлено, что в 2003 г. принципиальность и твердость характера выбирают женщины, имеющие высшее или неоконченное высшее образование. Но в 2012 г. эти средства выбирают в равной мере, как мужчины, так и женщины, в большинстве случаев имеющие среднее или средне-специальное образование.

В целом, структуры терминальных и инструментальных ценностей молодежи Академгородка в 2003 и 2012 гг. сходны друг с другом, что подтверждает гипотезу об устойчивости ценностной структуры. Изменения в структуре терминальных ценностей связаны с повышением значимости, по сравнению с

2003 г., таких ценностей, как семья, работа, материальное благополучие, свобода и независимость. В структуре терминальных ценностей молодежи Академгородка и 2003 г., и 2012 г. также можно увидеть наличие как материальных (традиционных), так и постматериальных ценностей, о которых говорит в своих работах Р. Инглхарт. Если к первым можно отнести семью, работу, материальное благополучие и здоровье, то во вторую группу попадут ценности самореализации (например, карьера, признание окружающих, дружба, свобода и независимость). Подобные результаты могут служить иллюстрацией того, как новые ценности, не характерные ранее для нашего общества, «приживаются» в системе ценностей современной молодежи.

В структуре инструментальных ценностей молодежи Академгородка в 2012 г. становится заметной «достижительная» мотивация: важным становится само достижение успеха. И это несмотря на то, что сама установка на личный успех присутствует в структуре инструментальных ценностей и 2003, и 2012 г.

Также было установлено, что образование не воспринимается молодежью 2012 г. как средство достижения своих жизненных целей, притом, что в структуре терминальных ценностей «Образование» присутствует. Такой результат можно объяснить произошедшей за последние десятилетия девальвацией образования, когда получить его стало гораздо проще, в том числе, и на платной основе. Это вызвало обесценивание самого образования, как средства достижения своих целей и успеха в целом. То есть, получать высшее образование для достижения успеха стало вовсе не обязательно.

Исходно предполагалось, что существует связь между определенными ценностями – целями и ценностями – средствами. Данной связи выявлено не было. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для достижения своих целей молодежь Академгородка намерена использовать различные средства, среди которых особенно выделяются «Принципиальность и твердость характера», «Инициативность и риск» и «Ориентация на личный успех».

Литература

1. Зоркая М., Дюк Н. Ценности и установки российской молодежи [Электронный ресурс] // ЭСМ, Федеральный образовательный портал Экономика Социология Менеджмент [Офиц.сайт]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/650/972/1210/07 (дата обращения: 14.04.2018).

2. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте [Электронный ресурс] // СоцИс, Социологические исследования [Офиц.сайт]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Bazov_zennosti_St1_Magun_Rudnev.pdf (дата обращения: 14.04.2018).

3. Гегер А.Э., Гегер С.А. Потенциал микс-методов в изучении ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // СибАк, Научно-практические конференции ученых и студентов. Публикации Scopus и Web of Science. Авторские и коллективные монографии РИНЦ [Офиц.сайт]. URL: https://sibac.info/conf/social/lix/51290 (дата обращения: 26.02.2018).

4. Горяченко Е.Е. Оценка развития локальной территориальной общности научного типа (на примере Новосибирского Академгородка) // Регион: экономика и социология. – №4. – 2008. – С. 138-154.

5. Актуализированные ценности современного российского общества [Электронный ресурс]/ Отв. ред. И.А. Халий // СоцИс, Социологические исследования [Офиц.сайт]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

6. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности/ Политиздат. – М., 1986. – 223 с.

7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи [Электронный ресурс] // ЭСМ, Федеральный образовательный портал Экономика Социология Менеджмент [Офиц.сайт]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/23/1251240645/2010_1(95)_2_Gorwkov_Weregi.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

8. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ Отв. ред. А.В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева/ Дом интеллектуальной книги. – М., 2003. – 448 с.

9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития: Пер. с англ./ Новое издательство. – М, 2011. – 464 с.

ПОПОВА Л.А., ЗОРИНА Е.Н.
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

Работа подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН, проект № 18-6-7-24 «*Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика*».

Рассматриваются уровень и темпы постарения населения сибирских регионов. Устанавливаются факторы, определяющие региональные особенности демографического старения. Раскрываются основные экономические последствия постарения и обосновывается адаптационный механизм к его ускорению.

Ключевые слова: сибирские регионы, постарение населения, факторы постарения, демографическая нагрузка, трудовой потенциал пожилых людей, возрастная дискриминация.

POPOVA L. A., ZORINA E. N.
Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia

DEMOGRAPHIC AGEING SPECIFIC IN SIBERIAN REGIONS

The level and rates of population ageing of Siberian regions are considered. The factors determining regional features of demographic ageing are established. The main economic consequences of ageing are revealed and the adaptive mechanism to its acceleration is proved.

Keywords: Siberian regions, population ageing, factors of aging, demographic load, labor potential of elderly people, age discrimination.

Постарение населения, т.е. увеличение в его составе доли пожилых и старых людей, является глобальным процессом, которого не избежит ни одна страна. Оно имеет разнообразные аспекты, многочисленные социально-экономические и политические последствия и оказывает большое влияние на все стороны жизни людей. В основе демографического старения лежат длительные изменения в характере воспроизводства населения. Различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей [1, с. 117]. В условиях увеличения продолжительности жизни на фоне повышения рождаемости 2000-х годов Россия постепенно приближается к модели постарения, характерной для развитых стран, в которых население в большей мере стареет «сверху». Заметное влияние на темпы постарения населения, кроме рождаемости и смертности, оказывает характер миграционного движения населения, а также демографическая история территории.

В условиях ускорения демографического старения в отечественных социально-экономических исследованиях этим вопросам уделяется все более заметное внимание. Достаточно много работ посвящено экономическим аспектам постарения и вопросам реформирования российской пенсионной системы (А.Г. Аганбегян, В.А. Безвербный, Е.Т. Гурвич, А.Д. Ишаев, А.Л. Кудрин, Я.А. Лещенко, Г.В. Осипов, В.Д. Роик, О.В. Синявская, А.К. Соловьев, Ю.Д. Шмелев и др.). В то же время признается, что для России актуальной проблемой остается дискриминация по возрасту в трудовой сфере, которая не позволяет в полной мере реализовать трудовой потенциал населения третьего возраста (Д.Г. Владимиров, В.Г. Доброхлеб, А.Г. Левинсон, Т.В. Смирнова, А.А. Смолькин, З.А. Хоткина и др.). Меньше внимания уделяется социально-психологическим аспектам постарения и социальным механизмам адаптации пожилого населения, его ресурсному потенциалу, качеству его жизни, вопросам становления новых социальных норм в стареющем обществе (В.Г. Доброхлеб, М.Э. Елютина, Д.М. Рогозин, В.Д.

Роик, Э.Е. Чеканова), которые получили широкое распространение в развитых странах (F. Collard, B.F. Skinner, M.E. Vaughan, J. Vincent).

Представленная статья посвящена особенностям постарения населения сибирских регионов, определению факторов, обуславливающих уровень и темпы демографического старения Сибири, и оценке основных экономических последствий. В составе сибирских регионов рассматриваются 18 субъектов федерации: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская и Курганская области, входящие в состав Уральского федерального округа, регионы Сибирского ФО, Республика Саха (Якутия) и Амурская область из Дальневосточного ФО. Это территории, которые традиционно относились к Западной и Восточной Сибири.

В советский период истории большинство указанных регионов характеризовались пониженным по сравнению с Российской Федерацией уровнем постарения (табл. 1). Лишь в Курганской области процент населения старше трудоспособного возраста превышал среднероссийский. Минимальные уровни постарения были характерны для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов, республик Якутия и Тыва. При этом в Якутии и западносибирских автономных округах в условиях интенсивного миграционного притока в межпереписной период 1970-1979 гг. произошло дальнейшее омоложение населения, в ЯНАО оно продолжалось и в 1979-1989 гг., обусловив омоложение в целом по Тюменской области.

После 1989 г. темпы прироста доли населения старше трудоспособного возраста почти всех сибирских регионов опережают средние по стране. Между переписями 1989 и 2002 гг. особенно значительными они были в ЯНАО и ХМАО, округах с очень молодым населением, а также в Якутии, Амурской, Тюменской и Иркутской областях, Красноярском и Забайкальском краях и Бурятии (табл. 2). В условиях повышенных темпов роста демографическое старение Новосибирской области и Алтайского края в 2002 г. практически достигло общероссийского уровня. В то же время из-за существенного увеличения в 1989-2002 гг. процента населения трудоспособного возраста сократился удельный вес старших

возрастов в Республике Алтай, где и следующий межпереписной период 2002-2010 гг. также характеризовался невысоким темпом постарения.

В остальных сибирских регионах, кроме Тывы, в 2002-2010 гг. произошло более значительное постарение, чем в целом по России. По данным переписи 2010 г., Алтайский край и Новосибирская область, так же как и Курганская область, характеризуются повышенным по сравнению со средним по стране удельным весом населения старше трудоспособного возраста. Приближается в 2010 г. к общероссийскому уровень демографического старения Кемеровской и Омской областей. В республиках Алтай и Тыва в условиях заметного роста показателей рождаемости за 2002-2010 гг. процент населения третьего возраста увеличился несущественно.

По текущим оценкам, после переписи 2010 г. темпы постарения сибирских регионов по-прежнему опережают среднероссийские. В целом за период 1989-2017 гг. во всех из них, кроме Республики Алтай, произошло более существенное увеличение доли населения старше трудоспособного возраста. На начало 2017 г. четверть населения России достигла пенсионного возраста. В трех сибирских субъектах уровень постарения превышает общероссийский: в Курганской области – 28,5% населения старше верхней границы трудоспособности, в Алтайском крае – 26,6%, в Кемеровской области – 25,1%. В восьми регионах доля пенсионных возрастов превышает 20%: в Новосибирской, Омской, Амурской, Томской, Иркутской областях, Республике Хакасия, Красноярском и Забайкальском краях. В остальных семи регионах составляет от 10,8% до 19,7%.

Почти во всех сибирских регионах, кроме Томской области, в отдельные годы Омской и Кемеровской областей, уровень суммарного коэффициента рождаемости превышает средний по стране [2]. Т.е. рождаемость содействует сдерживанию темпов демографического старения Сибири. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах продолжительность жизни населения стабильно выше общероссийской, выше или примерно на среднероссийском уровне – в Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях и Алтайском крае. Т.е. в указанных семи субъектах федерации благоприятная ситуация в процессах

Таблица 1

Динамика доли населения старше трудоспособного возраста, по данным переписей, %

Регионы	1970	1979	1989	2002	2010	2017*
Курганская область	15,8	16,7	19,1	21,8	24,4	28,5
Алтайский край	13,9	15,5	18,1	20,1	22,8	26,6
Кемеровская область	12,3	14,1	17,5	19,7	21,6	25,1
Российская Федерация	**15,4**	**16,3**	**18,5**	**20,5**	**22,2**	**25,0**
Новосибирская область	13,4	14,8	17,8	20,4	22,3	24,7
Омская область	12,6	13,5	16,0	19,0	21,0	24,4
Республика Хакасия	11,9	12,6	15,2	17,3	19,6	22,9
Амурская область	10,4	11,0	12,0	16,2	19,5	22,6
Красноярский край	11,0	11,8	14,0	17,1	19,8	22,5
Томская область	11,9	12,7	14,3	16,9	19,6	22,5
Иркутская область	10,0	11,0	13,5	16,9	19,5	22,4
Забайкальский край	9,6	11,0	12,6	15,2	17,1	20,1
Республика Бурятия	10,5	11,1	12,5	15,0	16,7	19,7
Республика Алтай	11,5	12,7	14,6	14,0	14,8	17,9
Тюменская область	11,4	9,7	8,3	10,6	13,4	16,9
Республика Саха (Якутия)	6,8	6,1	6,4	10,0	12,7	16,4
Ханты-Мансийский АО	5,2	3,4	3,5	6,8	10,6	14,8
Республика Тыва	6,1	6,4	7,8	9,1	9,8	11,1
Ямало-Ненецкий АО	6,2	3,4	2,1	4,6	7,8	10,8

Источник: [2]

* Оценка на начало года

Ранжировано по оценке на начало 2017 г.

Таблица 2

Темпы прироста доли населения старше трудоспособного возраста, %

Регионы	1970-1979 гг.	1979-1989 гг.	1989-2002 гг.	2002-2010 гг.	2010-2017* гг.	1989-2017* гг.
Ямало-Ненецкий АО	-45,2	-38,2	119,0	69,6	38,5	414,3
Ханты-Мансийский АО	-34,6	2,9	94,3	55,9	39,6	322,9
Республика Саха (Якутия)	-10,3	4,9	56,3	27,0	29,1	156,3
Тюменская область	-14,9	-14,4	27,7	26,4	26,1	103,6
Амурская область	5,8	9,1	35,0	20,4	15,9	88,3
Иркутская область	10,0	22,7	25,2	15,4	14,9	65,9
Красноярский край	7,3	18,6	22,1	15,8	13,6	60,7
Забайкальский край	14,6	14,5	20,6	12,5	17,5	59,5
Республика Бурятия	5,7	12,6	20,0	11,3	18,0	57,6
Томская область	6,7	12,6	18,2	16,0	14,8	57,3
Омская область	7,1	18,5	18,8	10,5	16,2	52,5
Республика Хакасия	5,9	20,6	13,8	13,3	16,8	50,7
Курганская область	5,7	14,4	14,1	11,9	16,8	49,2
Алтайский край	11,5	16,8	11,0	13,4	16,7	47,0
Кемеровская область	14,6	24,1	12,6	9,6	16,2	43,4
Республика Тыва	4,9	21,9	16,7	7,7	13,3	42,3
Новосибирская область	10,4	20,3	14,6	9,3	10,8	38,8
Российская Федерация	**5,8**	**13,5**	**10,8**	**8,3**	**12,6**	**35,1**
Республика Алтай	10,4	15,0	-4,1	5,7	20,9	22,6

* Оценка на начало года

Ранжировано по темпам прироста в 1989-2017 гг.

смертности, наоборот, усиливает темпы постарения. В значительной степени способствует постарению возрастной структуры населения миграционный отток, характерный для большинства сибирских регионов. В последние годы устойчивое положительное сальдо миграции фиксируется лишь в Новосибирской, Томской и Тюменской (без автономных округов) областях, в отдельные годы в Красноярском крае, Хакасии и Ханты-Мансийском АО. Таким образом, повышенные темпы демографического старения большинства регионов Сибири обусловлены миграционным оттоком населения в трудоспособном возрасте. В ХМАО, ЯНАО, Омской области и Алтайском крае его действие усиливается «старением сверху»: за счет относительно высокого уровня продолжительности жизни населения. Лишь в Новосибирской, Томской и Тюменской (без автономных округов) областях существенные темпы постарения определяются исключительно благоприятной по сравнению со средней по стране ситуацией в области смертности.

В настоящее время пенсионного возраста достигают последние многочисленные поколения россиян: поколения послевоенного компенсационного подъема рождаемости. А в трудоспособный возраст, наоборот, входят малочисленные поколения нулевых годов рождения. С учетом получения образования на рынок труда выходят еще более немногочисленные поколения 1990-х годов рождения. В 2016-2017 гг. в стране произошло ощутимое снижение уровня рождаемости, стагнировавшего уже с 2013 г. [2], и продолжаться оно будет по меньшей мере до середины следующего десятилетия. Поэтому в ближайшие годы темпы постарения в России будут только нарастать, особенно если будут по-прежнему успешно выполняться задачи повышения продолжительности жизни российского населения, в котором достигнуты очень серьезные успехи. За 2003-2017 гг. показатель для всего населения увеличился на 7,9 года, достигнув 72,7 лет. Концепцией демографической политики Российской Федерации поставлена задача достижения к 2025 г. продолжительности жизни 75 лет. Совсем недавно прозвучала еще более амбициозная цель – войти к концу следующего десятилетия в клуб стран 80+,

в которых продолжительность жизни населения превышает 80 лет [3].

В этих условиях предметом первоочередного внимания становятся экономические последствия постарения, которые принято прежде всего измерять уровнем демографической нагрузки на население трудоспособного возраста за счет лиц старших возрастов. Следует отметить, что демографическая (экономическая) нагрузка в целом за счет населения моложе и старше возраста трудоспособности за период 1989-2010 гг. в России довольно существенно снизилась. Ее рост начался лишь в 2007 г.: на восьмом году повышения рождаемости и четвертом году увеличения продолжительности жизни населения. В то же время демографическая нагрузка за счет лиц старше трудоспособного возраста поступательно увеличивается в России и большинстве сибирских регионов еще с 1970-1980-х годов (табл. 3).

Как, на наш взгляд, следует подходить к оценке уровня демографической (экономической) нагрузки за счет лиц старших возрастов в сибирских регионах? Во-первых, в соответствии с возрастной структурой населения в 15 из 18 рассматриваемых субъектов федерации экономическая нагрузка за счет пенсионеров по возрасту ниже среднего по стране. Во-вторых, как было отмечено, повышенные темпы демографического старения в большинстве регионов Сибири во многом обусловлены миграционным оттоком населения. В основе отрицательного сальдо миграции, как известно, лежит прежде всего экономическая непривлекательность территории, т.е. отсутствие достаточного количества рабочих мест с достойными условиями труда и оплаты. Соответственно, текущий рынок труда в этих регионах не испытывает сильного дефицита рабочей силы, за исключением сегмента рабочих мест с непривлекательными условиями. А появление в Сибири новых инвестиционных проектов будет способствовать изменению вектора миграции и увеличению доли населения в трудоспособном возрасте.

Таблица 3

Динамика демографической (экономической) нагрузки за счет лиц старше трудоспособного возраста, по данным переписей, на 1000 человек в трудоспособном возрасте

Регионы	1970	1979	1989	2002	2010	2017*
Курганская область	296	284	345	368	415	545
Алтайский край	254	257	326	325	376	488
Кемеровская область	215	226	307	318	353	453
Российская Федерация	**275**	**270**	**325**	**334**	**360**	**441**
Новосибирская область	236	239	311	327	357	433
Омская область	231	223	284	306	335	433
Республика Хакасия	218	206	269	278	317	413
Иркутская область	172	177	232	273	317	399
Амурская область	178	178	203	255	313	396
Красноярский край	188	187	238	270	314	388
Томская область	202	201	244	259	308	383
Забайкальский край	171	182	223	246	274	351
Республика Бурятия	196	187	224	242	269	351
Республика Алтай	226	225	275	233	246	332
Республика Саха (Якутия)	122	98	105	157	198	279
Тюменская область	207	153	136	157	201	278
Ханты-Мансийский АО	88	50	55	97	154	238
Республика Тыва	118	117	142	152	165	204
Ямало-Ненецкий АО	106	50	32	65	111	166

Источник: [2]

* Оценка на начало года

Ранжировано по оценке на начало 2017 г.

Но самое главное, при рассуждениях о росте экономической нагрузки за счет лиц старших возрастов в недостаточной степени берется в расчет трудовой потенциал пенсионеров, в то время как старшее поколение имеет много положительных социальных характеристик, которые позволяют ему играть позитивную роль на рынке труда. Пожилые работники обладают знаниями и профессиональными навыками, приобретенными на протяжении всей трудовой жизни. А у поколения россиян, выходящих сегодня на пенсию, к тому же достаточно высокий уровень образования. У пожилых работников чаще встречаются такие качества, как зрелость, надежность, стабильность. Такие работники демонстрируют хорошие социальные навыки, редко меняют место работы, для них характерны меньшее число производственных происшествий и более позитивное отношение к труду [4].

На протяжении 2000-х годов доля работающих пенсионеров по возрасту в России устойчиво увеличивалась, достигнув в 2015-2016 гг. практически 40% (рис. 1). Однако по данным на 1 января 2017 г. заняты лишь 24,4% пенсионеров [2]. Такое значительное сокращение занятости населения старше трудоспособного возраста обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 385-ФЗ [5], который приостановил индексацию пенсий работающим пенсионерам. Это свидетельствует о том, что, как минимум, треть занятых в экономике пенсионеров получали за свою работу очень незначительный доход, который определенным образом сопоставим с потерями в размере пенсии, в том числе и перспективными, в связи с прекращением ее индексации. Часть работающих пенсионеров «ушла в тень», т.е. они продолжают трудиться, но уже в рамках неформальной занятости. Часть вынуждена была прекратить трудовую деятельность, что не только снижает использование трудового потенциала людей пенсионного возраста, но и уменьшает продолжительность активной жизни. В последнее время в связи с ускорением постарения населения достаточно часто звучат предложения об отмене пенсии работающим пенсионерам, что, предположительно, должно стимулировать людей откладывать оформление пенсии на более старший возраст. Однако, учитывая

реакцию населения на приостановку индексации пенсии, в этом случае количество работающих в пенсионном возрасте, скорее, не увеличится, а уменьшится, и довольно существенно.

Рис. 1. Динамика удельного веса работающих пенсионеров по возрасту в Российской Федерации в 2000-2017 гг., на начало года, %

Исследования показывают, что даже в условиях высокой занятости пенсионеров трудовой потенциал лиц старшего возраста используется далеко не полностью. Так, по результатам обследования населения старше 55 лет, проведенного в Республике Коми в 2013 г., когда занятость пенсионеров по возрасту превышала в регионе 50%, почти пятая часть неработающих пенсионеров желала устроиться на работу [6]. Однако лица старших возрастов имеют низкую конкурентоспособность на рынке труда. Проблема дискриминации пожилых работников появилась и стала набирать остроту в период социально-экономических реформ 1990-х годов, когда российский рынок труда еще только зарождался. Резкое сокращение производства и традиционных рабочих мест на госпредприятиях сопровождалось вытеснением пенсионеров из сферы занятости, а «новые» работодатели предпочитали принимать на работу молодых работников. С самого начала 1990-х годов на российском рынке труда проявилась открытая форма

дискриминации по возрасту: широкое распространение получили объявления о вакансиях, в которых основной акцент делался на возрасте желаемых работников. Лишь в 2013 г. были приняты поправки в Федеральный закон «О занятости населения» № 1032-1, запрещающие дискриминацию в объявлениях о вакантных рабочих местах [4]. Это улучшает ситуацию, тем не менее скрытые дискриминационные практики остаются. Для приема на хорошую работу работодателями неофициально введен ценз в 35-40 лет, который отражает факт изменения у человека в силу возраста неких психофизиологических качеств: снижение подвижности психики, гибкости, физической силы, работоспособности, повышение утомляемости и проч. [7]. При этом в России именно потенциальный работник должен будет доказать в суде факт возрастной дискриминации при отказе в приеме на работу, а на работодателя распространяется презумпция невиновности, в то время как в странах Евросоюза, США и Канаде подход к доказыванию вины в случаях дискриминации принципиально иной: там работодатель обязан доказать, что принцип равноправия не был нарушен [4].

Более того, достижение или даже приближение пенсионного возраста зачастую сильно ухудшает позиции работников на внутреннем рынке родного предприятия, которому они, возможно, посвятили бóльшую часть жизни. В частности, вышеуказанное обследование показало, что с возрастом убывает не только процент работающих пенсионеров, что закономерно, но в их составе сокращается доля занятых по прежнему месту работы, т.е. пожилые люди постепенно вытесняются со своих рабочих мест [6]. Поэтому в старших возрастных группах преобладают более простые формы занятости, как правило, сопровождаемые частичным наймом. В то же время люди пенсионного возраста в качестве полноценной занятости склонны оценивать, главным образом, работу по прежнему месту трудовой деятельности или работу в другом месте, но на полную ставку, т.е. стабильную занятость. А всякую другую работу, даже несмотря на то, что она приносит доход, они расценивают не только как временную и ситуативную, которую они готовы поменять на другую, но и как вынужденную: только ради приработка.

При этом пенсионеры желают работать и работают не только для увеличения уровня своих доходов. Как считают исследователи, объяснение работы в пенсионном возрасте лишь экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения является ошибочным – главнейшим стимулом для продолжения трудовой занятости после выхода на пенсию остается востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения [8]. И это желание надо всячески стимулировать. По мнению геронтологов, главная задача стареющего общества – мотивация активного долголетия населения. Для этого, с одной стороны, следует исключить любые формы возрастной дискриминации в отношении трудовой деятельности: возраст не должен быть препятствием для продолжения работы или учебы, если для этого нет каких-либо других ограничений. А с другой стороны, надо активизировать самих пожилых людей, постоянно напоминая им, что процесс индивидуального старения ускоряется при резком снижении физической, интеллектуальной и трудовой нагрузки. Главными условиями успешной адаптации общества к его демографическому старению являются ликвидация всех форм дискриминации по возрасту, особенно на рынке труда, и поддержка всех направлений активного долголетия. Трудовая деятельность пожилых людей является не только средством повышения уровня их доходов. Работа, возможность приносить пользу своим близким и всему обществу, увеличение продолжительности активной жизни в огромной степени содействует возрастанию общей продолжительности жизни человека, а это одна из главных стоящих перед нашим обществом целей. Наконец, использование трудового потенциала населения третьего возраста в немалой степени способствует экономическому процветанию страны.

Таким образом, почти для всех сибирских регионов характерны повышенные темпы постарения. Прежде всего это обусловлено миграционным оттоком населения в трудоспособном возрасте. В ХМАО, ЯНАО, Омской области и Алтайском крае его действие усиливается относительно высоким уровнем продолжительности жизни. В Новосибирской, Томской и Тюменской областях существенные темпы постарения

определяются исключительно благоприятной ситуацией в области смертности. Тем не менее, большинство регионов Сибири пока характеризуются уровнем демографического старения ниже среднего по стране. Соответственно, меньше здесь и экономическая нагрузка «сверху». Общероссийский уровень превышен в Курганской и Кемеровской областях и Алтайском крае, близки к нему Новосибирская и Омская области. В ближайшее время темпы постарения населения России будут возрастать. Главное условие адаптации к его ускорению – эффективное использование трудового потенциала населения третьего возраста, в основе которого лежит полное искоренение возрастной дискриминации на рынке труда.

Литература

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
2. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 20.03.2018).
3. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz5ANQIWe77 (дата обращения 20.03.2018).
4. Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. 2013. № 3. С. 27-37.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий». URL: http://base.garant.ru/71294564/ (дата обращения: 20.03.2018).
6. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар, 2014.
7. Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011, Т. 109, № 3. С. 52-81.
8. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012, № 4. С. 62-93.

СИДОРОВА О.С., МОСИЕНКО Н.Л.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

РЫНОК ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ НОВОСИБИРСКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье приводится социологический анализ рынка жилой недвижимости Новосибирска. Анализируются сформированные специально для этой цели карты жилых домов, разбитых на группы по минимальной стоимости. Анализ дополняется данными экспертных интервью.

Ключевые слова: социально-пространственная сегрегация, городские сообщества, престижность.

SIDOROVA O.S, MOSIENKO N.L.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

REAL ESTATE MARKET OF NOVOSIBIRSK: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

This article presents a sociological analysis of the residential real estate market in Novosibirsk. It is analyzed formed specifically for this purpose maps of apartment buildings, divided into groups of a minimum cost. An analysis is complemented with data of expert interviews.

Key words: socio-spatial segregation, urban communities, prestige

Рынок жилой недвижимости предоставляет большие возможности для социологического анализа. С одной стороны, он естественным образом «привязан» к территории; с другой, он проявляет ряд своих характеристик и в социальном пространстве. Эта взаимосвязь физического и социального пространств проявляется, в частности, в престижности одних территорий и непрестижности других. Это делает рынок жилой недвижимости

одним из возможных оснований исследования процессов социально-пространственной сегрегации.

Социально-пространственная сегрегация является одним из естественных процессов, существующих в социальном пространстве города и городской агломерации, затрагивает различные аспекты жизнедеятельности горожан и функционирования города. Сложность данного феномена обусловлена связанностью в нем процессов, происходящих одновременно и в физическом пространстве города, и в социальных отношениях. В социологии города под социально-пространственной сегрегацией обычно понимается полное или частичное обособление в физическом пространстве социальных групп, обусловленное различиями в их социальных характеристиках.

Социально-пространственная сегрегация может принимать различные формы, к примеру, быть основанной на этнических или религиозных признаках. В нашем исследовании же рассматривается сегрегация по статусному признаку, выраженная в концентрации групп со схожими статусными характеристиками в городском пространстве. Актуальность исследования сегрегации в пространстве города обусловлена, прежде всего, социальными негативными и позитивными последствиями, которые возникают в результате данных процессов.

В работах советского периода по проблемам социальной сегрегации признавалось наличие в структуре города историко-социальных районов, различающихся преобладанием представителей тех или иных социальных групп. Однако идеологический контекст данных исследований обуславливал их слабую применимость в качестве методологической основы к изучению современной социальной сегрегации [1].

Среди западных исследователей существенный вклад в развитие идей городской социологии внесли, в частности, работы Р. Парка [2] и Э. Бёрджесса [3]. Важным постулатом данных исследований являлось утверждение, что социальные отношения материализуются в социальном пространстве города.

Вклад в теоретическое осмысление взаимосвязи между статусом индивида и местом его проживания внесли работы

П. Бурдьё [4; 5]. Он, в частности, отмечал, что «…почти повсюду можно наблюдать тенденцию сегрегации в пространстве, когда люди, близкие в социальном пространстве, стремятся стать близкими – по выбору или вынужденно, – в географическом пространстве» [5, с. 187].

В работах Е.Л. Строковой дан обзор литературы по социально-пространственной сегрегации и подходов к определению этого понятия [6]; С.Ю. Барсуковой – проанализированы тенденции социального зонирования российских городов [1]; О.Е. Трущенко – исследованы социальные законодатели городской сегрегации – категории жителей, которые имеют приоритет в выборе места жительства в городе [7]; П.П. Кротова с соавторами – характеризуется рыночная эволюция советской модели жилищной стратификации города: как влияют место работы, образование, возраст, длительность проживания в городе, иными словами, принадлежность человека к определенной социальной группе на то, где он живет, каковы тенденции формирования нового социально-жилищного облика города и в чем его отличия от западного города [8].

Несмотря на обширный круг исследований по данной проблематике, остается потребность в разработке методологических и методических подходов для изучения проблем сегрегации города в современных условиях: меняется ситуация на жилищном рынке, в том числе заметны новые тенденции в жилищном строительстве.

В нашем исследовании показаны подходы к выявлению социально-пространственной сегрегации города через оценку процессов, происходящих на рынке жилой недвижимости. Разработан методический подход, основанный на сочетании картографического метода и экспертного опроса, позволивший зафиксировать процессы сегрегации. Приводятся результаты апробации методического подхода на примере первичного и вторичного рынков недвижимости г. Новосибирска.

Более подробный анализ рынка первичной недвижимости приведен нами в статье «Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости

Новосибирска» в журнале «Регион: экономика и социология» [9]. Здесь же мы лишь кратко опишем этот первый этап и остановимся более подробно на анализе вторичного рынка недвижимости г. Новосибирска.

При разработке методики исследования процессов социально-пространственной сегрегации важно было найти индикаторы рынка жилой недвижимости, через которые можно выявлять социально-пространственную структуру города. В качестве таких дифференцирующих индикаторов были выбраны стоимость жилья и его престижность. Далее опишем более подробно данные индикаторы.

Стоимость жилья. Для того, чтобы зафиксировать социально-пространственную сегрегацию через стоимость жилья отдельно были проанализированы первичный и вторичный рынки жилья. Для разделения жилых домов на группы была взята минимальная стоимость квадратного метра, которая отражает распределение жителей по социальному составу в пространстве города.

Источником информации о минимальной стоимости квадратного метра жилья для домов первичного рынка недвижимости послужили данные сайта www.2gis.ru (раздел «Новостройки»). Недостающая информация собиралась с сайтов компаний-застройщиков.

Первый этап исследования включал анализ только новостроек, поскольку именно рынок новой жилой недвижимости наиболее ярко отражает процессы социально-пространственной сегрегации в городе. Во-первых, новые жилые дома, как правило, строятся сразу с учетом того, какая именно доходная группа в них будет жить. Во-вторых, застройщики новых жилых домов и комплексов обычно учитывают все рыночные факторы и условия (в том числе социальные), которые позволили бы назначить ту или иную стоимость.

Для того, чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации г. Новосибирска через стоимость жилья на первичном рынке, была сформирована база новых жилых домов и комплексов города, которая включает 198 объектов, введенных в эксплуатацию не ранее 2012 г. и еще полностью не реализованных, включая почти введенные в

эксплуатацию и дома на стадии котлована. После разделения всех жилых домов и комплексов было получено 6 групп, разбитых по интервалам минимальной стоимости кв. м. жилья. Затем эти группы были отражены на карте Новосибирска в программе 2ГИС[3], после чего полученное территориальное распределение было проанализировано.

Второй этап включал анализ вторичного рынка южной части Новосибирской агломерации (Советский район и г. Бердск, непосредственно граничащий с территорией Советского района). На данном этапе были проанализированы 759 объявлений о продаже жилья на вторичном рынке недвижимости на указанной территории, на основе которых были рассчитаны средние стоимости кв. м. по 513 жилым домам. Все эти дома были промаркированы цветами по стоимости 1 кв. м. с шагом 10 000 рублей и обозначены на интерактивной карте[4] для наглядности, после чего полученное территориальное распределение было проанализировано.

Престижность жилья. Вторым индикатором, позволяющим фиксировать социально-пространственную сегрегацию, является престижность жилья. Под престижностью мы понимаем сравнительную оценку обществом или группами социальной значимости жилья – его позиции в ценностной системе, включая символическое значение.

Для того, чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации г. Новосибирска через престижность жилья, вторым этапом был проведен ряд экспертных интервью с представителями рынка недвижимости. Экспертами выступали 14 человек: руководители, риэлторы и маркетологи агентств недвижимости, аналитики рынка недвижимости, представители застройщиков.

Исследование проводилось на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска как типичного крупного российского города.

---

[3] 2ГИС - карта города со справочной информацией о городских объектах. В программе для персонального компьютера есть возможность дорисовки карты, что позволило нанести на карту территории с различной стоимостью жилья.

[4] Карту можно найти по ссылке: https://goo.gl/rhSvZG

Экспертное интервью включало в себя три блока вопросов. Задачей первого блока было выяснить, характерно ли для Новосибирска явление социально-пространственной сегрегации, какова социально-пространственная структура города и как она менялась со временем. Второй блок вопросов был направлен на выяснение типичных портретов покупателей различного жилья, расположенного в разных районах города. Третий блок вопросов помог выявить инструменты поддержания определенного социального состава жителей определенных территорий: как именно обеспечивается однородность социального состава жителей в новых жилых домах и комплексах.

В экспертных интервью акцент делался на характеристиках рынка новостроек, но эксперты говорили в том числе и о вторичном рынке.

Результаты анализа первичного рынка жилой недвижимости и экспертных интервью. На основе описаний социально-пространственной структуры города, которые приводили эксперты в интервью, а также анализа интерактивной карты – базы жилых домов и комплексов первичного рынка недвижимости, была построена карта-схема, наглядно иллюстрирующая особенности социально-пространственной структуры Новосибирска (рис.1).

Как показал анализ интерактивной карты новостроек и экспертных интервью, территория Новосибирска разбита на множество участков, районов, отличающихся друг от друга стоимостью и степенью престижности. Данные территориальные единицы мы условно назвали «территориальными кластерами», как относительно гомогенные по стоимости и престижности и компактно расположенные участки города, как правило, застроенные жильем одного типа. Эмпирическим референтом территориального кластера является городской микрорайон или его часть.

Где-то эти кластеры группируются, образуя плавный переход от более престижной территории к менее престижной, а где-то престижный жилой район может граничить с непрестижным.

*Рис.*1. Социально-пространственная структура г. Новосибирска на основе индикаторов рынка первичной жилой недвижимости

Анализ выделенных территориальных кластеров позволил классифицировать их в 6 типов, характерных для рынка нового жилья:

- дорогостоящее жилье в центре города;
- дорогостоящее жилье за городом в наиболее благоприятных природных условиях;
- дорогостоящее жилье в уникальных районах (например, в районах, имеющих уникальный социальный состав жителей);
- жилье среднего класса недалеко от центра города;
- жилье среднего класса на периферии города;
- бюджетное жилье на периферии города.

Наличие кластеров подтверждает и анализ вторичного рынка жилой недвижимости, хоть он и включает только южную часть новосибирской агломерации. Ниже приведены схематичные карты, которые были составлены на основе интерактивной карты (рис.2 и рис.3).

*Рис.*2. Социально-пространственная структура Советского района г. Новосибирска на основе индикаторов рынка вторичной жилой недвижимости

*Рис.*3. Социально-пространственная структура Бердска, Нового поселка и поселка Геологов на основе индикаторов рынка вторичной жилой недвижимости

На картах явно видно, что Верхняя зона Академгородка отличается по стоимости от всей остальной территории, представляя собой кластер дорогостоящего жилья. На порядок дешевле жилье в Нижней зоне Академгородка, за исключением новых жилых комплексов, стоимость жилья в которых сопоставима со стоимостью жилья в Верхней зоне Академгородка. Микрорайоны Шлюз и Нижняя Ельцовка отличается еще более низкими ценами на кв. м. жилья, и наименее дорогостоящее жилье находится в микрорайоне ОбьГЭС и в Бердске. При самом поверхностном взгляде видны эти различия между микрорайонами, но при более детальном анализе видны кластеры и внутри микрорайонов. Так, к примеру, Шлюз условно можно поделить на три кластера: участок старого жилого фонда между ул. Балтийская и ул. Русская; участок нового жилья за ул. Балтийской (ЖК «Балтийский» и ЖК «Миргород»); участок нового жилья за ул. Русской.

Проведенные экспертные интервью также показали, что существуют социальные механизмы поддержания более гомогенного социального состава жителей, а также обеспечивающие возможность вхождения в престижные городские сообщества. Условно эти социальные механизмы были названы фильтрами.

На основе анализа данных интервью были выделены следующие фильтры: высокая стоимость жилья; улучшенная инфраструктура (организация охраны и видеонаблюдения, найм консьержей и т.п.); высокие коммунальные платежи; статус дома клубного типа; принадлежность жителей к профессиональной группе; принадлежность к социальной группе (малоимущие, многодетные семьи, воспитанники приютов и др.).

Это наиболее распространенные, но не все способы поддержания гомогенности и «отфильтровывания» представителей других социальных групп, «чужаков». Существуют также так называемые физические и ментальные границы, которые создаются застройщиками и жителями дома.

Конечно, нельзя говорить об абсолютной социальной гомогенности полученных территориальных кластеров, так как социально-пространственная сегрегация – это сложный многофакторный процесс, но выделение и изучение

территориальных кластеров может в дальнейшем помочь в изучении особенностей формирования территориальных сообществ.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. – М: Московский общественный научный фонд, 2000. – С. 39-57.
2. Парк Р. Э. Избранные очерки. Сборник переводов. – Сост. и пер. с англ.: В.Г. Николаев. – Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 332 с.
3. Бёрджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. – 2000. – № 4. – С. 122-136.
4. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: SocioLogos, 1993. – 336 с.
5. Бурдьё П. Начала: Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
6. Строкова Е.Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования // Городской альманах. Вып. 3. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. – С. 237-246.
7. Трущенко О. Е. Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. – М: Socio-Logos, 1995. – 112 с.
8. Кротов П. П., Буравой М., Лыткина Т. С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. – 99 с.
9. Сидорова О. С., Мосиенко Н. Л. Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска // Регион: Экономика и Социология. – 2017. – №. 2. – С. 308-325.

СОБОЛЕВА С.В., СМИРНОВА Н.Е., ЧУДАЕВА О.В.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ

Работа посвящена рассмотрению особенностей динамики первичной заболеваемости детей и подростков РФ и ее федеральных округов в новом тысячелетии (1999–2016 гг.) с акцентом на Сибирском федеральном округе как наиболее проблемном в плане здоровья населения. Важное место в исследовании уделено классам заболеваемости, вносящим основной вклад в структуру смертности подрастающего поколения: травмам, отравлениям и некоторым другим последствиям воздействия внешних причин; болезням органов дыхания; некоторым инфекционным и паразитарным болезням; новообразованиям и болезням системы кровообращения. Показано, что произошло существенное ухудшение состояния здоровья подрастающего поколения, выражающееся, в том числе, в быстром росте заболеваемости, причем темпы этого роста значительно опережали темпы роста заболеваемости взрослого населения. Плохое состояние здоровья подрастающего поколения негативно скажется в дальнейшем на демографическом потенциале, воспроизводстве будущих поколений и качестве трудовых ресурсов.

Ключевые слова: здоровье детей и подростков, национальная безопасность, заболеваемость, структура заболеваемости, основные классы болезней, динамика заболеваемости, факторы заболеваемости

SOBOLEVA S.V., SMIRNOVA N.E., CHUDAEVA O.V.
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS,
Novosibirsk, Russia

CHILDREN AND ADOLESCENTS MORBIDITY OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: DYNAMICS AND FACTORS

The work is devoted to the peculiarities of children and adolescents primary morbidity dynamics of the Russian Federation and its federal districts in the new millennium (1999-2016) with an emphasis on the Siberian Federal district as the most problematic in terms of public health. An important place in the study is given to the classes of diseases that make the main contribution to the structure of the younger generation mortality: injury, poisoning and certain other consequences of external causes; respiratory diseases; certain infectious and parasitic diseases; neoplasm and diseases of the circulatory system. It is shown that there was a significant deterioration in the health of the younger generation, expressed in the rapid disease growth, and the rate of this growth was significantly ahead of the rate of the adult population growth. The poor state of the younger generation health will have a negative impact on the demographic potential, future generations reproduction and the workforce quality.

Keywords: health of children and adolescents, national security, morbidity, structure of morbidity, main classes of diseases, dynamics of morbidity, factors of morbidity

Несмотря на тенденцию улучшения демографического положения в стране в 2006–2015 гг. [5], ситуация с заболеваемостью населения, и прежде всего детей и подростков, продолжает оставаться напряженной [6, 7]. При этом состояние здоровья подрастающего поколения – важнейший показатель благополучия общества и государства, неотъемлемая составляющая национальной безопасности. Оно характеризует не только текущую ситуацию, но и позволяет прогнозировать состояние здоровья населения в будущем, поскольку основы здоровья взрослого населения формируются в детском возрасте.

Следует также отметить, что плохое состояние здоровья подрастающего поколения негативно скажется в дальнейшем на воспроизводстве будущих поколений, качестве трудовых ресурсов и обороноспособности. Поэтому особое значение с точки зрения не только оценки перспектив здоровья населения, но и будущего страны имеет анализ заболеваемости детей и подростков[5].

Актуальность теме придает и та демографическая ситуация, в которой оказалась Россия в период после реформ 1990-х гг. Она характеризовалась резким ростом смертности населения в сочетании с резким спадом рождаемости, которая в 1999 г. была зафиксирована как самая низкая за всю историю нашего государства. Эти катастрофические тенденции привели к длительной депопуляции в России с 1992 г., которая была временно преодолена в период с 2013 г. по 2015 г., в том числе за счет положительного потенциала, накопленного в 1980-ых – годах относительно высокой рождаемости. Однако с 2016 г. Россия снова скатилась в депопуляцию, но теперь в новых, гораздо более тяжелых демографических условиях: в репродуктивный период вступают малочисленные поколения родившихся уже в постсоветской России с худшим состоянием здоровья, в том числе репродуктивного.

В результате численность детей и подростков в России на начало 2017 г. по сравнению с данными переписи 1989 г., при сопоставимой численности всего населения, сократилась на 10,6 млн – с 40,1 млн до 29,5 млн, а их доля во всем населении – с 27,2% до 20,1% соответственно (табл. 1). Таким образом, их численность за этот период сократилась более чем на четверть, даже с учетом роста рождаемости в последние годы, а также присоединения Крыма. В СФО ситуация еще хуже: за этот же период численность населения сократилась на 8,1%, а численность детей и подростков – почти на треть, несмотря на их более высокую долю во всем населении.

[5] Здесь и далее: дети – возраст 0–14 лет, подростки – возраст 15–17 лет.

Таблица 1

Изменение численности детей и подростков и их долей во всем населении РФ и СФО, 1989–2017 гг.

Возрастные группы населения	Годы								
	1989	2002	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Население РФ всего: млн. чел.	147,0	145,2	142,8	143,1	143,3	143,7	146,3	146,5	146,8
Дети РФ: млн. чел.	34,0	23,8	21,7	22,2	22,8	23,4	24,4	25,0	25,5
%	23,1	16,4	15,1	15,5	15,8	16,3	16,7	17,0	17,4
Подростки РФ: млн. чел.	6,1	7,6	4,5	4,3	4,1	4,0	4,0	4,0	4,0
%	4,1	5,2	3,2	3,0	2,9	2,8	2,7	2,7	2,7
Население СФО всего: млн. чел.	21,0	20,1	19,3	19,3	19,3	19,3	19,3	19,3	19,3
Дети СФО: млн. чел.	5,5	3,5	3,2	3,3	3,4	3,5	3,6	3,7	3,7
%	25,9	17,6	16,6	17,1	17,6	18,0	18,5	18,9	19,3
Подростки СФО: млн. чел.	0,9	1,1	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,6
%	4,4	5,7	3,3	3,1	3,0	2,9	2,8	2,9	2,9

На фоне весьма существенного уменьшения численности детей и подростков с начала 1990-х гг. отмечались совершенно неудовлетворительные показатели состояния их здоровья. В целом в России в состоянии здоровья подрастающего поколения на пороге XXI века были характерны следующие особенности:

• резкое увеличение заболеваемости почти по всем классам;

• рост числа родившихся больными, рост распространенности врожденных аномалий и частоты наследственной патологии;

• быстрый переход заболеваний в хроническую форму;

• увеличение числа сочетанных форм заболеваний;

• нарастание уровня инвалидности;

• нарушение становления репродуктивной системы;

• отклонения психического здоровья;

• увеличение числа дезадаптированных детей;
• снижение показателей физического развития.

Происходило замедление наблюдавшегося ранее ускоренного физического развития детей и подростков. У специалистов появились убедительные данные даже об обратном явлении отмены акселерации, т.е. замедлении процессов биологического созревания всех органов и систем организма [1].

Данные о заболеваемости, вместе с показателями смертности, инвалидности и физического развития, являются основными в оценке состояния здоровья населения. Заболеваемость населения в широком смысле описывается ее структурой, распространенностью и динамикой зарегистрированных болезней среди населения в целом или в отдельных его группах (возрастных, половых, территориальных, профессиональных и др.).

Заболеваемость населения определяется на основе данных об обращаемости населения за медицинской помощью – по числу случаев заболеваний, выявленных в течение года всеми медицинскими учреждениями и при проведении профилактических осмотров. Отношение числа зарегистрированных случаев заболеваний к среднегодовой численности постоянного населения территории определяет уровень заболеваемости (частоту распространения заболеваний).

Обычно выделяют заболеваемость *первичную* при установлении больному диагноза впервые в жизни в данном календарном году и *общую,* учитывающую все случаи заболеваний, которые установлены как впервые, так и при повторном (многократном) обращении больного по поводу данного заболевания.

Цель работы – показать особенности динамики первичной заболеваемости детей и подростков Сибирского федерального округа (СФО) и его регионов за период 1999–2016 гг., провести сравнительный анализ заболеваемости детей и подростков в СФО и в других федеральных округах РФ и России.

В статье представлен анализ динамики первичной заболеваемости детей и подростков СФО и его субъектов в целом и по классам заболеваемости, вносящим основной вклад в

показатели их смертности. Информационную базу исследования составили данные Росстата.

Первичная заболеваемость детей и подростков СФО, 1999–2016 гг.

На протяжении 1999–2016 гг. наблюдалась тенденция роста заболеваемости населения[6] с некоторой стабилизацией и даже небольшим снижением в последние годы (рис. 1). Детская заболеваемость увеличилась за этот период: в РФ – на 27,4%, в СФО – на 41,0% при росте заболеваемости всего населения за тот же период, соответственно, на 10,6% – в РФ и на 25,0% – в СФО. Подростковая заболеваемость росла еще более быстрыми темпами, чем у детей, и увеличилась на 59,1% – в РФ и на 61,7% – в СФО. Таким образом, темпы роста заболеваемости детей и особенно подростков существенно превосходили темпы роста заболеваемости всего населения, а это означает, что они еще более значительно превышали темпы роста заболеваемости взрослого населения (18 лет и старше). Причем в СФО темпы роста заболеваемости во всех трех рассматриваемых возрастных группах выше, чем в среднем по России.

При этом на всем рассматриваемом промежутке времени в СФО детская заболеваемость была ниже, чем в РФ, хотя разрыв к 2016 г. значительно сократился, подростковая примерно одинаковая, а заболеваемость всего населения выше, чем в РФ, и этот разрыв увеличивался во времени.

По детской и подростковой заболеваемости СФО в 2016 г. имеет средние показатели, близкие к данным по РФ, относительно лучшее положение только в Южном и особенно в Северо-Кавказском федеральных округах (рис. 2). Далее, как по РФ в целом, так и почти по всем округам, начиная с 2012 г. наметилась тенденция стабилизации либо сокращения заболеваемости.

Выделим три группы федеральных округов по уровню заболеваемости подрастающего поколения в 1999–2016 гг.:

---

[6] Здесь и далее: зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения.

1. Среднероссийский уровень: Центральный, Уральский, Сибирский.

2. Ниже среднероссийского: Южный, Северо-Кавказский.

3. Выше среднероссийского: Северо-Западный, Дальневосточный, Приволжский.

Рис. 1. Динамика заболеваемости всего населения, детей и подростков за период 1999–2016 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения соответствующего возраста)

В 2016 г. среди субъектов СФО хуже всего ситуация с детской заболеваемостью была в Иркутской области, превышающей средний по округу показатель почти на четверть. По подростковой заболеваемости Алтайский край превзошел средний по СФО показатель на треть. Таким образом, и в СФО с более низкими показателями заболеваемости в среднем, чем в федеральных округах третьей группы, имеются регионы с очень высоким уровнем заболеваемости детей и подростков. Реже, чем в среднем по округу, регистрировалась заболеваемость детей и подростков в Республике Бурятия и Республике Тыва, хотя ситуация с подростками в последней в конце периода существенно ухудшилась (рис. 3).

Рис. 2. Динамика заболеваемости детей и подростков за период 1999–2016 гг. по федеральным округам РФ (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения соответствующего возраста)

Рис. 3. Динамика заболеваемости детей и подростков в субъектах СФО за период 1999–2016 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения соответствующего возраста)

Рис. 4. Динамика заболеваемости детей и подростков в субъектах СФО, данные за 2016 г. в % к данным за 1999 г. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения соответствующего возраста)

Среди субъектов СФО наибольший рост заболеваемости детей за период 1999–2016 гг. произошел в Забайкальском крае и в Иркутской области – 1,7 раза, по подростковой заболеваемости рост составил: в Республике Тыва – в 3,2 раза, в Забайкальском крае – в 2,0 раза, в Красноярском крае – в 1,9 раза (рис. 4). Наименьшими темпами росла заболеваемость детей в Омской области и подростков – в Томской области. Следует отметить, что единственным регионом, в котором было зарегистрировано снижение детской заболеваемости за этот период, является Республика Тыва.

Первичная заболеваемость детей и подростков СФО по классам болезней, вносящим основной вклад в показатели смертности

Структуры детской и подростковой заболеваемости в 2016 г. и их изменения по сравнению с 2000 г. представлены на рисунках 5, 6. И у детей, и у подростков чаще всего регистрируются болезни органов дыхания, и доля этого класса в структуре заболеваемости увеличивается, особенно у детей.

У детей основное место в структуре заболеваемости в 2016 г. занимали болезни органов дыхания (66,0%); нервной системы и органов чувств (8,2); травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин (5,4%); болезни органов пищеварения (4,9%); некоторые инфекционные и паразитарные (4,0); кожи и подкожной клетчатки (3,5%).

У подростков болезни органов дыхания занимали значительно меньшую долю (49,3%); травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин – большую (11,3%). Значимый вклад в их заболеваемость вносили также болезни нервной системы и органов чувств (9,9%); органов пищеварения (6,6%); костно-мышечной системы и соединительной ткани (5,0%); кожи и подкожной клетчатки (4,7%); мочеполовой системы (4,4%).

Рис. 5. Структура детской заболеваемости в СФО в 2016 г. (в скобках данные за 2000 г.), %

Рис. 6. Структура подростковой заболеваемости в СФО в 2016 г. (в скобках данные за 2000 г.), %

Основной вклад в структуру смертности подрастающего поколения вносят: внешние причины смерти, болезни органов дыхания, некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, а также болезни системы кровообращения. По всем этим классам, за исключением только инфекционных и паразитарных болезней, заболеваемость в 1999–2016 гг. существенно выросла, особенно сильно по новообразованиям – более чем в 2,5 раза (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение темпов роста заболеваемости детей, подростков и всего населения в СФО по некоторым классам заболеваний в период 1999–2016 гг.: 2016 г. в % к 1999 г. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения соответствующего возраста)

Возрастные группы населения	Основные классы заболеваемости					
	Заболеваемость, всего	Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	Болезни органов дыхания	Некоторые виды инфекционных и паразитарных болезней	Новообразования	Болезни системы кровообращения
Все население	125,0	113,7	130,0	68,1	169,6	210,4
Дети	141,0	114,4	166,9	70,1	252,6	122,6
Подростки	161,7	158,8	183,4	80,4	259,1	219,1

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что, наряду со значительным количественным сокращением численности детей и подростков и их доли во всем населении, произошло существенное качественное ухудшение их состояния, выражающееся, в том числе, быстрым ростом заболеваемости. Причем темпы этого роста опережали темпы роста заболеваемости взрослого населения. Серьезность ситуации подчеркивает и тот факт, что зафиксированный рост заболеваемости происходил по сравнению с послекризисным 1999 г., взятым за базу, который сам характеризуется резким ростом смертности и заболеваемости населения относительно

периода до распада СССР и проведения либеральных реформ в России. При этом в СФО выявлен более высокий прирост заболеваемости по сравнению со среднероссийскими показателями.

Перечисленные тенденции в состоянии здоровья подрастающего поколения связаны с целым комплексом факторов, неблагоприятно влияющих на растущий организм. Наиболее значимыми из них можно считать [1, 3]:

• ухудшение условий и уровня жизни большинства детей и подростков;

• изменение качества и структуры питания, дефицит белков, витаминов, минералов и микроэлементов;

• воздействие экологических факторов, все возрастающую техногенную нагрузку, приводящих к загрязнению окружающей среды токсическими продуктами, постоянное присутствие аллергенных и иммунно-депрессивных факторов, способствующих нарушению обмена веществ и иммунитета, дефицит условий для биологически полноценного формирования и развития детского организма;

• высокие учебные нагрузки, превышающие допустимые ежедневные нормы, в сочетании с низкими физическими;

• девиантное поведение подростков, в частности курение, употребление алкоголя, наркотиков, токсикоманию, игроманию, что создает неблагоприятный фон для формирования патологии;

• снижение уровня здоровья женщин репродуктивного возраста, оказывающее влияние на здоровье новорожденных;

• высокую медикаментозную нагрузку, которая приводит ко многим негативным изменениям в детском организме, в первую очередь к снижению естественных защитных сил организма и развитию полиорганной патологии;

• снижение доступности и качества медицинской помощи, особенно специализированной, в первую очередь для наименее обеспеченных слоев населения, вследствие оптимизации медицинских учреждений в регионах и проблемы дефицита кадров, коммерциализацию здравоохранения.

Продолжает сохраняться несоответствие между обязательствами государства по предоставлению гражданам

России бесплатной медицинской помощи и выделяемыми на эти цели финансовыми ресурсами.

По оценкам ЮНИСЕФ несомненной доминантой в формировании нездоровья населения России в современных условиях является снижение социально-экономического благополучия ее жителей, и прежде всего семей с детьми, особенно многодетных и неполных. В первую очередь – это бедность, которая создает повышенный риск заболеваемости, более выраженное негативное воздействие факторов окружающей среды, неудовлетворительное питание и многое другое. Таким образом, бедность опосредовано определяет влияние множества других факторов [4].

В России – значительное число бедных при относительно высоком среднем душевом доходе населения. Причина заключается в чрезмерном разрыве в доходах бедных и богатых, при этом 70% получают ниже среднего. Российское законодательство долгое время позволяло выплачивать зарплаты ниже прожиточного минимума, причем даже в бюджетной сфере и за квалифицированный труд. При этом сам прожиточный минимум сильно занижен и не включает в себя аренду или покупку жилья, пользование платными медицинскими и образовательными услугами и т.д. Таким образом, прежде всего само государство на протяжении длительного времени нарушает продекларированное в Конституции РФ важнейшее право на жизнь. А ведь у этих работников с чрезвычайно низкими зарплатами имеются еще и иждивенцы в виде детей.

Рождение ребенка сильно понижает и без того часто невысокие среднедушевые доходы в семье, в результате в России у бедности детское лицо – более половины всех бедных (60%) это семьи с детьми [2]. Причем бедность в РФ имеет застойный характер, длится многие годы и чем больше семья, тем устойчивей ее бедность. Бедность семей с детьми приводит не только к ухудшению здоровья населения, в том числе на перспективу, но и является мощнейшим тормозом на пути демографического возрождения страны и ее выхода из депопуляции.

Литература

1. *Баранов А.А., Щеплягина Л.А.* Здоровье детей на пороге XXI века: пути решения проблемы // Русский медицинский журнал. – 2000. – № 18. – С. 737–738.

2. *Звездина П., Гатинский А.* Больше половины бедных в России пришлось на семьи с детьми. – URL: https://www.rbc.ru/society/06/09/2017/59aff6859a794749b39bc2bb (дата обращения: 11.04.2018).

3. *Майорова Е.К.* Современные особенности заболеваемости детей мегаполиса и пути ее снижения. – URL: http://www.orgma.ru/files/Nauchnaya_deyatelnost/Dis_Sovet/D1/Kandidatskie_D1/Maiorova/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

4. *Смертность* подростков в Российской Федерации // ЮНИСЕФ. – М. – 2010. – 66 стр.

5. *Соболева С.В.* Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 97–115.

6. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Современные тренды заболеваемости населения Сибирского федерального округа // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 3. – С. 90–104.

7. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Заболеваемость населения Сибири в контексте российских тенденций // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Том 25. – № 1. – С. 71–80.

СУЛЕЙМАНОВА Ф. Г.
Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета
ХАРЧЕНКО И. И.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСТВА ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ С ПОЗИЦИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятие человеческого потенциала актуально для изучения социально-экономических вопросов постиндустриального общества, когда в развитии человечества наступает период информационных и интеллектуальноёмких технологий, когда главным фактором инновационной экономики становятся знания и компетенции. В статье рассматриваются некоторые характеристики профессиональной подготовленности и социальной активности студенчества, позволяющие выявить ряд предпосылок для реализации человеческого потенциала молодежи в развитии инновационной экономики и укреплении гражданского общества. Используются данные социологического обследования, проведенного ИЭОПП СО РАН при содействии СУНЦ НГУ в 2015/16 учебном году в системе высшего и профессионального образования Новосибирской области. Вовлеченность большинства студентов в общие дела образовательного учреждения авторы статьи относят к благоприятным предпосылкам для формирования и развития гражданского общества. В то же время опрошенные молодые люди отмечают, что в стране недостаточно условий для применения сил и способностей молодежи, выражают неуверенность, смогут ли они, став взрослыми, повлиять на изменения в России к лучшему, а также замечают (в своем большинстве) низкую востребованность инновационных компетенций в современной отечественной экономике.

Ключевые слова: человеческий потенциал, инновационная экономика, социальная активность, вовлеченность, студенчество, гражданское общество

SULEYMANOVA F. G.
Specialized Educational and Scientific Center
of Novosibirsk State University
KHARCHENKO I. I.
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russia

HUMAN DEVELOPMENT AND SOCIAL ACTIVITY OF UNIVERSITY AND COLLEGE STUDENTS OF NOVOSIBIRSK REGION BY THE REQUIREMENTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY AND CIVIL SOCIETY

The concept of human development is relevant to study socio-economic issues of postindustrial society, when the development of mankind is followed by information and intellectually capacious technologies, when knowledge and competences became the main factor of the innovative economy. The article examines some of characteristics of professional skills and social activity of interrogated students, which makes it possible to identify a number of prerequisites for realizing the human development of young people in innovative economy and civil society. The data of the sociological survey conducted by the IEIE SB RAS with the assistance of SESC NSU in 2015/16 school year in the system of higher and professional education of Novosibirsk region are used. Remarkable level of participation in the collective students' affairs are considered as prerequisites for activity in civil society. At the same time, young people note that there are less conditions in the country for using the forces and abilities of youth, expressing uncertainty whether they will be able to influence the changes in Russia for the better, and also notice (in their majority) the low demand for innovative competencies in the domestic economy.

Key words: human development; innovative economy; social activity; involvement; students; civil society.

Современный вектор развития России связан с ее возможностями отвечать на внешние и внутренние вызовы. В числе таких ответов авторы статьи видят инновационное развитие экономики и укрепление гражданского общества. Эти задачи не могут быть решены без активного участия молодого поколения, его общегражданской и профессиональной подготовленности (компетентности) и мотивации к конструктивной деятельности. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года отмечено, что «одной из основных задач инновационного развития является создание условий для формирования у граждан следующих компетенций инновационной деятельности: способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску; креативность и предприимчивость; умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и в высоко конкурентной среде; владение иностранными языками, предполагающее способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению» [1, с. 36].

Большую роль в формировании и развитии человеческого потенциала играет уровень развития гражданского общества, и наоборот социальная активность населения укрепляет гражданское общество. Гражданское общество мы рассматриваем как систему общественных отношений и институтов относительно независимых от государственной власти и развивающихся во всех сферах общественной жизни, экономике, культуре, межнациональных отношениях, религии, образовании и т.д. Социальными функциями гражданского общества являются следующие: выражать различные индивидуальные и общественные интересы; вырабатывать и выражать общественное мнение по ключевым вопросам социальной и государственной жизни; опосредовать отношения человека и государства, обеспечивая ему социальную защиту; ограничивать государственное вмешательство в различные сферы деятельности общества.

Развитие человеческого потенциала тесно связано с расширением возможностей выбора, с расширением «круга вероятных сценариев самореализации человека как личности» [2, с. 209]. Социальное развитие личности достигается в закономерном процессе взросления и социализации. Оно может быть ускорено созданием среды, предоставляющей дополнительные возможности развития, например, практика самоуправления, участие в творческих кружках, школах, студиях, в общественно-полезных занятиях и пр. [3, с. 19] Также отметим, что в нашем изменяющемся обществе становление личности невозможно без социальной адаптации.

В своих прикладных исследованиях мы рассматриваем человеческий потенциал как единство способностей, полученных человеком знаний, компетенций, качеств, жизненного опыта совместно с мотивацией и готовностью личности реализовать эти имеющиеся возможности (предпосылки), также с учетом влияния внешних условий, способствующих или противодействующих реализации задуманного. Как уже отмечалось, вероятных вариантов самореализации личности может быть много, соответственно разной будет и удовлетворенность результатом, что изучается нами через социальное самочувствие индивидов и групп.

При изучении образовательного поведения и персонального развития студентов хорошие результаты показывает концепция студенческой вовлеченности, разработанная А. Астином [6], также применяемая при изучении российского студенчества (см., например, [4, 5]). Студенческая вовлеченность тесно связана с понятием учебной мотивации. Однако у А. Астина вовлеченность в б***о***льшей степени отражает поведенческий аспект. Астин говорит, что ответить на вопрос «Как мотивировать студентов?» сложнее, чем решить вопрос «Как сделать студентов вовлеченными?» [6, с.518, 522]. Согласно теоретической модели В. Тинто, решение студента о добровольном отчислении из колледжа является протяженным во времени процессом и зависит от ряда факторов (объективные атрибуты индивида, способности, предшествующий учебный опыт, статус семьи и др.), а также от степени интеграции индивида (по сути, вовлеченности) в академическую и

социальную систему колледжа. Интеграция в академическую систему означает хорошую успеваемость, интеллектуальное развитие, приверженность своей личной цели получить высшее образование (завершить колледж). Интеграция в социальную систему характеризуется взаимодействием с однокурсниками и коллективом колледжа, приверженностью к конкретному образовательному институту и его общим ценностям, участием в студенческой жизни. Одна из возможных «модельных» поведенческих траекторий объясняет, что при прочих равных условиях слабая интегрированность в одну или обе из этих систем влияет на принятии студентом решения о прекращении обучения в колледже [7, с.94-96]. Учитывая вышесказанное, обоснованно рассматривать разные виды вовлеченности студентов в качестве факторов, влияющих на тот или иной результат их деятельности или на достигнутое качество обучения.

Для оценки человеческого потенциала и социальной активности молодежи воспользуемся эмпирической базой, собранной Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН при содействии Специализированного учебно-научного центра НГУ. В 2015/16 учебном году для изучения образовательного поведения и профессионального самоопределения студентов было проведено социологическое обследование в 12 государственных вузах и 26 учреждениях СПО г.Новосибирска и районов области. Собрано 4670 анкет студентов на очных отделениях выпускных и предвыпускных курсов, из них: в вузах – 2504, в ссузах – 1629, в СПО по программам подготовки рабочих – 427 анкет. Выборка доступная, квотная по основным отраслевым группам специальностей.

К благоприятным предпосылкам для формирования и развития гражданского общества можно отнести вовлеченность большинства респондентов в общие дела студенческого коллектива. В период очного обучения студенческая молодежь независимо от желания включена в коллектив, поэтому закономерно, что участие в коллективных делах затрагивает б*о*льшую часть учащейся молодежи. Так, в общественные дела группы, факультета учебного заведения вовлечены в той или

иной мере около 2/3 студентов выпускных курсов всех 3-х типов учебных заведений: «участвуют активно» - 20%, «участвуют иногда» - 41%, «почти не участвуют, либо совсем не участвуют» - 40%. Среди добровольной активности преобладают систематические занятия спортом – так указал каждый второй опрошенный во всех 3-х типах учебных заведений. Среди выпускников ссузов и СПО относительно больше, чем в вузах, вовлеченных в коллективную творческую деятельность, такую как участие в концертах, конкурсах, выставках и подготовка к ним (более трети), а также – волонтёрскую деятельность, в которой участвует примерно пятая часть студентов (табл. 1). В этих учебных заведениях также более, чем в среднем, распространено обучение дополнительным профессиям, а также освоение в организованных формах инновационных компетенций и проектного творчества (от 9 до 12%), хотя последнее отнюдь нельзя признать массовым. Напротив, студенты вузов заметно чаще занимаются дополнительными делами, связанными с их будущей профессией, или с осмыслением полученных знаний (например, 40% указали, что участвуют в научных студенческих конференциях, 52% - занимаются по своей инициативе сверх обязательной программы).

Таблица 1

Доля студентов, принимающих участие в общественных делах и инициативных занятиях, в зависимости от уровня профессионального образования, (% к ответившим)

Виды занятий:	Вуз	ССУЗ	СПО (рабочие)	В среднем
1	2	3	4	5
Участвуют в общественных делах группы, факультета ССУЗа / вуза («активно» + «иногда»)	57	66	66	61
Участвуют в выставках и конкурсах творческих работ	15	27	25	20
Выступают в концертных программах, на праздниках	28	42	35	34

Продолжение таблицы 1

Виды занятий:	Вуз	ССУЗ	СПО (рабочие)	В среднем
1	2	3	4	5
Систематически занимаются спортом	49	50	52	50
Занимаются на факультете дополнительных профессий	6	12	13	9
Участвуют в группах развития инновационных компетенций, проектного творчества	3	9	12	6
Участвуют в волонтёрском движении	11	19	16	14
Имеют творческие работы (литературные, научные, художественные, технические, музыкальные)	35	30	26	32
Есть публикации в научных изданиях	23	6	6	15
Есть публикации в других изданиях или СМИ	15	10	10	12
Участвуют в научных конференциях	40	26	12	32
Предпринимают дополнительные усилия сверх обязательной программы, чтобы лучше учиться, повысить свои шансы при дальнейшем трудоустройстве или для продолжения образования	52	39	30	45

По мнению Бодак А.В. одним из компонентов человеческого потенциала является возможность проявлять социальную активность и участвовать в жизни общества [8, с. 17]. Как мы видим по приведенным в таблице данным, социальная активность дает заметный вклад в наращивание человеческого потенциала молодежи: если брать в среднем, то каждый второй студент увлекается спортом, каждый третий вовлечен в

творческую социально-культурную деятельность и большинство участвуют в общественных делах образовательного учреждения.

В современной инновационной экономике востребованы именно те человеческие качества, которые необходимы для работы на современных производствах и которые во многом зависят от креативных способностей выпускников [9, с. 43]. Процесс развития человеческого потенциала определяется возможностями человека именно в творческой самореализации, возможностью создания творческих работ и новых продуктов. Почти половина всех студентов занята творческим поиском: среди всех опрошенных имеют творческие работы – 32%, и еще 17% только «пытаются сочинять, создавать». Довести свою творческую деятельность до законченного результата чаще удается студентам вузов - 35% (против 30% в ссузах и 20% в СПО). Другая половина новосибирского студенчества не увлечена творчеством, но частично увлечена спортивными занятиями, несет общественную нагрузку, да и сам процесс приобретения знаний занимает значительную часть времени.

В целом более, чем каждый второй студент вуза, ссуза и СПО удовлетворен имеющимися возможностями личностного развития в плане доступности организованных форм занятий, кружков, секций, и др. Однако лишь 29% всех опрошенных (среди студентов вузов таковых 24%) пользуется данными возможностями, а остальные отметили несовпадение своих интересов с тем, что предлагается для молодежи в организованном порядке.

Заранее трудно предсказать насколько повлияет разнообразная деятельность студентов в период учебы на их будущую профессиональную и социальную активность. Однако пока восприятие студентами социально-экономической реальности не слишком оптимистичное. Большинство опрошенных не знают, либо не уверены, смогут ли они повлиять в будущем на изменения в России к лучшему (рис.1). Молодежь вузов в несколько большей степени, чем среднего профобразования надеется, что они смогут целенаправленно изменить ситуацию к лучшему (38% против 32%). По сути, большая часть студенчества полагает, что находится под воздействием внешних обстоятельств, не способствующих их

вовлеченности в это общее дело. Данная тема является одной из важных в социальных науках - может ли человек изменить мир или он полностью подвержен внешним обстоятельствам. Это отражается и на эмоциональном состоянии студентов. Можно заметить, что только половина опрошенных из ссузов и СПО смотрят в свое будущее «с уверенностью и оптимизмом», однако среди опрошенных в вузах таковых еще меньше (38%). Студенты вузов (47%) чаще других испытывают «смешанные чувства». Все же благоприятно, что «неуверенность и тревога» довлеет над мыслями относительно небольшой части студентов.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в будущем удастся ли Вам лично что-либо сделать, изменить, чтобы Россия развивалась успешнее?», % к числу ответивших

Рассмотрим далее, какие предпосылки имеются для реализации человеческого потенциала студенчества в развитии инновационной экономики. Данные массового опроса свидетельствуют, что формированию инновационных компетенций уже на ученической скамье препятствует недостаточный интерес студентов к экономике нового типа (инновационной). Так, на вопрос «Хотели бы Вы в дальнейшем работать, участвовать в экономике нового типа (инновационной)?» дали ответ «меня это не интересует» 53% студентов вузов, 65% – ссузов и 72% - СПО. Возможно,

препятствует этому низкая вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность в период обучения. Так, даже в вузах только треть студентов занимаются научными исследованиями в той или иной форме, и еще треть – хотели бы заниматься, но не имеют возможности, остальных это не интересует. В ссузах это соотношение еще более наглядное – 23, 41 и 36% соответственно.

Желание в дальнейшем работать в сфере научных исследований также невысокое – «безусловно» или «при определенных условиях» согласны 24% всех опрошенных (в вузах - 27%). Также в своем большинстве (примерно три четверти) студенты не видят в современной экономике востребованности инновационных компетенций, относящихся к созданию нового продукта или услуги. Соответствует такому представлению их собственный низкий уровень практического владения такими компетенциями как умение нестандартно мыслить, находить творческие решения, способность генерировать новые идеи и/или воплощать их в жизнь (около четверти опрошенных). Гораздо чаще (примерно в 2 раза) студенты отмечают в современной экономике среди запросов работодателей «модернизационные» потребности, связанные с освоением уже созданных инноваций, чему компетенции каждого второго студента вполне соответствуют. Однако проблемной выглядит гораздо более важная компетенция - несоответствующий высоким запросам работодателей низкий уровень владения конкретными практическими навыками работы среди студентов.

Рассмотрим некоторые установки и ориентации студентов, характеризующие их потенциальное социальное поведение (табл.2). По полученным в ходе массового опроса данным к числу благоприятных предпосылок для реализации человеческого потенциала учащейся молодежи можно отнести потребность в профессиональной самореализации, готовность к непрерывному образованию, относительно высокий ранг образования и интересной работы в их системе жизненных ценностей и другие характеристики. Также выявлено, что особенным качеством молодежи является ее адаптированность к рыночным отношениям в экономике: мобильность при поиске подходящей

работы, стремление к карьерному росту, высоким заработкам, личному успеху, стремление проявить себя в деле и иметь свой бизнес (табл.2).

Таблица 2

Распределение ответов студентов на вопрос «Какими принципами Вы предпочитаете руководствоваться в своей жизни? Что Вам больше по душе?», % к числу ответивших. (В каждой из предложенных пар высказываний предлагалось выбрать один ответ)

№	Пары альтернативных высказываний	Вуз	ССУЗ	СПО (рабочие)
1	2	3	4	5
1	1. Иметь небольшой, но гарантированный заработок	50	34	51
	2. Стремиться получать высокие доходы, хотя и без гарантии	50	46	49
2	1. Работать по найму	40	32	29
	2. Иметь собственное дело	60	68	71
3	1. Строить профессиональную карьеру по своей основной специальности	69	71	66
	2. Менять специальность (профессию) в зависимости от конъюнктуры рынка	31	29	35
4	1. Работать преимущественно для общего блага	35	42	42
	2. Работать в основном на личный успех	65	58	58
5	1. Быть хорошим исполнителем	48	60	63
	2. Проявлять свое "я", быть лидером, брать ответственность на себя	52	40	37
6	1. Не выделяться, быть как все	17	28	33
	2. Пробиваться в жизни, пытаться занять высокое положение	83	72	67
7	1. Быть осторожным, не рисковать в делах, новых ситуациях	36	36	40
	2. Не бояться риска: кто не рискует, не имеет успеха	64	64	60
8	1. Держаться за ту работу, которую имеешь	24	39	48
	2. Не бояться менять работу, искать, где лучше	76	61	52

Продолжение таблицы 2

№	Пары альтернативных высказываний	Вуз	ССУЗ	СПО (рабочие)
1	2	3	4	5
9	1. Получить высокое образование и активно его использовать для успеха	68	67	61
	2. Образование – не главное, достигнуть успеха можно другим путем	32	33	39
10	1. Создавать или участвовать в создании продукции (товаров, услуг, благ)	63	57	58
	2. Продавать, продвигать на рынок товары и услуги, созданные другими	37	43	43

И это вполне объяснимо, когда в современных условиях за все необходимо платить, то возможность зарабатывать или сделать хорошую карьеру имеет существенное значение. Однако молодые люди отмечают, что в стране недостаточно условий для применения своих сил и способностей, как для достижения личного благополучия, так и на общее благо. Отмечают также низкую востребованность инновационных компетенций в современной экономике. Многие не уверены в том, что смогут повлиять на изменения в России к лучшему. Пока не отмечается необходимого интереса студентов к инновационной экономике или научно-исследовательской сфере как потенциальному месту работы. По сути, студенческая молодежь гораздо больше озадачена адаптацией к реалиям российской рыночной экономики, чем интересом к инновациям. Для формирования у студентов интереса к научно-инновационной сфере необходимо вовлечение студентов еще на стадии обучения в вузе или ссузе в работу организаций, занимающихся инновационной деятельностью, будь это инновационная компания или инновационная инфраструктура самого образовательного учреждения. По мнению отдельных исследователей, одним из путей решения такой задачи является разработка методологии стратегического развития человеческого потенциала в высшей школе, которая «обеспечивает выявление способностей

организации, преподавателей, студентов к изменениям, обучению и самосовершенствованию» [10, с.37]. Немаловажной стороной является также то, что сами студенты должны прикладывать усилия для формирования своих инновационных компетенций – стать более креативными, коммуникабельными и ответственными. В тоже время в исследовании было выявлено, что желание молодежи использовать для своего личностного развития имеющиеся в доступности готовые формы и структуры отнюдь не массовое. Необходимо продолжить поиск новых форм общественного участия, актуальных для молодежи.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://government.ru/docs/9282/. (дата обращения: 22.01.2017).

2. Роль гражданского общества для достижения целей развития тысячелетия в контексте РФ. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской федерации «Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития» / Программа развития Организации Объединенных Наций в Российской Федерации, 2005, с. 206-220. Режим доступа: https://hd.econ.msu.ru/reports/RF/ (дата обращения: 22.02.2010).

3. Крокинская О. К. Человеческий потенциал гражданского общества в современной России: Антропоцентрический критерий социальных изменений. / автореферат Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, 2002. 30с. Режим доступа: http://diss.seluk.ru/av-sotsiologiya/1107053-1-chelovecheskiy-potencial-grazhdanskogo-obschestva-sovremennoy-rossii-antropocentricheskiy-kriteriy-socialnih-izmeneniy.php1.

4. Малошонок Н. Г. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://cim.hse.ru/data/2011/05/27/1212557253/11_2011_6.pdf/ (дата обращения: 19.04.2018).

5. Щеглова И. А., Корешникова Ю. Н. Студенческая вовлеченность в академическую, научную и внеучебную

деятельность как фактор развития навыка критического мышления: на примере научно-исследовательского университета России. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://conf.hse.ru/2018/program/#11.04.2018Vb/ (дата обращения: 19.04.2018).

6. Astin, A.W. (1999). Student involvement: a development theory for higher education. // Journal of College Student Development, 40 (5), 518-529.

7. Tinto, V. Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research // Review of Educational Research.

1975. 45, 1, 89-125.

8. Бодак А. В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества. / Материалы XX окружных научных социальных чтений (г. Сургут, 29–30 октября 2015 года).

9. Иванов С. А. Человеческий потенциал инновационной экономики: проблемы формирования и использования в современной России // Вестник Российской академии естественных наук, 2015, 19(3): с.41–47.

10. Евдокимова Л. О. Человеческий потенциал в методологии развития сферы услуг. [Электронный ресурс] / Научно-теоретический журнал «Общество. Среда. Развитие» («TERRA HUMANA»). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/journal/n/obschestvo-sreda-razvitie-terra-humana (дата обращения: 05.03.2018).

ЩЕТИНИНА И.В.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия
Сибирский НИИ экономики сельского хозяйства СФНЦА РАН, р.п. Краснообск, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ СИБИРИ

В статье рассматриваются проблемы и возможности обеспечения продовольственной безопасности в регионах Сибири. Предложено выделять вертикальные и горизонтальные уровни продовольственной безопасности, учитывать особенности международного сотрудничества, специфику сибирских регионов; необходимость обеспечения физической, социальной и экономической доступности продуктов питания в соответствии с медицинскими рекомендациями. Сформулированы основные концептуальные положения, позволяющие достичь и сохранить продовольственную безопасность на уровне каждого региона.

Ключевые слова: АПК, продовольственная безопасность, Сибирь, физическая, экономическая и социальная доступность.

SHCHETININA I.V.
Institute of Economics and organization of industrial productionof the SB RAS, Novosibirsk
Siberian Research Institute of Agricultural Economics of the Siberian Federal Scientific Center of Agrobiotechnology of the RAS, Krasnoobsk settlement

CONCEPTUAL ASPECTS OF FOOD SECURITY OF SIBERIA REGIONS

The article examines the problems and opportunities for ensuring food security in the regions of Siberia. It is suggested to allocate vertical and horizontal levels of food security, take into account the specifics of international cooperation, the specifics of the Siberian

regions; the need to ensure physical, social and economic accessibility of food products in accordance with medical recommendations. The main conceptual provisions that allow to achieve and retain food security at the level of each region are formulated.

Keywords: AIC, food security, Siberia, physical, economic and social accessibility.

Продовольственная безопасность является одной из основ социальной безопасности и национальной независимости страны в условиях современных глобальных политических вызовов.

Продовольственная безопасность должна рассматриваться как на уровне отдельного человека, семьи (индивидуальный уровень), так и на уровне страны (государственный уровень), ее регионов и муниципальных образований (региональный и муниципальный уровни). Каждый из указанных уровней имеет свои специфические особенности.

Кроме того, в современных условиях глобализации экономики целесообразно выделить уровень международных объединений, которые также играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности отдельных стран, народов и каждого человека, попавшего в сложные жизненные условия (природные катаклизмы, военные конфликты и др.). Такие организации, как ООН, АТЭС (OPEC), ЕС, ЕАЭС и другие разрабатывают условия и механизмы, позволяющие поддержать страны-участницы в обеспечении продовольственной безопасности.

Для регионов Сибири все эти уровни важны, в том числе обеспечение продовольственной безопасности в рамках международных объединений. Например, в ЕАЭС действуют принципы Единого экономического пространства (ЕЭП) со свободным движением капиталов, товаров и услуг, а также рабочей силы. Всё это оказывает, с одной стороны, положительное влияние на повышение физической и экономической доступности продуктов питания для населения сибирских регионов; с другой – повышает уровень конкуренции на отечественных рынках и ведет к снижению доходов сельхозтоваропроизводителей.

Кроме того, часть налоговых поступлений от регионов в федеральный бюджет направляется в фонды данных международных организаций. Так, взнос России в Евразийский фонд стабилизации и развития составляет более 88 % (табл. 1).

Таблица 1

Евразийский фонд стабилизации и развития, 2016 г.

Страна	Взносы, млн долл.	Доля в общей сумме взносов, %	Получение кредита для развития АПК, млн долл.
Россия	7500	88,1	х
Казахстан	1000	11,747	х
Беларусь	10	0,117	х
Армения	1	0,012	65
Кыргызстан	1	0,012	45
Таджикистан	1	0,012	х
Итого	8513	100	х

Источник: рассчитано автором по данным [1].

Растут также взносы России в фонд ФАО ООН – за последние 7 лет в 3,5 раза.[7] Все это необходимо учитывать, формируя стратегию развития регионов Сибири.

Кроме «вертикальных» уровней продовольственной безопасности, целесообразно рассматривать «горизонтальный» или территориальный аспект ее обеспечения. Здесь также будет наблюдаться специфика, связанная с природно-климатическими, финансово-экономическими, национальными и культурными особенностями, которые необходимо учитывать органам управления всех уровней – государственного, муниципального, хозяйствующих субъектов. Решая проблемы продовольственной безопасности, они должны учитывать следующие аспекты: за

[7] *Примечание:* рассчитано автором по данным распоряжений Правительства РФ о добровольных целевых взносах в фонд Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН в 2011–2017 гг. [2].

счет собственного производства и ввоза из сопредельных территорий обеспечивать всем слоям населения страны, региона, муниципального образования бесперебойную физическую, социальную и экономическую доступность основных продуктов питания. Данные продукты должны быть натуральными; по количеству, качеству и безопасности соответствовать медицинским стандартам, позволяя вести здоровую, активную, полноценную жизнедеятельность каждому человеку.

В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности РФ, принятой в 2010 г., к основным продуктам питания относят молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, рыбу; зерно и зернопродукты, картофель; растительное масло; соль и сахар [3]. Но рекомендуемые нормы потребления продуктов питания на душу населения в разные годы имели различные значения. В настоящее время в нашей стране действуют рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания, разработанные и принятые Минздравом России в 2016 г. [4]. Исходя из указанных норм, по данным высшего руководства страны, в 2017 г. Россия полностью обеспечила себя всеми основными видам продовольствия [5]. Кроме того, экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания превысил доходы от экспорта таких высокотехнологичных видов продукции, как вооружение и военная техника, в 1,3 раза.

И здесь в целях увеличения доходов возникает желание у многих крупных товаропроизводителей и руководителей регионов увеличить экспорт продукции АПК. Это касается также субъектов РФ Сибири, учитывая их удаленность от центральных густонаселенных регионов России и близость к границам других государств (Казахстана, Монголии, Китая и др.). Особенно усиливается стремление увеличить экспорт в условиях роста иностранной валюты и девальвации рубля.

Проводимые в стране, включая регионы Сибири, импортозамещение и реиндустриализация АПК позволили повысить качество продукции, ее потребительские свойства и привлекательность для покупателей, в том числе зарубежных. Отмечая указанные успехи, Президент РФ В.В. Путин

подчеркнул, что за последние годы АПК стал «глобально конкурентоспособным и высокотехнологичным, одним из драйверов роста российской экономики» [5].

Однако это утверждение можно отнести не ко всем регионам Сибири. В частности, ряд субъектов СФО не обеспечивает свою продовольственную безопасность по основным видам сельскохозяйственной продукции; хотя, если судить по данным до 1991 года, они для этого имеют достаточные природно-экономические условия; но до настоящего времени не достигли уровня производства 1990 г. Например, поголовье сельскохозяйственных животных в целом по СФО в 2014–2016 гг. по сравнению с 1990 г. снизилось в 2–3 раза (рис. 1); производство мяса и молока – в 1,3–1,6 раза (рис. 2).

Рис. 1. Тренд поголовья сельскохозяйственных животных в СФО, тыс. голов

Источник: составлено автором по данным [6–8].

Рис. 2. Производство мяса и молока в СФО, тыс. т
Источник: составлено автором по данным [6–8].

Крайне низкий в настоящее время уровень самообеспечения зерном таких регионов, как республики Алтай и Тыва. Недостаточна в Томской области обеспеченность населения яйцом и молоком (чуть выше 40 %) (табл. 2). Очень низким является самообеспечение населения овощами в Республике Тыва и Забайкальском крае; мясом и молоком – в Кемеровской области; яйцом – в республиках Алтай, Бурятия, Тыва, Забайкальский край [6].

Если при такой ситуации неконтролируемо увеличивать экспорт продукции АПК, в том числе из благополучных регионов Сибири, ситуация с обеспечением продуктами питания населения большинства сибирских регионов может приобрести негативный характер.

Таблица 2

Уровень физической доступности основных продуктов питания на душу населения в регионах СФО, % среднегодового производства к нормам потребления

Наименование региона: республики, области, края	В среднем за 2012–2015 гг.			
	Зерно и хлебобул. изделия (в переводе на муку)	Картофель	Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)
СФО	5,8 раз	2,9 раз	86,3	82,1
Республика Алтай	*32,4*	1,5 раз	1,3 раз	1,9 раз
Республика Бурятия	76,0	1,7 раз	*68,3*	*53,7*
Республика Тыва	*28,9*	107,3	*61,3*	*52,9*
Республика Хакасия	2,2 раз	2,7 раз	109,7	79,5
Алтайский край	13,3 раз	3,8 раз	1,8 раз	1,4 раз
Забайкальский край	130,0	1,8 раз	95,1	*61,1*
Красноярский край	6,4 раз	4,4 раз	*78,2*	*66,2*
Иркутская область	2,5 раз	2,7 раз	*58,4*	*56,3*
Кемеровская область	2,7 раз	2,6 раз	*42,4*	*45,0*
Новосибирская область	6,0 раз	1,8 раз	*75,8*	*80,9*
Омская область	12,7 раз	4,1 раз	113,2	1,3 раз
Томская область	2,2 раз	2,6 раз	*42,4*	109,6

Источник: рассчитано автором по данным [9].

Кроме того, недостаточна в ряде регионов Сибири экономическая доступность продуктов питания для населения. По расчетам ученых ИЭОПП СО РАН, в целом по СФО 43% населения имеют доходы только для «выживания»; а в Республике Тыва у 35 % населения доходы ниже прожиточного минимума [10, с. 54], что не обеспечивает продовольственную безопасность регионов и социальное благополучие их жителей.

Несмотря на такое положение, руководство некоторых регионов (Республики Алтай и др.) не уделяет достаточного внимания решению данной проблемы.

Решение проблемы продовольственной безопасности, как следует из приведенных выше аналитических данных, имеет в современный период два наиболее значимых направления:

– достижение производства продукции, достаточного по количественному и качественному составу для питания населения соответственно установленным медицинским нормам;

– поддержка доходов населения на уровне, достаточном для получения (приобретения, выращивания и т.д.) необходимого для жизнедеятельности количества качественных продуктов питания.

Для того, чтобы достичь производства необходимого количества качественной продукции, также требуется проведение работы по следующим направлениям:

– поддержка доходов товаропроизводителей на уровне, обеспечивающем расширенное воспроизводство;

– создание условий для развития конкурентоспособного выпуска продукции, способной выдержать ценовую и неценовую конкуренцию на рынке.

По первому направлению госструктурам необходимо регулировать цены на сельскохозяйственное сырье и продовольствие, устанавливая либо поддерживая различными методами нижний и верхний предел. При этом нижний предел должен быть таким, чтобы производство продукции было выгодно товаропроизводителям, а верхний – обеспечивал доступность продовольствия для населения. Так регулируют цены во многих развитых странах (Япония, США, Австрия, Китай и др.) [11–14].

Кроме того, учитывая, что природно-климатические и экономические условия различны по регионам страны, а продукты питания везде являются социально значимыми, необходимо проводить достаточную бюджетную поддержку товаропроизводителей АПК. Приоритетным направлением при этом считать те виды производства, недостаток продовольствия по которым является максимальным исходя из рациональных норм потребления основных продуктов питания на душу населения. В большинстве регионов Сибири такими приоритетными направлениями должно быть производство мяса и молока.

Помимо прямой господдержки, требуется косвенная поддержка товаропроизводителей со стороны государства (информационная, консультационная и др.).

В целях достижения продовольственной безопасности и обеспечения населения необходимыми продуктами питания руководству каждого региона СФО необходимо провести следующую работу:

1. Определить потребность региона в сельскохозяйственном сырье и его жителей в основных видах продовольствия.
2. Составить балансы фактического производства и нормативного потребления продуктов питания; ввоза в регион и вывоза за его пределы основных видов продукции АПК, отдавая приоритет соседним регионам для снижения транспортных расходов и учитывая малотранспортабельный характер продукции (цельного молока, парного мяса и др.). Предусмотреть квоты на вывоз продукции из региона, если есть угроза возникновения недостатка самообеспечения определенного вида продукции.
3. Определить фактический и перспективный производственный потенциал региона с учетом специализации и рационального размещения производства, развития техники и технологий, наличия или подготовки либо привлечения в регион квалифицированных и иных кадров, необходимых для производства и реализации продукции АПК.
4. Разработать и принять стратегию и программу обеспечения продовольственной безопасности региона, предусмотрев не только возможность самообеспечения продовольствием по тем

основным видам продукции, для производства которых имеются благоприятные условиях; но обеспечив также социальную и экономическую доступность продуктов питания каждому проживающему на данной территории гражданину страны. Варианты могут применяться разные в соответствии с действующим законодательством, федеральной поддержкой и наполняемостью регионального бюджета.

5. В регионах, в которых население не обеспечено в достаточном количестве основными продуктами питания, необходимо предусмотреть решение проблемы в два этапа:

– на *первом этапе* поставить задачу обеспечения населения основными продуктами питания за счет собственного производства, создаваемых запасов и ввоза продукции в регион, исходя из рационального размещения и специализации аграрно-промышленного производства в сибирских регионах;

– на *втором этапе*, также как и в других регионах Сибири, достигших продовольственной безопасности, предусмотреть обеспечение населения продуктами питания, не вошедшими в список основных, согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ, но имеющих важное значение для сохранения здоровья и активной жизнедеятельности человека. Сюда необходимо отнести яйцо, основные сибирские овощи и фрукты в количестве соответственно медицинским рекомендациям с учетом специфики регионов.

6. Активно проводить работу по реиндустриализации АПК региона, используя достижения сибирской науки, проводя работу по импортозамещению, в том числе семенного материала, прорабатывая направления и возможности внедрения цифровых технологий в аграрное производство (автоматизированные рабочие места с использованием ПК, беспилотников, спутниковых технологий и др.).

Учитывая зарубежный и отечественный опыт, в том числе советского периода, а также природно-экономический и производственно-хозяйственный потенциал сибирских регионов, можно констатировать, что обеспечение продовольственной безопасности всех регионов Сибири не только необходимо, но и возможно при современном уровне развития АПК и применении лучших практик обеспечения физической, экономической и

социальной доступности продуктов питания для каждого человека.

Литература

1. Проекты (январь 2016 г.) [Электронный ресурс] / Евразийский банк развития // Евразийский фонд стабилизации и развития [Офиц. сайт]. URL: https://efsd.eabr.org/projects/ (дата обращения 10.04.2018).

2. КонсультантПлюс, 2018.

3. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 [Офиц. сайт]. URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752 (дата обращения 10.04.2018).

4. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614 // Гарант.

5. Путин В.В. Доклад на пленарном заседании Всероссийского форума сельхозпроизводителей, 12.03.2018 [Электронный ресурс] // Стенографический отчёт о пленарном заседании Всероссийского форума сельхозпроизводителей [Офиц. сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57035 (дата обращения 10.04.2018).

6. Обеспечение продовольственной безопасности регионов Сибири / Под научной редакцией П.М. Першукевича, Л.В. Тю // СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. – Новосибирск, 2016. – 180 с.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

9. Агропромышленный комплекс России в 2015 году // Минсельхоз России. – М., 2016. – 704 с.

10. Калугина З.И. Институциональное обеспечение развития человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф.

З.Х. Саралиевой: в 2 т. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – Т 1. – С. 52–56.

11. Основы государственного регулирования цен [Электронный ресурс] // Теория и практика ценообразования [Офиц. сайт]. URL: http://pricinginfo.ru/publ/teorija/gosregulirovanie/osnovy_gosregulirovanija_cen/3-1-0-15 (дата обращения 12.04.2018).

12. Опыт ценообразования за рубежом [Электронный ресурс] // Теория и практика ценообразования [Офиц. сайт]. URL: http://pricinginfo.ru/publ/praktika_cenoobrazovanija/mezhdunarodnyj_opyt/opyt_cenoobrazovanija_zarubezhom/23-1-0-87 (дата обращения 12.04.2018).

13. Цели и методы государственного регулирования цен [Электронный ресурс] // Теория и практика ценообразования [Офиц. сайт]. URL: http://pricinginfo.ru/publ/teorija/gosregulirovanie/celi_i_metody_gosudarstvennogo_regulirovanija_cen/3-1-0-23 (дата обращения 12.04.2018).

14. Саттарова Н.А. О правовых аспектах ценообразования // Финансовое право. – 2010. – № 5. – С. 14–17.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....7

Бусыгин С.В., Мишура А.В., Шильцин Е.А. Оценка влияния качества школьного образования на стоимость жилья в региональном центре РФ (на примере Новосибирска).....12

Горяченко Е.Е. Развитие моногородов: проблемы, возможности, барьеры с позиции руководителей муниципальных образований.....25

Грошева Л.И. Неформальный бизнес как ресурс развития российской экономики.....41

Елгин В.В., Переладов А.М. Совершенствование мотивационного механизма у вахтового персонала газодобывающих предприятий 50

Зазулина М. Р. Сельское самоуправление Новосибирской области в условиях муниципальной реформы.....65

Иванова В.В., Васильева А.А. Объективные и субъективные оценки качества жизни населения дальневосточных городов...77

Казанцева Л.К., Тагаева Т.О. Общественное здоровье и проблемы здравоохранения в России и регионах 90

Калашникова К. Н. Концепции выставочных пространств как элемента символической экономики города.....105

Полянская М. Н. Трансформация ценностей молодежи Академгородка.....116

Попова Л.А., Зорина Е.Н. Особенности демографического старения сибирских регионов 130

Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Рынок жилой недвижимости Новосибирска: социологический анализ.....144

Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Заболеваемость детей и подростков Сибирского федерального округа: динамика и факторы 155

Сулейманова Ф. Г., Харченко И. И. Человеческий потенциал и социальная активность студенчества вузов и колледжей Новосибирской области с позиции инновационного развития экономики и гражданского общества 172

Щетинина И.В. Концептуальные аспекты продовольственной безопасности регионов Сибири..... 186

ЭКОНОМИКА СИБИРИ

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Том 1
Социальные детерминанты развития Сибири
в пространстве и во времени

Сборник статей

Под редакцией
С.В. Коржук

Верстка *С.В. Коржук*

Подписано к печати 16 июля 2018 г.
Формат бумаги 60x84 1/16. Офсетная печать.
Объем 12,5 п.л. Уч.-изд.л. 11,5. Тираж 75 экз. Заказ № 127

Издательство ИЭОПП СО РАН
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17

Отпечатано в ООО «Офсет-ТМ»
630004, г. Новосибирск, ул. Вокзальная магистраль, д. 4/2